СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ БЕДЫ ОСОБО ОСТРО СКАЗАЛИСЬ НА СУДЬБАХ МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Разговор об этом — в ближайших номерах.

70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

5/89

Деревне — жить!

Без нее не выжить всем нам, — утверждает народный артист СССР Михаил Ульянов в статье «Правда, просто правда...».

В начале этого года в Центральном Доме актера была открыта выставка «В этих обетованных местах», посвященная судьбе уникального памятника русской усадебной культуры — музея-заповедника А. Н. Островского Щелыково. Фотографии, которые вы видите, это лишь небольшая часть документов, представленных на выставке. Прокомментировать их мы попросили председателя правления Союза театральных деятелей РСФСР народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Михаила Александровича Ульянова.

Фотографии Александра **БОМЗЫ**

Михаил УЛЬЯНОВ

ПРАВДА, ПРОСТО ПРАВДА

— Когда выставка только начинала работать, раздались голоса: мол, зачем показывать весь этот кошмар, к чему такое сгущение красок, не лучше ли показать красоту щелыковской природы и мемориала А. Н. Островского? А с моей точки зрения, никакого «сгущения красок» нет. То, что мы видим на выставке, это правда, просто правда, и именно поэтому такая выставка необходима. Что говорить о поэтичности и волшебстве щелыковской природы, если в десяти километрах от заповедника развертывается строительство второй очереди гигантского Заволжского химзавода, благодаря которому мы имеем все шансы лет эдак через десять эту природу потерять. Что говорить о мемориале, если продолжаются процессы миграции окрестного деревенского населения (и прежде всего молодежи) в города и скоро у нас просто некому будет поддерживать заповедник и его памятники в сколько-нибудь приличном состоянии! Причем завод — сейчас его стройка, а потом и само производство — потребует все больше и больше рабочей силы, и вычерпываться она будет именно из окрестных деревень. И не придется ли нам вскоре говорить уже не о вымирающих деревнях, но о вымирающем регионе? Ситуация, честно говоря, просто потрясает своей иррациональностью, необоснованностью ведомственных решений, прямым их противоречием партийной и государственной политике, направленной на приоритетное развитие деревни. Как утверждает академик Ласкорин, проект расширения и реконструкции химзавода не только экологически и социально опасен, но и попросту убыточен: срок его окупаемости определяется в 19,5 года: это же разорение! Тем не менее экспертная комиссия Госплана СССР дала «добро» на строительство...

Кроме того, в составе экспертной группы, проводившей комплексную экспертизу, почему-то не нашлось места ни одному ученому-гуманитарию: социологу, этнографу, культурологу, специалисту по проблемам сельского хозяйства. А ведь выставка наша буквально вопиет о недопустимости технократического подхода к подобным проблемам, затрагивающим самые тонкие ткани общественных отношений: семейные и национальные. Сколько десятилетий мы вторгаемся в святая святых даже не со скальпелем хирурга, а с топором мясника, круша и ломая веками складывавшиеся формы сосуществования человека и природы! А в итоге получаем серую денационализированную массу, живущую в серых, одинаковых по всей стране городах — «спальных мешках» и домах-«коробках», лишенную подлинной культуры, изъясняющуюся на чудовищном полуматерном воляпюке, который лишь с большой натяжкой можно счесть русским языком. И самое ужасное, что ведь все это не результат происков неведомых «врагов народа» (как тогда все было бы просто!), а итог бурной деятельности его технократически настроенных «друзей».

Я уверен, что если бы было проведено действительно комплексное, всестороннее исследование проблем Заволжского региона, то удалось бы найти для него иной, гораздо более органичный путь развития, не уничтожающий его окончательно, а, напротив, дающий перспективу и надежду. Может быть, и тот, который в течение нескольких лет предлагается театральной и литературной общественностью республики: превращение Заволжья в национальный парк союзного значения с центром именно в заповеднике А. Н. Островского. Недавно Совет Министров РСФСР принял постановление о сохранности и развитии Щелыкова, направленное именно к этой цели. Щелыково получило статус мемориального и природного заповедника. Сейчас научный коллектив музея в сотрудничестве с художниками, архитекторами, театральной общественностью разрабатывает план его развития. По ходу этой работы выяснилось, что перестраиваться, менять свое отношение к Щелыкову нужно и некоторым из нас, работникам театра. Многие ведь относились раньше к заповеднику только как к прекрасной здравнице, месту отдыха, отодвигая в системе приоритетов музей во второй ряд. Новый генплан должен все расставить по своим местам. Я считаю, что все без исключения памятники архитектуры и истории в заповеднике должны быть переданы музею, отреставрированы и использованы для развертывания новых экспозиций и выставок, пропагандирующих жизнь и творчество великого русского драматурга, историю этого края. Щелыковская земля должна чтиться не на словах, а на деле, она должна быть осознана как величайшая национальная святыня. С этого только и может начаться ее возрождение.

РОДИНА 5/89

Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

Издание газеты «Правда»

Выходит с января 1989 г.

На первой обложке фото Валерия Арутюнова

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Москва.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПОСЛУШАНИЕ — ЕЩЕ НЕ ДОБЛЕСТЬ

Виктор ИВАШКЕВИЧ, грузчик-стропальщик минского «Промжилдортранса»

Сейчас многие говорят от имени рабочих. Рабочим классом прикрывается номенклатура в полемике с представителями самодеятельных демократических движений, те также объявляют своими союзниками рабочих. Многие высказывают мысль об инертности и аполитичности рабочего клвсса. Как рабочий со стажем и член совета трудового коллектива сеоей фирмы хочу поделиться размышлениями на эту тему, исходя из личного опыта.

По-моему, условно сейчас всех рабочих можно разделить на четыре неравные группы. Пврвая — зто, так сказать, «рабочая аристократия». Как правило, ее составляют выходцы из деревни, главный девиз которых — послушание. Они никогда не конфликтуют с начальством, мол, пусть вожди думают, им виднее.

Как правило, номенклатура стремится подкупить «аристократию от станка» небольшими подачками: бригадирством, званием лучшего по профессии, десяткой по итогам соцсоревнования, и, как предел мечтаний,— квартирой. Их выбирают в профкомы, в президиумы собраний. Представители зтой группы давно отучились самостоятельно мыслить и причины экономических трудностей и неурядиц видят в том, на что им указывает начальстео: «Больно много свободы дали, очень уж умные все стали, неформалы толкают стрвну к анархии» и т. д.

Если корни первой группы ведут к сталинщине, то вторая — стопроцентный продукт брежнввщины. Единственное их желание и мечта — «поддать». Жизнь идет по четко обозначенной схеме: где достать деньги? где купить? где выпить? где достать деньги, чтобы опохмелиться? где снова купить? Нет времени почитать газеты, сходить в кино, не говоря уже про книги, театры, музеи. На собрания их не загнать, а если и загоняют, то сидят они там тише воды, ниже травы, ибо являются постоянно проштрафившимися и поэтому находятся «на крючке» у администрации.

Третья, самая большая группа,— это обыкновенный «средний рабочий», одна из основных черт характера которого — неудовлетворенность. А от незнания путей улучшения своего положения, от чувства собственного бессилия что-либо изменить — озлобленность. Озлобленность на администрацию за урезание расценок, на правительство — за отсутствие дешевых товаров, на кооператоров — за высокие цены и т. д. и т. п. Ругают сталинские времена за репрессии, хрущевские — за кукурузу, брежневские — за коррупцию, перестройку — за антиалкогольную кампанию и экономический кризис. В высказыеаниях бесконечные шарахания из крайности в крайность. То: «Всех бюрократов нужно перестрелять», то: «Сталина нет! Он бы навел порядок! При нем каждый год цены понижали, а сейчас повышают!», то: «А что зта перестройка?! При Брежневе хоть и крали миллионы, зато было что и выпить и чем закусить!» А кончается это, как правило, следующим: «А пошли они все!.. Не буду ходить на собрания! Не буду читать их газеты! Нв буду смотреть их программу «Время»! Однако на собрания идут. Газеты читают и ругаются. Программу «Время» смотрят и плюются.

И, наконец, четвертая группа, которую я бы назвал «рабочая интеллигенция». Как правило, зто окончившие городские школы, заочники и свмоучки, выпускники вузов и техникумов, не захотевшие идти на 120 рублей в НИИ и ставшие к станку. Они наиболее ясно среди рвбочих видят и понимают несовершенство существующей системы. В книгах, кинофильмах, газвтных статьях ищут и постепенно находят пути выхода из кризисной ситуации, в которой оказалось наше общество.

Конечно, зто мое деление рабочих на группы очень условно. В жизни все намного сложнее. Чаще всего в каждом рабочем присутствуют черты всвх четырех типов, разница только в их процентном соотношении.

Массовый перевод предприятий на самофинансирование без самоуправления, как правило, влечет за собой ухудшение финансового состояния предприятий, и как следствие — урезание расценок. Первая реакция большинства рабочих: «Надо жаловаться!» В газету, министерство, вплоть до ЦК. И поручается это рабочим-интеллигентам. Но обычно толку от подобных жалоб никакого. Представители вышестоящих организаций заявляют рабочим, что их предприятия на самофинансировании, и никто денег со стороны не даст. Думайте, мол, сами, как делить заранее: сокращайте штат, переходите на аренду. Администрация предлагает выход в виде бригадного или коллективного подряда, повышения заработков через сокращение численности самих же рабочих. Ну, а те — за сокращение управленцев, переход на аренду всем предприятием.

В конце концов рабочим становится ясно: реальным средством завоевания подлинной самостоятельности трудового коллектива может быть только переход его на права кооператива, после чего деятельность коллектива должна регулироваться законом о кооперации, а все основные фонды данного предприятия — перейти новообразованному кооперативу в бессрочную аренду с правом выкупа. Но для этого необходимо внести изменения в законы о трудовых коллективах и о государственном предприятии. А это уже компетенция Верховных Советов страны и республик.

Убедившись в необходимости изменения законодательства, рабочие пробуют выдвинуть своих лидеров в депутаты. Однако практика показывает, что независимому квндидату, особенно когда он предложен своим коллективом в противовес официально рекомендованному, пройти сито окружных собраний практически невозможно. Такое положение объективно толкает рвбочих лидеров к поиску политических союзников. А зто в первую очередь массовое (или пока не очень массовое) движение за перестройку, возникающее сейчас повсеместно. На начальном этапе зто движение в основном объединяет молодежь и интеллигенцию, ставит вопросы демократизации, экологии, охраны и возрождения национальной культуры, исторической памяти... Но по мере своего развития неформалы все больше внимания уделяют вопросам экономики, понимая, что без ее демократизации невозможно решение ни одной из вышеназванных проблем, и уже сами ищут контакта с рабочим движением.

По моему мнению, эти встречные движения объективно неизбежны, и когда они сольются в один мощный поток, тогда и можно будет с уверенностью сказать, что перестройка обрела нвобратимый характер.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА: ПУТИ И ЦЕЛИ

Лариса ПИЯШЕВА, кандидат экономических наук

Николай ПЕТРАКОВ, член-корреспондент АН СССР

НЕ ПОРА ЛИ БИТЬ В НАБАТ?

Внимание! В продовольственном магазине № 62 на Шаболовке открыты три новые секции «сопутствующие товары». Здесь вы сможете без очереди приобрести крышки для унитазов.

С 1 января 1988 года введен полный хозрасчет. Предприятия функционируют в условиях хозяйственной самостоятельности, самофинансирования и самоокупаемости. Еще немного, и государственная комиссия по ценам объявит новую структуру цен, на их основе введут рынок оптовой торговли. Инвестиционные средства уже текут в машиностроение. Ликвидирована часть министерств, сокращен управленческий персонал, людям предоставлено право на индивидуально-семейную и кооперативную деятельность вне государственного сектора...

А в продовольственных магазинах начали продажу «сопутствующих товаров».

Что же происходит? Идея государственного заказа правильна и хороша, но имеет место ее извращение путем «выбивания из предприятий объемов ради объемов», объясняет ситуацию Отто Лацис. Мы уже перешли к новому хозяйственному механизму «по форме», теперь надо переходить «по содержанию», считает Гавриил Попов.

Но есть и другие мнения. По словам Василия Селюнина, «новый механизм не хуже и не лучше старого, он просто старый, и в этом качестве нейтрален к ускорению».

Что же имеет место? Саботаж граждан, работающих недостаточно усердно, или наступление «консервативных сил», которые «тащат назад»? А может, просто не хватает терпения — следует подождать, когда вырастет дерево, созреют плоды, заполнятся прилавки?

Ни то, ни другое, ни третье. Ни при чем здесь наше усердие, наши вера или неверие и «реванш бюрократии». Дело даже не в том, что экономическая реформа осталась на бумаге и «промотана» в дискуссиях и митингах. Дело в том, что ее не было.

«Госзаказ на 100 и более процентов продукции» — был, «отчисления от прибылей предприятий в пользу бюджета и министерств на уровне 85—95%» — были, «невозможность распоряжаться фондами без визы сверху, невозможность ни продать свою продукцию, ни потратить свои рубли вне системы «карточного снабжения» (Николай Шмелев) — все это было. А реформы не было.

Не было, на мой взгляд, потому, что не определили четко цели, не выработали стратегии, не нашли адекватных методов. Непроработанность самой концепции реформы повлекла за собой принятие неработающего — паллиативного — законодательства, а отсутствие решимости на кардинальную перестройку породило компромиссность каждого решения.

Основные мерки реформы — она на голову выше всего, что было при Брежневе, и качественно демократичней того, что было при Сталине,— оказались не того масштаба, в котором следовало бы ее измерять, ибо начали мы даже не с нуля, а с величины отрицательной.

Опыт косыгинской реформы показал, что нам нужна качественно иная реформа с другими целями и другим масштабом и, что самое главное, с иной стратегией по осуществлению задуманного. Газетная трескотня и телевизионные дебаты мало способствуют творческому процессу. Периоду напряженной работы мысли больше подходит обстановка спокойной научной дискуссии. Косыгинская реформа не могла не провалиться потому, что тогда «мелко копали». За устремленностью к «развитому социализму» как-то выпали из поля зрения собственно товарно-денежные отношения и экономические методы управления. Ведь хозрасчет — это всего лишь метод счета, а его приняли за системообразующий фактор нового, «хозрасчетного» социализма. Не было до конца осмыслено, что товарно-денежные отношения предполагают конвертируемость рубля и систему свободного ценообразования, отказ от натурального обмена и централизованного распределения ресурсов и благ, учреждение свободного рынка труда и капитала. А индивидуальная, семейная и кооперативная деятельность — законодательное оформление частной (индивидуальной, кооперативной, акционерной) формы собственности, капитализацию личных доходов и их свободное перемещение. Не было осознано, что в случае перехода к новым формам организации экономической жизни возродятся «выкорчеванные» классы промышленников, торговцев, банкиров, ремесленников и кулаков-середняков (фермеров), усилится имущественное неравенство, «тайные» миллионеры станут явными, а деньги из сейфов, сундуков, кубышек и заграничных банков превратятся в инвестируемый капитал, приносящий прибыль.

Демократизация и плюрализм в экономике — это не право сказать и поспорить, а право взять в аренду, вступить в акционерное общество, купить или продать землю, создать самостоятельно новое промышленное предприятие или коммерческий союз, начать новый инвестиционный проект на собственные или заемные средства. Хозяйственная самостоятельность — это право на риск, на разорение, на выигрыш и присвоение выигранного, на собственную, ни от кого не зависящую и никем не контролируемую коммерческую стратегию, на собственную инвестиционную политику; право осуществлять модернизацию и рационализацию производства и распоряжаться своим доходом; право выбора — расширять дело или пускать заработанное на ветер.

Самоокупаемость — это выбор между успешной коммерческой деятельностью и банкротством, и первым шагом на пути к самоокупаемости является принятие закона о банкротстве, а первыми и непременными ее условиями — полная отмена системы государственных лимитов, дотаций, безвозвратных кредитов, льгот, плановых нормативов, заданий, инструкций (за исключением, скажем, инструкций по технике безопасности и защите окружающей среды), введение единых для всех предприятий условий хозяйственной деятельности и отсечение всякого вмешательства в коммерческие дела фирм и предприятий.

Обо всем этом тогда не было сказано. Не было понимания и того, что выдвинутые принципы из лозунгов превратятся в инструменты экономического механизма лишь при условии, если предприятия действительно станут самостоятельны в своей коммерческой деятельности, в выборе поставщиков и рынка сбыта (при возможности ничем не стесненного выхода на внешний рынок, закупки там сырья, оборудования, машин, приглашения специалистов-консультантов, приобретения проектов и лицензий и т. д.), т. е. будут обладать всеми правами, определяющими статус хозяина. Причем хозяина, вынужденного бороться за потребителя с себе подобными предприятиями, которые все без исключения будут поставлены в равные финансовые условия.

Все эти моменты остались за пределами и нынешней реформы, граница которой изначально была задана политическим императивом: «От наших социалистических завоеваний мы не откажемся, безработицы не допустим». Эта заданность сразу же отсекла возможность «копнуть глубже» как в осмыслении истоков наших социальных и экономических бед (списав все на сталинско-бериевский террор и брежневский застой), так и в отношении самих преобразований.

Кооперативы не были поставлены в равные финансовые и организационные условия честной конкуренции с государственными предприятиями. Ни закона о праве собственности, ни закона о банкротствах, ни закона об акционерных обществах принято не было. Деньги остались бумажными знаками. Не последовало и антиинфляционного законодательства, которое наложило бы вето на печатание бумажных знаков. Реформа ценообразования свелась к созданию высокой комиссии, которая села рассчитывать новые «научно обоснованные» цены и новые нормативы...

Экономисты же, вместо того чтобы взяться за отработку нового механизма хозяйственной деятельности, занялись высокотеоретической дискуссией о том, что такое хозрасчет, хозяйственная самостоятельность и самоокупаемость в условиях социализма. Или, скажем, как достичь ускорения, не изменив основ плановой централизованной экономики. Управленец Г. Попов, поначалу выступивший с тезисом о необходимости смены Административной Системы на Систему Экономическую, очень скоро утешился концепцией экономического централизма (взамен апробированного нами ранее демократического) и пояснил, что под экономическими рычагами новой системы имел в виду вовсе не то, что называют этим словом в мировой политике, а новые нормативы и госзаказы. «Только при демократическом механизме можно правильно решить, какие нормативы будут приемлемы для общества»,— считает Попов.

Мировой опыт доказывает обратное. Никакой механизм, кроме рыночного, не способен «решить» вопрос ни «научных» цен, ни «правильных» нормативов. Подобной диалектической схоластикой можно заниматься вечно. Реальность же в том, что новые «сопутствующие товары» все настойчивей теснят из продовольственных магазинов предметы «старой» необходимости...

Не пора ли бить в набат и кричать о том, что реформа на глазах уходит в небытие?

Мы очень радуемся гласности и постепенно, по крупицам, шаг за шагом отторгаем сталинское (террористическое) и брежневское (застойное) прошлое. Но давайте задумаемся. Смогла бы Германия, разрушенная, поверженная, расколотая, морально опустошенная, за одно десятилетие превратиться в «локомотив Европы», если бы она не пошла на сокрушительный разрыв с идеологией, политикой, всей системой тоталитарной власти? Экономическое чудо ФРГ как раз и было обеспечено этой радикальной сменой идеологии и политики и конституированием экономического либерализма в чрезвычайно сжатые сроки. (Уже в 1948 году свободное рыночное хозяйство стало основой жизни страны.)

С другой стороны, разве достигла бы Япония нынешних экономических результатов, если бы она пошла по стопам развитых капиталистических стран, пренебрегая накопленным ими опытом? Разве сумели бы Сингапур, Южная Корея вырваться вперед и не только обогнать страны социалистической системы, но и потеснить своих «ры-

ночных учителей» с мирового рынка, если бы они проделывали «классический» путь капитализации с неизбежными для него ошибками, просчетами, потерями и издержками? Успехи этих стран в первую очередь связаны с тем, что они учли негативные стороны прошлого развития и сумели к своей выгоде воспользоваться экспортом капитала, свободным переливом технологии, открытым рынком торговли современным оборудованием и техникой, новейшими достижениями научной и технической мысли.

За четыре с половиной десятилетия послевоенной истории в списке стран, испытавших на себе экономическое чудо и вырвавшихся на мировые рынки в роли производителей самой передовой техники и технологии, нет ни одной страны социалистической системы — системы национализированной собственности и планируемой экономики. Случайно ли это? Можно ли объяснить остроту продовольственной, жилищной, транспортной и других проблем в странах социализма внешними причинами — стремлением империализма задушить ростки прогрессивного социального строя? Или причины все-таки заложены в самой системе социалистического хозяйствования, в принципах административного управления и централизованного планирования?

Спору нет, осуществлять мобилизационную и конфискационную политику, организовывать «великие стройки пятилетки» лучше в условиях полной централизации и государственного монополизма. Однако, как показала практика, масштабность такой политики не решает проблемы роста благосостояния. И не случайно то, что практически все страны социализма периодически делают попытки свернуть с «праведного пути» администрирования и согрешить возрождением рыночных институтов.

Опыт таких грехов, так же как и опыт постепенной реформы в Венгрии, Югославии, КНР, у нас уже есть. Реформы, рассчитанные на 20 или 50 лет, буксуют. Основная проблема, с которой сталкиваются все без исключения страны социализма, продвигаясь в сторону рыночных отношений, состоит в том, что они, не выздоравливая от собственных болезней плановой централизации, заболевают еще и заморскими — «рыночными», то есть несут на себе груз издержек, порождаемых сразу двумя системами хозяйствования.

Мое мнение: совместить «социалистические завоевания» (систему централизованного планирования во главе с Госпланом, Госкомцен, Госкомтрудом, государственную монособственность, ведомственную систему власти и др.) с институтами и принципами рыночной системы (свободным ценообразованием, свободными рынками труда и капитала, рынком ценных бумаг и т. п.) не сумеет ни одно, пусть даже самое мудрое и целенаправленное правительство.

Цена не может быть «немножко планируемой», рассчитанной и установленной сверху, и в то же время «немножко рыночной», устанавливаемой в процессе взаимодействия спроса и предложения.

Конечно же, любая капиталистическая фирма планирует свою коммерческую деятельность, любое правительство не только планирует, но и законодательно оформляет свой бюджет, структуру его распределения, участвует в разработке долгосрочных инвестиционных программ, осуществляет прогнозирование научно-технического прогресса, финансирует те или иные «вековые» проекты и решает структурные проблемы. Но какое все это имеет отношение к нашей основополагающей идее планирования всей экономической жизни, ее хода и развития?

«Чистого» рынка с ничем не стесненной конкуренцией и полной экономической свободой так же нет, как нет в природе абсолютно чистого вещества. Но надо же отличать селедку от мармелада. Всякий рынок стеснен государственным участием, иногда удачным, иногда обременительным, а иногда и просто разрушительным (например, попытки Запада в 70-е годы «замораживать» цены). Каждое государство оказывает давление на экономику через кредитно-денежный механизм, стремится заполучить больше налоговых средств. Но какое это все имеет отношение к прямой конфискационной политике нашего государства, которое все изымает в «общий котел», а затем «бесплатно» благодетельствует?

Есть принципиальное различие между Планом — Законом, устанавливаемым наверху, и коммерческим планом производства и развития. Так же как есть оно между нашим прямым политическим управлением экономикой и косвенным регулированием через кредитно-денежный и налоговый механизмы, то есть той политикой, которую во всех учебниках по экономике называют **экономической.**

Прав академик Абалкин: у нас всегда был свой «специфический социалистический рынок». (Иначе мы бы просто назывались натуральным хозяйством.) Есть и черный рынок. И базары, и ярмарки... Но какое это все имеет отношение к рынку в его экономическом смысле? Рынок — это механизм свободного ценообразования. Либо цены колеблются в зависимости от изменения спроса и предложения и ничто не мешает появлению новых видов производств и новых товаров, никто не стоит на пути свободного перемещения труда и капитала, не препятствует появлению новых промышленников и коммерсантов, либо...

Василий Леонтьев предлагает брать лучшее из двух миров: рыночного и планируемого, США и СССР. Замечательная по замыслу цель. Одна беда: лучшее в СССР — это закон планомерного и пропорционального развития, а в США — рыночная система со своими «преодоленными» у нас институтами собственности и власти, с нобелевскими лауреатами по экономике. И объединять лучшее нам все же предстоит не совершенствованием работы Госплана, балансового метода и математических расчетов новых цен, а внедрением рыночных отношений и переходом к экономическим методам управления, действующим только в условиях свободного ценообразования.

Ни Маркс, ни Ленин, ни Бухарин, ни Троцкий ничего не знали о нашем сегодня. Ни об НТР, которая на глазах обесценивает все завоевания времен индустриализации, ни об экономических чудесах, периодически возникающих в рыночной экономике, ни о космических полетах и открывающихся в связи с этим новых перспективах развития. Может быть, хватит нам смаковать старое и высасывать из старых корней «новые» истины? Может, хватит «забалтывать» правильные экономические слова во имя консервации идеологии? Ведь может произойти непоправимое. Нельзя более оттягивать принятие решения.

Был задан прекрасный старт, сказаны правильные слова, но реформаторы, которым было поручено это непростое дело, не оценили дистанцию и не увидели конечную цель. Последовала тактика «малых шагов» (сразу в двух направлениях), вновь зазвучали призывы работать лучше, с энтузиазмом и верой... Что стоит за словами «больше социализма»? Больше централизма или частной собственности? Планирования или свободного ценообразования? Или уже настало время, осмотревшись по сторонам, начать новую экономическую реформу?

Николай
ПЕТРАКОВ

В ОКОВАХ СТАРОГО МЫШЛЕНИЯ

Ознакомление с позицией Л. Пияшевой вызывает противоречивые чувства. Автор совершенно правильно акцентирует внимание читателей на том, что перестройка механизма управления советской экономикой идет не только крайне медленно, но и непоследовательно. Явные или скрытые противники экономических реформ саботируют или перетолковывают на свой лад решения по демократизации хозяйственной жизни. Здесь в одном ряду и практика применения Закона о предприятии, и нашумевшие истории с госзаказом, налогами на кооператоров, и, прямо скажем, старомодная политика теперь уже бывшего Госагропрома по отношению к колхозам и совхозам. По поводу этого «бьют в набат» многие экономисты, юристы, социологи, журналисты, директора и рабочие заводов и фабрик. Так что Л. Пияшева здесь не одинока. Да она этого и не скрывает, ссылаясь то на О. Лациса, то на Н. Шмелева, то на В. Селюнина, то на Л. Абалкина...

«Изюминка» позиции автора не в критике наших недостатков самих по себе, а в предлагаемых путях их преодоления. Суть предложений Л. Пияшевой вытекает из ее выводов о банкротстве экономической системы социализма и процветании капитализма. «Может быть, хватит нам смаковать старое и высасывать из старых корней «новые» истины? — восклицает она. — Может, хватит «забалтывать» правильные экономические слова во имя консервации идеологии?»

Как ныне легко и просто стать радикалом! Совершенно безопасно, а какой навар! Одним махом можно занести в число «забалтывателей» и Абела Аганбегяна, и Гавриила Попова, и кой-кого повыше. А ход рассуждений прост. Все основано на контрастах, на двоичной системе: черное — белое, чет — нечет, крестики — нолики, социализм — капитализм. Такая схема мышления вдалбливалась в сознание учебниками и преподавателями политэкономии и научного коммунизма в течение полувека. Безудержное восхваление «реального» социализма и яростное охаивание всего западного — идеологии, науки, хозяйственной практики.

Бунт Л. Пияшевой заключается в перемене знаков — плюса на минус. Но бунт этот остается в рамках хорошо усвоенной старой системы мышления. Отсюда и ее неприязнь к «диалектической схоластике», а на самом деле — к научному осознанию многообразия мира, в том числе и экономического. Из собственного горького опыта мы знаем, что экстремизм мысли прямо рождает экстремизм действия. Сколько раз мы уже выплескивали детей вместе с водой! Но вновь неймется!

Коммунистические идеалы имеют более чем тысячелетнюю историю. Они возникали и существовали в самых разных формах, иногда иррациональных, фантастических, иногда сугубо прагматических. Раннее христианство, средневековые «города солнца», утопический социализм, научный коммунизм, троцкизм, гошизм, наконец, всеми нами испытанный сталинизм...

Прежде чем выяснить, что «лучше» — социализм или капитализм, надо задать себе вопросы: что мы понимаем под социализмом? Что представляет собой современный капитализм? Какое общество мы построили в нашей стране?

Я считаю, что фундаментальная идея, отражающая гуманистическую сущность социалистического мировоззрения и объясняющая его живучесть, заключается в **самоценности человеческой личности,** в праве человека на достойное существование и всестороннее развитие независимо от его роли в общественном производстве, участия в экономической жизни, способности зарабатывать. Отсюда вытекают социалистические требования о предоставлении каждому человеку определенных социальных гарантий: свободного доступа к духовным и культурным ценностям, гарантированного минимума материальных благ (включая жилье, пищу, одежду, а также услуги здравоохранения), права на труд.

Идеология свободного предпринимательства все это отвергает. Винсент Ван Гог умер бы с голоду, не написав и десятой части своих полотен, если бы не поддержка со стороны брата Тео. Причина проста: его картины в то время не пользовались спросом, и рынок вычеркивал его из числа людей, имеющих право на существование. Конечно, здесь можно вспомнить, что советская история знает многие примеры физического уничтожения неугодных властям художников, поэтов, писателей или превращения их в изгоев. Но что из этого следует? Только одно: сталинская система имела мало общего с социализмом. Сложившаяся система общественного производства и общественной жизни имела много черт неофеодализма с его личной зависимостью, иерархической структурой власти, карательным аппаратом. Так что идеи социализма если и проникали в наше общество, то в искаженной форме. Шел процесс дискредитации социализма внутри страны и во всем мире.

В то же время социалистические идеи прорастали в общественных структурах стран Запада. В условиях соревновательности интересов различных социальных групп возникала мощная волна противодействия бесконтрольности рынка, его экспансии во внеэкономические сферы. Пусть это не изменило природы капитализма, но сделало его социально приемлемым для многих слоев общества, а следовательно, более устойчивым. Но устойчивость эту капитализм приобрел именно в силу гибкого «встраивания» целого ряда социалистических принципов в живую ткань общественного организма.

Такой гибкости нам никогда не хватало. Может быть, потому, что диалектическое мышление вытравлялось из общественного сознания, клеймилось как ревизионизм, рыночный социализм. А разве может быть социализм не рыночным?

Ведь рынок создает демократическую основу для организации хозяйственной жизни. А мы вроде бы начинаем усваивать — больше демократии, больше социализма! Надо, наконец, выбрать между «четвертым сном Веры Павловны» и «Критикой Готской программы». В этой работе Маркс прямо указал, что при социализме сохраняются стоимостные формы и «буржуазное право» как антипод уравнительному распределению. Социалистическое равенство в области экономики — это равенство по результатам труда. А результативность труда определяется не Госпланом, а мерой удовлетворения потребностей, то есть потребителем. Свободный выбор потребителем средств удовлетворения своих потребностей, ограниченный лишь размером заработка (дохода),— это и есть рынок. Задача заключается в том, чтобы соединить механизм рынка с системой социальных гарантий, материально обеспечивающих гуманистический характер общества. Такой социализм нам нужен, за таким социализмом будущее.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Я бывал в странах, где проживает большинство латышских эмигрантов,— в США, Швеции, Австралии, ФРГ. И странными порой случались эти встречи. Казалось бы, что может быть желаннее и теплее, чем в стихии чужой (пусть великой и богатой) культуры найти человека, говорящего на твоем языке, многими, хоть и неосознанными нитями связанного с родиной общих предков.

Но еще несколько лет назад отношение латышских общин к приезжим из Латвии было прохладным, подозрительным. Их часто принимали за рупор официальной коммунистической пропаганды, за агентов КГБ и т. п. Исключения не делались и для артистов, художников. Например, латышские эмигрантские организации в США и Канаде бойкотировали еще недавно выступления нашего прославленного камерного хора, народного поэта Латвии Иманта Зиедониса. Да и сам я не раз испытал это враждебное отношение соотечественников, от которого на душе становилось больно и страшно.

Что греха таить, и в нашем мышлении жил стойкий стереотип, что русские ли, латыши ли, оказавшиеся за географической границей Советского Союза или родившиеся за пределами нашей страны, как бы изначально виноваты. Известный пункт наших анкет о родственниках за границей не вызывал радостного желания ответить: да, есть! Соотечественники за рубежом были негласным обвинением.

Считалось принятым подчеркивать не общее между живущими в одном мире, но по разные стороны национальных границ, а непримиримость, идеологическую несовместимость.

Один из самых устойчивых стереотипов нашего сознания заключался в том, что если индивидуально эмигрант еще может быть приличным человеком, то эмигрантские организации — это всегда антисоветские группы, сеющие рознь и ненависть по отношению к Советскому Союзу. На самом деле такие представления не что иное, как «образ врага», созданный нашей официальной пропагандой.

Применительно к моему народу такие организации помогли латышам остаться латышами на чужбине, не потерять свой язык, свои традиции, национальное самосознание. Нужно нам сотрудничать с такими организациями? Думаю, ответ очевиден. Михаил Сергеевич Горбачев призвал положить в основу международных связей общечеловеческие ценности, деидеологизировать международные отношения.

На этот раз среди латышей за границей действительно пробудился большой интерес к Латвии, к процессам обновления, проходящим в нашей стране, желание как-то участвовать в перестройке, поднять на новый уровень связи с Отечеством. С другой стороны, с постепенной ликвидацией бесчисленных запретов и табу на общение с соотечественниками, по разным причинам оказавшимися в пределах других государственных границ, явно растет интерес в Латвии к житью-бытью латышей «там».

Я говорю о латышах, что вполне естественно, но думаю, что это применимо ко всем народам нашей страны, в разной мере и в разное время столкнувшимся с эмиграцией. Сотрудничество необходимо, например, для поддержания и развития главного признака нации — языка. Если говорить о латышах, то это актуально не только для зарубежья, но и для латышей, проживающих в других регионах нашей страны. Поэтому я поддерживаю предложение Форума народов Латвии — создать в Москве Латвийское информационное бюро.

До сих пор о жизни латышей за границей мы имели фрагментарную информацию: художники знали о знакомых художниках, писатели о писателях, но общей картины не было, как нет ее до сих пор. Должен существовать единый центр документации и информации, и не следует жалеть на эти цели денег. Созрела идея о создании Всемирного института латышей, который научно исследовал бы все, что мой народ повсюду внес в развитие цивилизации

Сохранение вживе национальных связей и ценностей независимо от географического местонахождения их носителей не может быть делом какого-либо ведомства. Скажем, свой вклад вносит здесь лютеранская церковь Латвии, поддерживающая связь с латышскими приходами во многих странах, и Латвийский комитет по культурным связям «Отечество». Но важнее всего то, что и церковь, и комитет, как множество других организаций и индивидуумов, принимают новую концепцию сотрудничества с латышскими эмигрантскими организациями, основанную на свободном неформальном общении, презумпции доверия, доброй воле. И каждый день наполняют ее конкретным делом. Последнее важнее всего.

Мы много говорим о новом политическом мышлении, встречаем аплодисментами выступления наших руководителей, призывающих к братству и взаимопониманию. Но ничто не приходит само по себе. Необходимо действовать так, чтобы слово «эмигрант» не несло в себе ничего, кроме понимания, что это человек, разделяющий с тобой одну многовековую культуру, но в силу каких-то причин живущий от тебя дальше, чем твой сосед по одной улице.

Раймонд ПАУЛС,
председатель Государственного комитета по культуре Латвийской ССР
Рига

По Л. Толстому, хорошим людям достаточно объединиться, чтобы коренным образом изменить свою собственную жизнь и нравственную атмосферу в обществе.

Призыв к критическому переосмыслению нашей морали не означает ниспровержения или забвения нравственных истин, пренебрежения к таким высоким лозунгам, как «Свобода, равенство, братство» и «Человек человеку — друг, товарищ и брат». Наоборот, я предлагаю очистить эти ценности от шелухи предрассудков, ложных толкований и злонамеренных извращений.

Решительной ломке, которую когда-то претерпела классовая структура общества, должна подвергнуться структура межличностных отношений, переживающих в настоящее время кризис. Пришла пора обратиться к идейному наследию Л. Н. Толстого, мощное влияние которого на русское общество рассеялось в угаре революции. А ведь он был не только зеркалом первой русской революции, но и провозвестником другой революции, небывалой, время для которой наступает только сегодня.

У наших обществоведов, похоже, вызывает сомнения, что всевышний взял на себя заботу о поддержании надлежащего баланса добра и зла в обществе. Они сочтут неправомерной саму постановку вопроса об опасном накоплении зла в душах наших современников. Мол, бытие определяет сознание, поэтому можно целиком сосредоточиться на проблемах бытия. А разве отсутствует обратное влияние: сознания на бытие? И можно ли изменить условия бытия, когда сознание не готово к этому? Слишком медленно, опосредованно выполняют свою воспитательную роль условия жизни. А над нашим обществом нависла реальная угроза гибели из-за массового распространения таких явлений, как эгоизм, нежелание трудиться, безответственность, недоброжелательство, равнодушие, жестокость. Нравственная зараза культивировалась десятилетиями, в течение которых приносили выгоду лишь лицемерие, подлость и бездумность. Поскольку у нас нет времени на постепенное улучшение нравов, необходимо революционным способом переломить обстановку, сделать безнравственность наказуемой.

Кооперативы и коммуны прошлого, пытавшиеся материализовать идею социальной справедливости, неизменно терпели фиаско. Но в них единственным принципом объединения людей был классовый, малая разрешающая способность которого препятствовала различению негодяев и честных людей. В новых очагах возрождения человечности главными рекомендациями для признания человека равноправным собратом должны стать трудолюбие и бескорыстие. Первый признак легче выявить, когда члены общины объединятся на базе арендуемого ими предприятия, второй — когда они обеспечат себе возможность жить поблизости друг от друга. Это будет единая семья с единым бюджетом и в то же время трудовой коллектив, отношения между членами которого подчинены только производственной необходимости, в котором директор и уборщик мусора могут меняться местами в течение дня.

Все практические трудности, связанные с созданием общин такого типа, легче преодолеть на сельскохозяйственном поприще. Сельскохозяйственная колония обеспечит также наиболее здоровые условия жизни и наиболее очищающий душу труд. Успехи таких человеческих объединений будут, думаю, настолько впечатляющими, что со временем желание попасть в круг избранных станет мощным побудительным мотивом совершенствования людей...

Можно высокомерно третировать высказанные мною соображения как нежизнеспособное смешение толстовских мыслей и снов Веры Павловны. Что возразить на это? Нигилизма и апатии мы накопили столько, что рискуем в них захлебнуться. Самые робкие попытки строительства сегодня, на мой взгляд, ценнее любой фундаментальной и высококомпетентной критики.

Федор ЯКОВЛЕВ,
инженер
Иваново

Рядом с новгородским райцентром Боровичи, на самой высокой точке местности, на самом прекрасном из холмов началось возведение самого крупного в стране свиноооткормочного комплекса (на 60 тысяч голов). Этот объект возводится на пористом грунте, и, главное, местный грунт таков, что вся почва окрестностей буквально пронизана подземными протоками, речками и ручьями, которые под землей образуют единую водную систему области, соединяя между собой озеро Ильмень, реки Волхов, Мсту и множество малых озер. Специалисты из саноблэпидстанции в один голос утверждают (да это видно любому), что так называемые «свиные отходы» с высоты потекут в реки и озера по поверхности земли, а они содержат массу отравляющих и болезнетворных веществ. Но еще хуже — сквозь пористый грунт они отравят всю почву Новгородщины, вплоть до Валдая. А ведь водная система области соединяется и с Ладогой, и с Волгой.

Местная общественность, прежде всего писательская, ведет отчаянную борьбу против строительства комплекса. Но на эту тему в новгородской прессе наложено вето.

А беда надвигается с каждым днем: я сам видел, что строительство нулевого цикла ведется в сверхскоростном темпе. Но время еще не упущено. Сейчас важно приложить все усилия для того, чтобы предотвратить катастрофу — перенести строительство комплекса в другое, более подходящее место. Это мнение сотен местных жителей (со многими я встречался), которые в отчаянии от перспективы, их ожидающей.

Станислав ЗОЛОТЦЕВ,
писатель
Москва

Публикация отрывков из мемуаров моего отца Михаила Ивановича Чулаки (№ 2, 1989) открывается снимком, на котором изображены Б. Р. Гмыря, К. Е. Ворошилов, К. Ф. Данькевич и Н. С. Хрущев. Мысль редакции понятна: почти все наше искусство в то время вынуждено было петь в унисон с Хрущевым, Ворошиловым и их коллегами. Но все же не хочется, чтобы читатели, особенно молодые, не знающие в лицо всех участников этой трогательной сценки, запечатленной на снимке 1954 года, думали бы, будто в данном квартете поет и мой отец. Выступать в одном ансамбле со столь высокопоставленными «солистами» ему не случалось.

Михаил ЧУЛАКИ
Ленинград

«Поэт в России — больше, чем поэт». Разные, конечно, случались поэты и в России, но в силу ряда обстоятельств поэту приходилось взваливать на себя бремя отнюдь не поэтического свойства: быть борцом за свободу, правду, справедливость, достоинство человека, особенно слабого и униженного. Ореол бескорыстия и самоотверженности, которым было издавна окружено у нас в народе звание писателя, оплачен трагическими судьбами людей.

Слава эта, ореол этот по инерции сохранялись и в годы сталинщины, и в годы брежневщины. Но единицы лишь возвышали свой голос против произвола, зверств, тупой тирании. Что ж, нелегко было его возвышать,— потруднее, чем при либеральных Николае I Палкине и Николае II Кровавом...

Но с первых же дней перестройки выяснилось, что многим, слишком многим «радетелям за народ» завтра хоть мир пропади, лишь бы им сегодня чай пить. Желательно, чтобы ложка от сахара стоймя стояла.

Перед своей высылкой В. Войнович попросил «Известия» выразить его «глубокое отвращение», в частности, «художникам слова, мастерам сцены, Героям Социалистического Труда, академикам, лауреатам и депутатам, которые уже приняли или еще примут участие в травле лучшего человека нашей страны — Андрея Дмитриевича Сахарова». «Известия» не рискнули опубликовать это. Не гуманно же бить лежачих, их ведь «вынудили», они ведь и так от стыда сгорают!

Вынудили, сгорают?

Увы, прав, похоже, А. Солженицын, бросая нам, «инженерам человеческих душ», горькие, обидные слова: «Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков...» Ну а если уж «кормушка» выше, чем скромная, тогда...

Впрочем, давайте лучше порадуемся чуду: сколько лет (и как!) травили интеллигентов и вытравливали интеллигентность, вырезали совестливых и калечили совесть, культивировали невежество и пропалывали интеллект, а ведь не вышло! Не исчез генофонд российской интеллигенции, сохранили его где-то в коммуналках и тайниках души, как семена вавиловской пшеницы в блокадном Ленинграде! Пусть же это чудо вгоняет в страх антиперестройщиков. Им ведь этой загадочной живучести вовек не разгадать, а непонятное темных людей очень пугает.

Андрей НУЙКИН
Москва

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
Ваши письма помогут редакции сделать журнал разнообразнее по темам и адресам. Наш адрес: 125865, ГСП, Москва, ул. «Правды», 24.

БАКИНСКИЙ ДНЕВНИК

28 ноября 1988 г.

Никогдв еще не улетал в командировку по родной стране с таким гнетущим чувством. Никогда еще не провожали так в редакции. Для газетной жизни с ее чуть ли не ежедневными командировками чьи-то приезды, отъезды — в порядке вещей. «Летишь, ствррик? — спросят на ходу.— Куда?» И не дождавшись ответа, несутся дальше. Сейчас — иное дело. Те, кто побывал в Закавказье после Сумгаитв и Звартноца, считают своим долгом повспоминать увиденное, другим хочется просто потолковать «вокруг Карабвха».

Все свободные до вылета минуты вызваниваю Баку. Что там, собственно, происходит? Знвкомые журналисты, партийные работники, до которых удается дозвониться, в шоке: такого еще не видели. Сотни тысяч на площади днем и ночью. На заводах забастовка. Улетевший днем раньше Джаввншир Меликов, собственный корреспондент «Социалистической индустрии» в Азербайджане, уточняет: нефтеперервбатывающий комплекс работает. В город введены войска.

В аэропорту на первый взгляд все спокойно, все, как всегда.

— Может, заглянешь в зал вылета? — спрашиввет Джаваншир.

В большом зале не протолкнуться. Женщины, дети, старики. Узлы, чемоданы. И — тишинв, поразительная для такой массы людей. Угрюмая, готовая взорваться тишина. Что заставляет этих людей улетать? Не знаю.

Надо разобраться, что случилось с полюбившимся мне городом за год, что мы не виделись. Какие тенденции обострились? Какие появились вновь?

Отчего сегодня люди чаще уввжают не тех, кто умеет честно работать, а тех, кто умеет жить? — спрашивали мы тогда себя.

Не уставшего после изнурительной вахты в море бурового мастера почтительно приветствуют соседи, а продавца мясной лавки. Не о талантливом конструкторе новых мвшин говорят в старом «губернаторском» саду студенты, а о дельце со связями. Почему тысячи и тысячи людей в Баку не могут устроиться по специальности? Почему многие ведут праздный образ жизни, оставаясь глухими к повторяющимся день зв днем призывам: «Требуются рабочие». Ответить на вопрос, почему сместились ценностные ориентации, непросто, да и нет однозначного ответа.

С моим азербайджанским коллегой мы пытались найти ответы, вглядываясь в лица бакинцев. Помнится, отметили тогда: нв промыслах, на заводах, фабриках мастеров звменяют выходцы из сельских районов. Процесс вымывания квалифицированных кадров характерен для всей бакинской промышленности. В нем отразились, переплелись многие сложные проблемы города, высокая концентрация промышленного производства, некомплексное рвзвитие, отставание социальной сферы.

Ежегодно в Баку перебирались до десяти тысяч человек. Хозяйственники брали их на самые трудные участки, куда горожане уже не шли. За короткое время заводские коллективы почти полностью обновились. Многие новоиспеченные горожане, прижившись в Баку, но так и не ствв нефтяниками, машиностроителями, переходили в торговлю, бытовое обслуживвние, заполняли улицы, рынки, вокзалы лавчонками-«ханушками», как называют их в Баку. По официальным данным, тогда, весной 1987 года, в республике не были заняты в общественном производстве около 250 тысяч человек, больше четверти из них числились в Баку. И сейчас называют почти такие же цифры.

...Огромную площадь Ленина заполонили тысяч четыреста, а может, и все пятьсот. Прямо физически чувствуешь, как люди внимвют словам с трибуны или отвергают их. Площадь — своеобразный барометр общественного мнения. Над ней — флаги Советского Азербайджана и мусаватистские. Лозунги, плакаты. Призывы защитить Топхану, национальную святыню Азербайджана. Не отдать Карабах. Всем бастовать.

30 ноября.

В командировку захватил с собой письмо ленинградца С. Тихомирова. «Слов нет, забастовки рвзрушают хозяйство страны и осложняют перестройку,— пишет он.— Хуже всех приходится свмим бвстующим. Раз уж они пошли на такой шаг, то, вероятно, не видели иного выхода. Мне кажется, надо найти объяснения происходящему. К сожалению, в прессе идут одни сплошные упреки в адрес бастующих. Анализ причин, почему недовольство вылилось именно в такую, а не в иную форму, фактически отсутствует. Говорить о темных личностях, которые греют на этом руки, по-моему, несерьезно. И самое тревожное, нет попыток извлечь уроки из столь тяжелой и драматичной ситуации.

Возможно, я не првв в своих суждениях и был бы ввм очень признателен за разъяснения по существу, чтобы понять ситуацию глубже».

Забастовки, мы знали, быеают «у них». Помним, как мужественно держались английские шахтеры, французские докеры, квк власти разгромили сопротивление американских аеиадиспетчеров... Бывали, мы знаем, стачки и у нас. Раньше. В учебники истории вошла, к примеру, морозовская.

«После Октябрьской революции, создавшей пролетврское государство, забастовка потеряла смысл как средство борьбы за интересы рабочего класса»,— утверждает одна энциклопедия. «Забастовка, стачка — одна из основных форм классовой борьбы пролетариата в капиталистических странах, заключающаяся в коллективном отказе продолжать рвботу на прежних условиях»,— дополняет вторая.

Но чьи же интересы отстаивала бакинская забастовка 1988 года? И какой она была согласно ученой клвссификации — политической или экономической? Частичной или всеобщей? А может, это была «забвстовка скрещенных рук» или «забастовка усердия»?

Жизнь разбила умозрительные, книжные схемы. Забастовщики вышли на улицы нвших городов — Степанакерта, Еревана, Баку.

Из десятков магнитофонных записей, сделанных в те теплые, совсем незимние бакинские дни, выбираю одну. Говорит Кямал Абдуллаев, доктор филологических наук, первый заместитель председателя правления Азербайджанского фонда культуры. На митинге все дни, кроме первых трех, попросил специально уточнить. Как только вернулся из командировки в Ленинград, так и пошел вместе с другими коммунистами района имени 26 Бакинских комиссаров к бастующим.

— Я хочу рассказать о двух встречах нв площади, о двух поразивших меня лицах. Первый, молодой парень, скорее всего рабочий. Вокруг него собрались люди. А он с жаром, железной логикой говорил, как понимает роль современного рабочего челоеека. Каким его видит. И свм собой он представлял такого человека. Я смотрел на него и учился, мне было интересно, какой он видит личность нашего современника. Какими должны быть отношения между личностью и обществом, государством. Это был не отвлеченный разговор, все шло вокруг основной темы тех дней — Карабаха. Я видел: этого человека невозможно сбить с пути. Ни экстремистскими нападками, ни туманными обещаниями. Этот человек был богат знаниями, политической культурой.

И второе лицо. Молодой парень твких же лет. Бешеный, злой взгляд. Сколько ни убеждай его, и логически, и эмоционально, сколько ни доказывай, он посмотрит сквозь тебя и останется при своем. Зачем он пришел нв площадь? Почему ночует здесь? Что заставляет его свистеть, кричать, ему и самому непонятно. Вот такого человека я тоже встретил на площади...

Хотелось бы, чтобы и С. Тихомиров увидел эти живые лица, а за ними — определенные группы, интересы.

Два социальных типа, подмеченных К. Абдуллаевым, пожалуй, самые характерные для бакинской забастовки. Рабочего парня, партийца-агитатора, я мог бы назвать по имени; он похож и на Азизуллу Зиядова, бригадира, члена парткома злектромашиностроительного завода. И на Фуада Ахмедова, заместителя начальника цеха Машиностроительного завода имени лейтенанта Шмидта, ставшего коммунистом в эти дни. И на партийных работников Айдына Султанова и Намика Мехтиева...

Мы встречались в заводских цехах, у печей, установок, где работа не останавливалась ни на минуту, на полуночной площади у костров, говорили, спорили, слушали, вместе думали о самом главном: что привело к такому ходу событий? Почему люди пошли на крайнюю меру? Чего они добивались? Только ли «справедливого решения проблемы Карабахв»?

Лозунги о Карабахе и заповедной Топхане поначалу заглушали всё. Но постепенно прорезались и другие голоса. В одном из списков требований, поступивших в ЦК Компартии республики, было свыше 200 пунктов. Распределение квартир. Поступление в вузы. Экология... Можно добавить еще: в объединении «Азерэлектромаш» возмутились, почему председатель совета трудового коллектива — главный инженер? Совсем недавно сами же выбирали... Или заставили выбрать? Теперь совет возглавил рабочий. На почтамте забастовщики потребовали открыть рабочую столовую и во вторую смену. Чего, казалось бы, проще.

Нв «Азерэлектромаше» выводы делали по ходу забастовки. Я уже сказал о перевыборах председателя СТК. Добввлю: в те же дни были открыты курсы азербайджанского языкв. Оплату преподавателей завод взял на себя. Для занятий выделяются два часа рабочего времени с сохранением заработной платы. Расширена программа жилищного строительства.

Сколько раз повторялись слова о том, что надо изучать и знать настроения, интересы, потребности людей. Не могу сказать, что партийные комитеты Азербайджана не занимались этой работой. Занимались. При ЦК КП республики создан Центр по изучению общественного мнения и социологических исследований. На его счету серьезные исследования дисциплины труда, системы высшего образования, борьбы с нетрудовыми доходами... Откликаясь на просьбы ученых, тысячи и тысячи людей присылали свои письма, советы, предложения. Письма изучали, комментировали, принимали решения, а жизнь шла своим чередом, все больше разводя слово и дело. Минувшим летом этот разрыв достиг критической черты. Партийную организацию республики возглавили новые люди. За немногие месяцы были сделаны реальные шаги навстречу жизненным интересам людей, начат прямой диалог с рабочими, крестьянами, интеллигенцией.

Так чьи же интересы отстаивалв эта забастовка? Интересы закулисной власти, интересы «бывших», которые, спекулируя на действительных трудностях, национальных чувствах, патриотизме, сумели привлечь на свою сторону часть рабочих, инженеров, студентов. Одних — привлечь, других — заставить угрозами.

На Машиностроительном заводе имени лейтенанта Шмидта мне рассказали о двух рабочих — не ствну называть их имена,— известных своим добросовестным отношением к делу. У обоих большие семьи, и наши станочники даже прихватывают время после смены, вот и зарвбатывают в два-три раза больше среднего. Во время забастовки и один и другой просто боялись включать станок. И недосчитались по двести рублей. А в целом по заводу рабочие потеряли только на зарплате 213 тысяч рублей. Вычтем еще потери из фондов социального развития и материального поощрения, штрафы за сорванные поставки. И получим итог забастовки для одного рабочего коллектива — потери 1370 тысяч рублей, 91 квартиру, а на очереди 750 человек.

Темные личности, которые греют на этом руки, увы,— это реальность. Это дельцы теневой экономики, между прочим, разных национальностей; им эта проблема не мешвет. Это их боевики штурмовали заводы. Это их связные, подчвс в немалых должностях, везли на площади портфели, набитые деньгами, гнали машины с продовольствием...

Энциклопедии, к которым я обратился, разделяет целая эпоха, а выводы одни. Движения мысли не было. Подождем до нового издания, которое объяснит, совместима ли стачка с социализмом? И если совместима, как уже показала жизнь, то чем ее предупредить?

5 декабря.

Сегодня условились встретиться с Виктором Петровичем Поляничко, вторым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. В Баку он едва ли месяц, до этого четыре с половиной года был е Афганистане. Знакомы мы, пожалуй, лет тридцать — со студенческих времен на Стромынке, где жили студенты факультета журналистики МГУ. Незаурядный человек всегда вызывает интерес — стараешься не потерять его из виду. Так было и с Поляничко. Весточки о нем доносились то с Оренбуржья — там, на строительстве горно-обогатительного комбината, ударной стройке, он руководил комсомольским штабом,— то из Москвы, то из Челябинска...

На часах было 22.30, когда из кабинета второго секретаря ЦК потянулись участники позднего совещания. Виктор подошел к дверям, кивнул нам с Джаванширом: «Заходите, ребята». Оставив свой большой стол, заваленный бумагами, папками, газетами, он сел рядом с нами, подвинул чай. На воспоминания в тот вечер времени не было, сразу — о текущем моменте, квк говорили когда-то.

— Ситуация сложная, но мы ею управляем. Карабах пройдет, и площадь пройдет, а нам, коммунистам, надо будет смотреть в глаза людям. Вот это бы донести до всех!

Резкий междугородный звонок прервал разговор.

— Дашкесан? Слушаю, Рауф Велиевич. Спасибо! За сутки это самая добрая информация.

Виктор Петрович вернулся к столу, помолчал.

— Может, еще чаю? — И вдруг без всякой внешней связи вырвались слова о себе: — Четыре с половиной года не был в отпуске, отвык, не знаю, как люди сейчас отдыхают. Когда выпадвет свободная минута, забираюсь в угол и читаю. Только не о войне. Осточертела война...

Мы молчали, боясь спугнуть эту нвожиданную исповедь, понимая, что в другой обстановке ее, может, и не было бы.

Скрипнула дверь. Заглянул и вошел А. Дашдамиров, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК.

— Ну, что принес, Афранд Фридунович? — поднялся Поляничко навстречу Дашдамирову.

— Растет число беженцев. Сегодня это — самое главное.

...Пока доезжаем от здания ЦК до гостиницы, машину пять раз останавливают военные патрули. На последнем посту молоденький лейтенант, заглянув в редакционное удостоверение, просит:

— Пишите правду, ребята.

Пишу: «Вчера с утра работали все предприятия, но к середине дня обстановка в городе вновь обострилась. Толпы на улицах перекрывали движение. В разных местах возникали стихийные митинги.

Поздно вечером по республиканскому телевидению выступил первый секретарь ЦК Компартии республики А. Х. Везиров».

Что же случилось в этот день в Баку?

Ответ на встревожившие всех события, когда город казался неуправляемым, искал в своем выступлении перед активом и секретарь ЦК.

— Но почему, товарищи, именно в настоящее время события вновь достигли кульминации? — спрашивал он. И отвечая на этот требовательный вопрос, говорил о деятельности клвнов, противников перестройки, тех, кто увидел в курсе нв очищение атмосферы в республике реальную опасность для подрыва своих позиций и привилегий. Пренебрежение к нуждам народа, поборы, хищения насливались годами. Не считаясь с мнением коммунистов, людей труда, во главе ряда партийных комитетов, советских органов становились беспринципные, а то и запятнавшие себя руководители. Именно в эти тревожные дни и проявилась беспомощность некоторых партийных комитетов, политическая незрелость их руководителей, которые отказывались выходить к людям, вести честный и открытый разговор...

За окнами большого зала, где взволнованно говорил А. Везиров, давно стемнело. Толпу, сгрудившуюся на подходах к зданию ЦК, уже не разглядеть. Но я видел ее днем. Видел, как двое русских солдат вместе с милиционером-азербайджанцем уводили от не помнившей себя толпы пожилую армянку. Ее усадили в холле гостиницы «Баку», и она сидела, будто окаменев, потерянно опустив голову. Видел, как бесновались небритые парни у подъезда обувной фабрики, им преградили путь солдаты. Видел колонны с черными флвгами, от которых шарахались прохожие и прижимались к бровке машины... И наша, признаюсь, прижалась тоже. Перед этим мы толкнулись в один переулок, второй, третий — не проехать. Всюду клубятся толпы. И наконец Акиф Бабаев, водитель корпунктовской машины, ас, махнул рукой: «Все, становимся». За нами прижалось такси. Водителя тут же выволокли из машины: «Почему не бастуешь вместе со всеми?» И — удар по лицу. Шлепнулась наземь модная кепчонка.

Что вывело на улицы эту разгоря-

ченную толпу? По какому поводу над ней подняты черные флаги? Разве есть основания для траура? Нет, таких оснований нет.

Повод нашелся другой. В ночь с воскресенья на понедельник к небольшой группе молодых людей, которые третью неделю дневали и ночевали на площади имени В. И. Ленина, обратились председатель Бакинского горисполкома Н. Каракашлы и прокурор города А. Алиев. В связи с реальной угрозой эпидемии они предложили участникам несанкционированных митингов разойтись по домам. Автобусы стояли наготове. Но эти призывы и просьбы, так же как и предложение военного коменданта, остались без ответа.

— После долгих уговоров была дана команда очистить площадь. Вопреки многочисленным слухам хочу подчеркнуть, что ни техника, ни оружие не применялись. Ни одного погибшего человека нет,— рассказывает Ниязи Каракашлы.

И все же слухи поползли по городу. На перекрестках, у министерств, здания ЦК КП Азербайджана начали собираться люди, формироваться шествия с черными флагами. Вновь прозвучали призывы к забастовкам.

А кто и как помог людям в этот трудный день узнать правду? В трудовых коллективах «ходоков» везли прямо на место события: говоришь, что на соседнем заводе сам видел четыре трупа? Поедем, покажешь и нам. Говоришь, что площадь имени Ленина усеяна покойниками? Поехали вместе, посмотрим...

Огромная ответственность легла на плечи воинов. Они сделали все, чтобы предотвратить конфликты, избежать большой беды.

Тем, кто пытался ворваться на территорию завода, остановить транспорт, сегодня давали отпор. Зачастую сами рабочие вместе с милицией. Так закончился понедельник, 5 декабря, когда гудели бакинские улицы и площади, когда бакинское телевидение весь день передавало концерты классической музыки и старые фильмы, когда заводы работали... Да, еще накануне, в субботу и воскресенье, рабочие вернулись в оставленные цехи. И больше на провокацию не поддались.

7 декабря.

Ровно в три часа дня, как условились накануне, приехали с Д. Меликовым в производственное объединение «Азерэлектросвет». В это же самое время наши коллеги в Ереване должны были быть на ПО «Луйс». Это предприятия-побратимы, мы задумали совместный репортаж об их связях.

— Давайте начнем со звонка в Ереван,— предложил генеральный директор В. Джалилов,— поговорим с нашим давним другом Вениамином Акоповичем Тумасяном.

Звказали «Луйс». Через несколько минут секретарь генерального директора сказала, что с Ереваном телефонной связи нет, там, говорят, землетрясение.

В первый момент подумалось, что это неудачная шутка. Но разве такими вещами шутят? Вскоре пришло подтверждение: это горькая правда...

Первый же вопрос, которым меня встретили в коридоре редакции, был о том, как отнеслись азербайджанцы к несчастью. Правда ли, что радовались горю? Я ответил — не видел. Я видел сопереживание, глубокое, искреннее. А если кто-нибудь и позволял себе такую кощунственную радость, то зачем же напяливать его убогие чувства на добрую, отзывчивую душу всего народа?

17 декабря.

В командировку захватил с собой старые бакинские блокноты. Те встречи помогли во многом разобраться в истоках нынешней ситуации. Помнится, пригласили в горисполком группу неустроенных учительниц. Наудачу назвали шесть имен из многотысячного списка.

— А я думала, нас пригласили, чтобы дать направление на работу! — вырвалось тогда у Парваны. Ее очередь в списке на трудоустройство была 1139.

Прошел год. Очередь сократилась пока немного. Но зато не будет расти — Кировабадский и Нахичеванский пединституты перепрофилированы. Иждивенцев будет меньше. А лимитчиков, прописанных по адресам фабрик и заводов?

...В официальной переписке эти лачуги называются «самовольными строениями». В разговорах — «нахалстроем». С болью в сердце ходишь по грязным улочкам, тупикам этого «второго» Баку, мимо халуп, сколоченных на скорую руку. Постучались в одну, вторую дверь, хозяева открывали, с достоинством, как велит обычай, приглашали войти. Город огораживает «самостройки» прочными высокими заборами. Стыдно... Авторитетная комиссия признала эти халупы непригодными для жилья.

В них, по данным горисполкома, живут около двухсот тысяч человек. Незапланированное, стихийное появление «второго» Баку обострило многие проблемы большого города.

Вопиющая отсталость социальной базы швейной фабрики, где за полвека не построили ни одного дома, ни одного общежития,— факт для Баку не исключительный. Мало чем могут порадовать своих тружеников бакинские заводы Главнефтемаша, у которых за последние десять лет объемы производства выросли почти в три раза, предприятия электротехнической промышленности, цветной и черной металлургии. В республике любили громко говорить о самых высоких темпах роста промышленного производства, гордились «широкими шагами Азербайджана». При этом уходили на второй план заботы об улучшении условий труда и быта, удовлетворении интересов и нужд рабочих, их семей.

Лимитчик нетребователен, он согласен на все. Потому-то на предприятиях столицы Азербайджана около половины опрошенных рабочих оценили условия труда как ненормальные.

Оргнабор выгоден и нужен тем, кто живет одним днем, не собираясь внедрять новую технику, облегчать труд людей, улучшать их быт. Уйдет недовольный — на его место пять таких. По сути дела, в открытую действовал механизм торможения социально-экономического развития города, связанный с негативными явлениями, которые нарастали в республике и стране.

Застойные годы деформировали не только экономику. Вместе с процентами тогда приписывали и дружбу.

...Всего десяток лет назад в Баку с большой помпой был открыт республиканский Дворец дружбы народов СССР АН Азербайджанской ССР. Предполагалось, что он станет «идеологическим, общественно-политическим и культурным центром по... обобщению и пропаганде братского сотрудничества и взаимопомощи наций и народностей страны, интернациональных связей азербайджанского народа со всеми другими народами СССР, взаимовлияния и взаимообогащения их культур, достижений республики». Так говорилось в постановлении ЦК Компартии республики. Без дворца обойтись уже не могли. Искали «принципиально новые формы наглядной и доходчивой пропаганды интернациональных традиций, глубокого изучения и обобщения идейно-воспитательного опыта». И нашли, наконец, помещение в... ресторане «Дружба». Оставалось сменить вывеску.

Вот оно, известное бакинцам здание, на крутом склоне над морем. Но двери заперты. За стеклом табличка: «Музей закрыт». Может быть, выходной день? Или перерыв?

— Нет,— объясняет директор Дворца дружбы Адиль Мамедов.— Нас закрыли. Вот предписание технической инспекции ЦК профсоюза..

Весной прошлого года президиум республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений принял выразительный документ — «О прекращении работы в республиканском Дворце дружбы народов СССР АН Азербайджанской ССР».

«В связи с создавшейся аварийной ситуацией,— говорилось в нем,— прекратить дальнейшую эксплуатацию музея и помещения для научных сотрудников».

Конечно, дружба достойна памятников, музеев, дворцов. Но не пыли в глаза. Не показухи. Помню, какой неуместной вдруг показалась на бастовавших заводах, митинговавших улицах наглядная агитация: железные щиты с лозунгами о дружбе и братстве, слащавые плакаты, громкие транспаранты.

Они прямо-таки кричали о патриотизме. Так же громко кричали молодые люди на бакинской площади имени Ленина. Не верю крикунам, ни тем с площади, ни плакатным.

«До самого сердца ошеломлен трагедией, обрушившейся на землю Армении. В эти трагические дни разделяем боль и горе пострадавших от коварного удара стихии. Коллективы наших предприятий готовы оказать помощь. В настоящее время отправляется 6 тысяч квадратных метров стекла, 10 тысяч квадратных метров асбоцементных листов. Боль армянского народа мы рассматриваем и как свою боль. Готовы сделать все, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать тяжелые последствия землетрясения.

Министр промстройматериалов Азербайджана Мансуров».

Эту телеграмму Ариф Энварович направил в ЦК Компартии Армении утром после землетрясения.

31 декабря.

Скрипнула калитка, и снова стало совсем тихо. Ветер с близких предгорий крутил сухие листья во дворе и раскачивал одинокую прищепку на бельевой веревке. Казалось, хозяйка только что сняла просохшие на ветру рубашки и сейчас вернется обратно. Рукомойник на веранде был полон воды, будто вот-вот налили, на полочке зубная щетка, мыло. Тросточка подпирает калитку. А где же хозяин? О нем, истории его дома я прочитал в бакинской газете «Вышка».

«Мой брат, Мовсесян Гайк Андреевич, как и я, ветеран Великой Отечественной войны, фронтовик. Живет он в селе Ширванзаде Шемахинского района,— писала Нина Андреевна Мовсесян.— В начале этого года случилось с ним несчастье: из-за неисправности в электрических проводах сгорели дотла его двухэтажный дом и все имущество. Беда. Иначе не скажешь. Но в этой беде мой брат не остался один. Сосед Аршак Григорян, инвалид войны, на все три месяца забрал его семью к себе. А другой сосед, Гариб Рашидов, старался помочь, чем мог. Не прошло и трех месяцев, семья брата вселилась в новый дом, построенный бесплатно».

Говорилось в письме о доброй помощи первого секретаря Шемахинского райкома партии И. Искендерова, директора совхоза им. Димитрова В. Айрапетян, председателя сельсовета С. Григоряна.

«Спасибо всем этим людям за истинную дружбу,— заканчивала письмо Н. Мовсесян.— Думаю, этот новый дом, возведенный в селе брата, так и останется на времена для всей округи еще одним памятником нашей неразделенности».

Было лето 1988 года, так хотелось верить, что ссоры, раздоры останутся в прошлом и будет опять дружная жизнь, дружная работа, как на строительстве дома для Гайка Андреевича Мовсесяна, как на окрестных виноградниках...

Под забором чернеют обгорелые стропила, дом из векового камня, прочный, нарядный, смотрит на простор широкими окнами. Но пусто за ними. Нет хозяина в новом доме. Опустели все армянские дворы.

Какая сила развела соседей? Что не поделили с ними Гариб Рашидов, его брат Абдурахман, Садых Юсубов? Им нечего делить. Земля одна у них с рождения, рядом могилы дедов. На одном памятнике имена фронтовиков, азербайджанцев и армян, не вернувшихся с войны. Работу вот, правда, делили, и за себя, и за товарища впрягались. Сколько дел переделали их руки — сбились, почернели пальцы, никакая мочалка не отмоет въевшуюся в кожу землю. Эти руки ворочали камень-кубик, купленный в складчину, выкладывали стены, настилали крышу. Как на смену, приходили односельчане на пепелище, поднимали новый дом для фронтовика, земляка.

Когда опять в нем загорится свет? Когда вернутся в родные села, города, поселки азербайджанские и армянские переселенцы? Наверное, сколько судеб, столько и ответов. В моих блокнотах, на магнитофонных кассетах десятки горьких, похожих исповедей. Об угрозах и поджогах. Мелкой травле и прямой расправе. Понимаю чувства этих людей, наших советских людей, сограждан — армян и азербайджанцев.

Минувшие дни принесли много обид, о них рассказывали и те, кто приехал в Баку, и те, кто прощался с Баку. Тысячи людей, изнервничавшихся, возбужденных, толпились на исходе ноября — начале декабря у касс Аэрофлота.

— Я не хочу никого хаять, ни азербайджанцев, ни армян,— говорил мне пожилой человек.— Дайте только возможность спокойно уехать тем, кто хочет. И отсюда, и сюда.

— Вы можете представиться?

— Конечно, Аванесян, бригадир сантехников Главбакстроя.— Мой собеседник достал целую пачку документов.— Вот, пожалуйста, партийный билет, вот орденская книжка. Удостоверение к медали «Ветеран труда». Еще раз говорю: не виню ни азербайджанцев, ни армян. Это все виновата мафия... С ней разберитесь.

Подходит высокий старик.

— Шестьдесят лет прожил в Баку...— Слезы сжимают ему горло, и он, махнув рукой, закрывает лицо.

— А меня заставили уволиться с завода,— проталкивается вперед человек лет пятидесяти.

— Садитесь в машину,— предлагаю ему.— Поедем разбираться на месте. Сразу же.

Тушуется: «Я билет уже взял — некогда». Может быть, и правда, некогда. А может быть, и злая клевета, ложь. Такие факты тоже встречались, и не раз. Слухи тоже подгоняли людей.

Думал не раз: почему так быстро слухи «овладевают массами»? Только ли нехватка точной информации виновата? Пожалуй, нет. Слишком долго мы жили в иллюзорном мире. Провозглашали одно, а в жизни было совсем другое. И когда рассеялась пыль показухи, проступили фигуры переселенцев, экстремистов, людей, одурманенных националистическим угаром. Это они сеют рознь, разделяют людей на своих и чужих по национальности.

...Первого декабря 1988 года на собрании в СКБ Института математики и механики АН Азербайджанской ССР приняли решение уволить «некоторых работников армянской национальности». На следующий же день директор СКБ Искендер-заде издал приказ № 207/к об увольнении 5 сотрудников армян.

Нарушение конституционных прав. Так расценило этот приказ, отмененный 6 декабря, бюро парткома Академии. Коммунисту Ф. Искандер-заде объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Это мера его партийной ответственности. За беззаконие, видимо, надо ответить и перед законом.

Закон долго молчал и в Армении, и в Азербайджане. Отсюда тысячные встречные потоки переселенцев. Люди не чувствовали себя в безопасности. Пришлось вводить войска, в ряде районов двух республик объявить комендантский час.

В селе Ширванзаде разместились курсанты Алма-Атинской средней школы милиции. Командует ими майор Женис Бейсенов. Разместились ребята в опустевшей школе. Учителя тоже уехали — школа с армянским языком обучения. Оставшимся мальчишкам-азербайджанцам выпали нежданные каникулы. Но третьекласснику Руслану Нифталиеву, сыну главного инженера совхоза, дома не сидится. Крутится рядом с курсантами, читает стихи на русском, армянском, родном азербайджанском. Но долго слушать некогда: слипаются глаза после ночного дежурства.

Однажды ночью курсанты заметили свет в брошенном доме на околице. Вызвали тревожную группу... Ночные гости не успели поживиться. Прямо на месте происшествия курсанты задержали двух братьев Алиевых, изъяли незарегистрированные ружья. Против них возбуждено уголовное дело.

Курсант Андрей Быков, стройный, ладный парень, рассказывал, как все было, о том, что вместе с ними село теперь патрулируют и жители. Я слушал, смотрел на давно замерший маятник часов, на пачку старых газет — последний номер за 24 ноября — и думал, когда опять сюда завернет почтальон, когда толкнет хозяин ходики.

О чем бы мы ни говорили в этот день, все равно возвращались к самому главному: как помочь людям вернуться? В селе Ширванзаде, мне кажется, нашли ответ. Нашли, не копя в сердцах обиды, по-соседски присматривая за пустыми домами, за оставленной скотиной, думая о будущей совместной жизни.

Вместе с братьями Гарибовыми идем к мемориалу. Фотографии из семейных альбомов бережно вмонтированы в стену памяти. Открытые лица под пилотками, гимнастерки с «кубарями». Здесь и Самед Рашидов, и Абдул Рашидов, семеро росло в семье, двое пали на Отечественной. А всего на обелиске тридцать семь фамилий. Азербайджанских и армянских. Вместе защищали Родину.

— Так хочется, чтобы вернулись все, кто от нас уехал,— тяжело вздохнул Гариб Рашидов.— Вот мы и телефон нашли. Это Гайка Андреевича, это нашей Виолетты, директора. Позвоните и вы им, скажите, всем селом просим вернуться.

Есть в азербайджанском языке такое выражение — «кариб ахшам». В буквальном переводе — чужбинный вечер. Вижу за ним вековую печаль людей, покидавших отчий кров. Наверное, похожие слова есть и в армянском языке. Как бы ни старались украсить дом переселенцев, все равно он для них чужбинный.

Где вы встречаете Новый год, Гайк Андреевич Мовсесян? Я не дозвонился до вас. Но, может быть, вы прочитаете эти строчки: в ваше село уже вернулись шесть семей. Приехали обратно Виолетта Айрапетян и Сергей Григорян. Первый секретарь Шемахинского райкома партии И. Искендеров рассказал мне по телефону, как радушно их встретили. Поехали автобусы и за другими вашими земляками в районы Армении. Понемногу настраиваются домой и переселенцы-азербайджанцы, приехавшие в Шемаху. Оживает детскими голосами школа. Згорелся свет по соседству с вами. И, наверное, согрелся тендир — печь для хлеба. Я видел его холодным. Но рядом лежал аккуратно нарубленный хворост — это братья Рашидовы заготовили. Загорится очаг, вы достанете мягкий хлеб, от его запаха станет теплее на душе. И вы вместе разломите хлеб.

Виктор АНДРИЯНОВ

МАЙСКИЕ ДНИ СОРОК ПЯТОГО

Текст и фото Евгения ХАЛДЕЯ

1418 дней шла Великая Отечественная война.

Четырежды в этом календаре — праздник весны, 1 Мая, который всегда любили у нас отмечать. 1 мая 1945-го я был в Берлине...

Словно в калейдоскопе мелькают перед глазами события тех далеких лет. В этом, 1989 году сорокапятилетие освобождения от фашистских захватчиков отмечают многие города наши: Керчь, Севастополь, а также столицы Румынии, Болгарии, Югославии. Потом еще были Венгрия и Австрия. Для меня война не закончилась в Берлине. После Потсдамской конференции транзитом через Москву я летел на Дальний Восток. Война с японцами и победный флаг в Порт-Артуре.

22 июня 1941 года. В первый день войны я делал снимок в Москве, на улице 25 Октября: москвичи слушают радио — о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Не думалось мне тогда, что удастся сделать и снимок последнего дня войны в Берлине.

В мае 1945 года в Берлине, среди руин, я увидел старую женщину. И вспомнил, как в 1942-м разговаривал в Мурманске с другой старой женщиной, которая несла деревянный чемодан — все, что осталось от ее домашнего очага. Она тогда сказала мне: «Что ж ты, сынок, фотографируешь мое горе, наше несчастье? Если бы ты сфотографировал, как наши бомбят Германию!» И вот — снимок на улице разрушенного Берлина.

Я тогда подошел к немецкой женщине, спросил, кто она и куда идет. Она ответила: «Я уже не знаю, кто я и куда иду, и ничего у меня не осталось. Зачем война? Зачем все это нужно было?»

До новороссийского десанта мне довелось быть свидетелем настоящего героизма наших войск на северной «Малой земле» под Мурманском на полуострове Рыбачий. В Новороссийске я находился в составе 255-й бригады морской пехоты. На войне не бывает легких дней, тем более легких боев.

Все, что видел,— снимал, записывал фамилии людей. Со многими пришлось встречаться и после войны. Когда начали появляться легенды о героических делах бывшего генсека на Малой земле, я стал вспоминать: как же ему не удалось попасть в поле зрения моего объектива? Так и не вспомнил. А тут попался на глаза номер газеты «Красный Черноморец» с указом о награждении особо отличившихся в районе Новороссийска. Полковник Брежнев Л. И. награжден орденом Отечественной войны I степени. И каждый раз, узнавая об очередных его наградах, доставал я эту газету и вспоминал многих участников тех событий — живых и мертвых...

* * *

Помню и то, как в огне, в дыму наша корреспондентская машина пробирается к рейхстагу. Там идут последние бои. Вдруг на фоне руин и дыма красный плакат «Да здравствует 1 Мая!». Останавливаюсь, подбегаю к регулировщице, которая указывает путь к рейхстагу, навожу на нее фотоаппарат. Она улыбается. Щелкаю затвором. «Кто ты? — спрашиваю.— Откуда?» — «Мы — воронежские. Зовут нас Мария Шальнева».

На Нюрнбергском процессе.

Как-то раз мне разрешили сфотографировать кормежку подсудимых. Они сидели за грубо сколоченными столами и из крышек солдатских котелков ели пищу, которую дежурный вываливал с подчеркнутым презрением. Зал охранял американский полицейский. Я был в советской военной форме. Когда Геринг заметил наведенный на него объектив, то стал стучать кулаками по столу, обзывать меня всякими непристойными словами. На меня орал Геринг! Но подскочивший американец просто дал ему дубинкой по шее и сказал:

— Вот видишь, успокоились.

С тех пор, как только я появлялся в зале, Геринг демонстративно закрывал лицо руками.

А этот снимок сделан перед началом заседания. Геринг закутался в солдатское одеяло и сказал стоящему рядом Риббентропу: «В тепле все-таки лучше».

Вспоминаешь, словно это было вчера. 1 мая 1945-го. На командном пункте генерала Чуйкова парламентер Геббельса — генерал Кребс. Он первым сообщил нам о смерти Гитлера. Делаю снимок.

«Кребс... подходит к машине, в плаще и фуражке, не вынимая монокля из-под насупленной брови. Наш фотокорреспондент, боевой морячок Евгений Халдей, снимавший вчера... как на рейхстаге водружают знамя,— тут как тут. Он пытается сфотографировать Кребса, но генерал закрывает лицо рукой. Все-таки Халдей изловчился и снял генерала от инфантерии. Машина уезжает. Это происходит примерно в 13 часов пополудни».

Е. Долматовский

* * *

И наконец я у Бранденбургских ворот. Здесь проходили парады фашистских войск после побед над странами Европы. А теперь в центре Берлина стоят наши танки. Танкисты говорят: «Мы шли от Сталинграда, мы — от Севастополя, мы — от Курска».

У поверженного рейхстага обнимаются солдаты. Кто плачет, кто смеется... Но есть у всех, в том числе и у меня, еще какое-то чувство, будто война должна была окончиться чем-то более грандиозным. А здесь — черный от копоти и дыма рейхстаг, стоит удивительная тишина...

24 июня 1945-го. Пасмурный день. Выстроились на Красной площади многие из тех, кого довелось снимать в годы войны. Без пяти десять. Стою у Спасских ворот, с трепетом поглядываю на часы. Наконец куранты отбивают время. Гремит марш «Славься!». Из Кремлевских ворот выезжает на белом коне маршал Жуков. Делаю один снимок, потом пробегаю несколько метров — еще один. Ноги дрожат. Много лет спустя я рассказываю о своих переживаниях маршалу Жукову у него на даче. И он говорит мне, что испытал тогда то же чувство горечи за тех солдат — участников войны, которые не могли быть свидетелями этого парада.

Личный штандарт Гитлера нес высокий солдат — правофланговый особого батальона, состоящего из двухсот воинов, которым предстояло бросить фашистские знамена к подножию Мавзолея. Все эти годы после Победы я вел поиски многих участников войны, нашел и того правофлангового солдата со штандартом Гитлера, Федора Легкошкура. Нашел его в городе Обнинске, он работал плотником.

Потсдамская конференция. 1945 год. У. Черчилль, Ф. Рузвельт, И. Сталин.

После официальной части. В креслах глав правительста Е. Халдей, фотокорреспондент «Известий» С. Гурарий, кинооператор Б. Макасеев.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«БЮРОКРАТ» — ДОЛЖНОСТЬ ВРЕМЕННАЯ

Михаил ПОПОВ, кандидат экономических наук

Начиная борьбу в капиталистическом обществе, рабочий класс ставит ближайшей ее целью установление своей диктатуры. Но для чего? Только для того, чтобы построить социализм, или для того, чтобы с ее помощью добиться полного уничтожения классов? У В. И. Ленина мы находим такой ответ на зтот вопрос: «Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и зксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов».

А обеспечивает ли постровние социализма полное уничтожение классов? Нет, конечно. Ведь «для полного уничтожения классов...— пишет далее В. И. Ленин,— надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое». Значит, только тогда, когда это дело будет сделано, можно будет говорить о полном исчерпании задач диктатуры пролетариата, диктатуры рабочего класса, которая должна осуществляться им вплоть до полного уничтожения классов, до построения полного коммунизма.

По окончании переходного периода, с построением социализма ушла в прошлое борьба по типу «кто кого», класс на класс, класс против класса. Антагонистических классов уже нет, однако бороться трудящимся приходится против таких сил и традиций старого общества, которые вновь и вновь порождаются и воспроизводятся на основе стремлений к личному обогащвнию и попыток жить за счет общества.

В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, было записано, что «диктатура рабочего класса перестает быть необходимой раньше, чем государство отмирает. Государство, как общенародная организация, сохранится до полной победы коммунизма». То есть записано было прямо противоположное тому, что стояло в ленинской Программе РКП(б): «В противоположность буржуазной демократии, скрывавшей классовый характер ее государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезло деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть».

Что же произошло таким образом? Произошел отказ от главного в марксизме, ибо, по определению В. И. Ленина, «марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма». Этот отказ демобилизовал, разоружил коммунистов и всех трудящихся, породил всеобщее благодушие, ослабление борьбы с антисоциалистическими тенденциями. Дальнейший ход событий, приведший к застою, к широкому «превращению мелкобуржуазных тенденций в буржуазные, к появлению «социалистических» миллионеров, стремящихся взять власть и перестроить нашу жизнь так, чтобы им было жить удобно, к коррупции в партийном и государственном аппарате, к сращиванию некоторых его звеньев с преступным миром и росту организованной преступности, зтот ход событий подтвердил, что «должна быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии. Кто говорит иначе — либо идиот, либо политически настолько неграмотен, что его не только на трибуну, но и просто на собрание пускать стыдно».

В нашу зпоху возможен либо переход от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата, либо — от диктатуры пролетариата к диктатуре буржуазии. Чтобы последнего не произошло и осуществлялось не движение вспять, а развитие социализма к полному коммунизму, нужно не отбрасывать, а, напротив, сознательно взять на вооружение марксистско-лвнинсков учение о диктатуре пролетариата. И шаги к зтому уже сделаны. Партия заявила на XXVII съезде, что краеугольным камнем своей политики считает «обеспечение ведущей роли рабочего класса». И хотя в новой редакции Программы КПСС сохранилось ошибочное утверждение, будто «государство диктатуры пролетариата переросло в общенародное социалистическое государство», и в Программу, и в Устав КПСС включено указание на то, что партия стала партией всего народа, «оставаясь по своей классовой сущности и идеологии партией рабочего класса». А классовый характер правящей партии определяет и классовый характер государства. Про него, следовательно, тоже можно сказать, что, став государством всего народа, наше государство остается по своей классовой сущности государством диктатуры рабочего класса.

Тот, кто выступает за диктатуру рабочего класса, тот выступает за подчинение аппарата государственного управления рабочему классу и всем трудящимся, против бюрократизма, несовместимого со всеобщим участием в государственном управлении всех членов общества, и прежде всего рабочих. Не случайно В. И. Ленин добивался перехода к тому, «чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому никто не мог стать «бюрократом». В этом процессе, означающем возрождение диктатуры рабочего класса, осуществляющвго руководство борьбой всех трудящихся за дальнейшее развитие социализма, против сил и традиций старого общества, нужно видеть классовый смысл той перестройки, за которую выступают все действительные сторонники марксизма-ленинизма. Этот процесс уже идет на практике, и он должен получить свое отражение и в теории.

Но главное, конечно, не в документах, а в том, чтобы каждый сознательный рабочий помнил о своей особой ответственности за судьбу социализма и чтобы он свое право и умение руководить обществом подтверждал на деле. Значит, вопрос о диктатуре рабочего класса — это не столько теоретический вопрос, сколько вопрос о том, чтобы рабочий класс в союзе с колхозным крвстьянством и интеллигенцией и под руководством своей партии научился управлять страной.

Владимир МОЛЧАНОВ: КОЕ-ЧТО О ТВ ЭПОХИ ГЛАСНОСТИ

Беседа с ведущим программы «До и после полуночи»

Фото Владимира МУСАЭЛЯНА

— *Начнем в вашей собственной «агрессивной» манере. Нет ли у вас ощущения, что ваша программа утрачивает очарование молодости?*

— В увядании телепередачи я не вижу ничего трагического. А что касается состояния ее здоровья, то, как и в человеческой жизни, здесь можно положиться на ощущение. Интересно тебе самому делать эту работу — есть веские основания считать, что и значительной части зрителей она будет интересна. Нет — значит, нужно найти в себе силы остановиться. Правда, к этому времени хорошо в недрах старой передачи найти ростки новой, в которой, что очень желательно, могли бы быть заняты многие из той команды, что работала вместе с тобой.

Возможен и другой поворот. Нужно уйти, если почувствуешь, что тебе не дают работать. Надеюсь, что этого не случится, но зрители, видимо, предполагают такую возможность. Крайним ее выражением были телеграммы на ЦТ, когда в прошлом году я попал в больницу (программа некоторое время не выходила), а люди в этих телеграммах спрашивали, не отставлен ли я от дел. Некоторые с тревогой, некоторые с надеждой...

Независимо от действительного состояния здоровья «До и после полуночи», если бы мне дали 2—3 месяца и позволили сделать совершенно новую программу, я бы с удовольствием взялся. Тем более что у нас уже появилось множество последователей на Центральном телевидении, республиканских и областных студиях. Жанр поздней информационно-музыкальной программы прост: несколько интересных сюжетов, интервью, музыка — вот и все. Меня часто спрашивают о концепции, принципах режиссуры подобных программ, а я не очень понимаю, о чем толкуют теоретики. Должно быть интересно — и этого достаточно.

— *И если бы начальство Гостелерадио заинтересовало ваше предложение создать что-то новое, что бы мы увидели через 2—3 месяца?*

— Можно сделать новую международную программу. Дать слово зарубежным политикам, ученым, столкнуть их в дискуссии с нашими. Мне очень нравится программа Урмаса Отта. Острый разговор с интересным человеком — захватывающее зрелище. В жанре «токшоу» — «представления-разговора» — повтора быть не может: каждый собеседник — это индивидуальная вселенная.

Урмас Отт избрал для себя «звездный социум» — знаменитостей мира искусства. Думаю, что беседы с учеными тоже не отпускали бы людей от экрана часами. Сейчас рамки передачи не позволяют задать больше 2—3 вопросов, и за кадром остается больше, чем видит и слышит зритель. Мне звонят, спрашивают, почему нельзя договорить с интересным человеком до конца, почему нужно на полуслове обрывать его экстравагантным пением экзотически одетых молодых мужчин и женщин.

— *Мне кажется, что раздраженные люди правы. Музыкально-развлекательные фрагменты иногда оказываются бестактными по отношению к предыдущему или следующему очень серьезному, а иногда трагическому рассказу...*

— Первые выпуски «До и после полуночи» и «Взгляда» были представлены зрителям как информационно-развлекательные передачи. Теперь в их рамках действительно инвалиды афганской войны со своими бедами, узницы женских исправительных учреждений соседствуют с предельно жизнерадостным искусством Сандры, Сабрины, Саманты...

— *Какие у вас отношения с цензурой? Что вы думаете о динамике процесса: в ходе перестройки у тележурналистов становится больше возможности высказываться?*

— На мой взгляд, в прошлом году работать было легче, сейчас телегласности приходится труднее. Нужно знать еще, что на телевидении ситуация с цензурой во многом зависит от соотношения записи и прямого эфира. Всего свободнее утренняя передача «120 минут», она целиком идет прямым эфиром. Тут по пословице: слово вылетело — не поймаешь.

— *Если достаточно долго и с аппетитом «грызть» ведущего за показ того-то, приглашение такого-то, то суммарный результат будет столь же эффективным, как и предварительные цензурные ножницы.*

— Конечно, это бывает. Например, вызвало большое неудовольствие мое интервью с живущим в эмиграции А. Полонским. Он высказал свое мнение о несвоевременности Октябрьской революции для России. Меня упрекали за самоустранение от спора с ним. Вообще часто говорят, что я «иду на поводу у зрительских масс». Отвечаю, что все-таки я именно для них и работаю, а не для начальства. На это мне говорят, что я работаю в штате государственного учреждения. Что ж, тоже резонно. Но, подытоживая эту тему, нужно тем не менее констатировать, что цензура, конечно, совсем не та, что мы с вами знали раньше.

— *Люди, которых вы приглашаете откровенно высказаться, идут к вам с охотой или приходится быть настойчивым?*

— Есть категория наших сограждан, мечтающих попасть на экран даже если им нечего сказать миру. А отказываются сейчас, как ни странно, специалисты, занимающиеся общественно-политической проблематикой. И высокопоставленные функционеры. Последнее понятно. До 1985 года интервью всегда обещало праздник для собеседника, даже на фоне отдельных недостатков, над устранением которых они в тот момент работали. Теперь ждут «каверзных вопросов». И справедливо ждут...

— *А как относятся к возможности интервью для телевидения, в вашей программе, в частности, руководители самого высокого ранга? На Западе такую возможность обратиться к массовой аудитории высоко ценят. Я не вел специальных подсчетов, но, наблюдая внимательно за английским телевидением в течение трех лет, думаю, не сильно ошибусь, если скажу, что президент США и премьер-министр Великобритании не реже раза в неделю берут микрофон на 2—4 минуты...*

— Много раз я пытался пригласить к разговору членов Политбюро, но попытки эти успехом не увенчались. На мой взгляд, в высшем руководстве пока сохраняется отношение к средствам массовой информации не как к важнейшей части общественного сознания, а как к вспомогательному инструменту для решения практических задач. Помните, как на XIX партконференции один из руководителей говорил, что, мол, если всем давать интервью, то не останется времени работать.

— *В публицистике и литературе поляризация мнений о содержании, результатах и перспективах перестройки заметна и невооруженным, как говорится, глазом, а как на телевидении?*

— Писатели и публицисты работают наедине с чистым листом бумаги. Телевидение — гигантский технический комплекс, в котором заняты большие творческие коллективы. Так что у нас не может быть прямого аналога. Но в разных программах вы можете заметить различное отношение к происходящему. Одной из самых консервативных передач мне кажется программа «Время», в международной части которой я тоже работаю. Замечено, что в первые пятнадцать минут после выхода «Времени» в эфир в городах возрастает расход воды. Смотреть нечего: день за днем, неделя за неделей показывают сборку тракторов и их победный ход от Приазовья до Прибайкалья. Создается жуткое ощущение, что в огромной стране ничего не происходит. И это в то самое время, когда шли схватки предвыборной борьбы, когда печать и другие телепрограммы били в набат в связи с попытками бюрократии наполнить новую избирательную систему старым содержанием: заменить выбор голосованием. Это волновало всех, было всем интересно, но узнавали мы об этом откуда угодно, кроме самой оперативной программы. Вот и торопятся люди постирать и помыть посуду, пока не начнутся новости международной жизни, культуры, спорта.

«До и после полуночи» даже захотелось внутренне полемизировать со «Временем», отсюда, может быть, родилась рубрика «Провинциальные новости» — путешествия по «медвежьим углам» России, где происходит много интересного, живут чудесные люди, но часто возникают картины и сюжеты, очень напоминающие Салтыкова-Щедрина.

— *Жители и руководство этих городков жалуются на вас?*

— Нет. Мы показываем правду и смотрим на нее не отстраненно, а с болью и любовью, смотря по тому, чего она заслуживает. И мы стараемся объяснить, что провинция — понятие не географическое, а социальное. Нигде, на мой взгляд, нет столько провинциалов, как в Москве.

— *О вашей программе, как и телеискусстве вообще, судят, как правило, в категориях «нравится — не нравится». Вы ощущаете недостаток профессиональной критики?*

— Меньше, чем недостаток многого другого. Когда я пришел работать не телевидение два года назад, оно уже очнулось от покоя, обстановка была взрывная, шел поиск новых рубежей. Появился прямой эфир, появились программы, потребовавшие ведущих. Тут-то и выяснилось, что их никто не готовит. Пять—семь появились сами. А нужно тридцать—сорок. Нет техники. Мы работаем с камерами, выработавшими свой срок еще в 1985 году. Достаточно просто пройти по телецентру в Останкине, и не нужно быть техническим специалистом, чтобы понять, насколько не приспособлен он для сегодняшней работы. Глаз телекамеры должен смотреть в мир круглые сутки. А помимо отсутствия технических средств, у нас нет душа, негде побриться или прилечь на час, когда приходится выходить в эфир в программе «Время» трижды в сутки.

— *Журнал «Родина» желает вашей программе долгой и полнокровной жизни.*

— Спасибо.

Беседу вел Сергей ВОЛОВЕЦ

Михаил БАКУНИН. Из книги «Кнуто-германская империя и социальная революция»

«Что такое власть? Есть ли это неизбежная сила естественных законов, проявляющаяся в сцеплении и в роковой последовательности явлений, как физического, так и социального мира? В самом деле, возмущение против этих законов не только непозволительно, но и невозможно. ...Они составляют основу и самые условия нашего существования...
Свобода человека состоит единственно в том, что он повинуется естественным законам, потому что *он сам* признает их таковыми, а не потому, что они были ему внешне навязаны какой-либо посторонней волей — божественной или человеческой, коллективной или индивидуальной.
...Мы признаем всякий естественный авторитет и всякое воздействие на нас факта, но не права, потому что авторитет и влияние права, официально навязываемое нам, сейчас же превращается в угнетение и ложь, и в силу этого, неизбежно... приводит нас к рабству и нелепостям.
Одним словом, мы отвергаем всякое привилегированное, патентованное, официальное и легальное — хотя бы даже вытекающее из всеобщего избирательного права — законодательство, власть и воздействие, так как мы убеждены, что все они всегда неизбежно обращаются лишь к выгоде господствующего и эксплуатирующего меньшинства, в ущерб интересам огромного порабощенного большинства.
Вот в каком смысле мы действительно анархисты».

СЛУШАЯ СВИСТ ОГНЯ

Наталья ПИРУМОВА, доктор исторических наук

Пятидесятилетие со дня смерти крупнейшего русского революционера и мыслителя Михаила Александровича Бакунина, широко отмечавшееся в нашей стране в 1926 году, было, по существу, его последним юбилеем на родине. Справедливости ради надо отметить, что в 1964 году, когда во всем мире отмечалось 150-летие Бакунина, а у нас не завершился еще период «оттепели», газета «Известия» и журнал «Вопросы истории» попытались, по тем временам объективно, осветить его жизнь и взгляды. Но уже следующая дата — 1976 год (100-летие со дня смерти Бакунина), ознаменовавшаяся многими книгами, статьями и научными конференциями за рубежом, в нашей стране осталась незамеченной.

И все-таки был прав Александр Блок, когда в 1906 году в своей юбилейной статье, посвященной 30-летию со дня смерти Бакунина, писал: «Чиновники плюются и корчатся, а мы читаем Бакунина и слушаем свист огня».

Какой же «огонь» нес нам Бакунин и каков был он сам? В нем была невиданная сила, сотканная из глубокой противоречивости и непрестанного стремления к гармонии. «Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...» — эту пушкинскую строку можно отнести к Бакунину, являвшему собой одно из ярких и своеобразных творений человеческого духа.

В. Г. Белинский отмечал вечно движущее начало, лежащее в глубине его души. Герцен писал о независимости, «автономии разума», огромном личном мужестве, отличавшем Бакунина в молодые годы, и предрекал ему будущее революционера «пылкого, страстного, героического».

Спустя десять лет в революционной Германии композитор Рихард Вагнер был поражен необычной натурой своего нового друга. «Все в нем было колоссально,— писал он,— все веяло первобытной свежестью... В спорах Бакунин любил держаться метода Сократа. Видимо, он чувствовал себя прекрасно, когда мог дискутировать с людьми различных оттенков о задачах революции. В этих спорах он всегда оставался победителем. С радикализмом его аргументов, не останавливающихся ни перед какими затруднениями, выражаемых притом с необычайной уверенностью, справиться было невозможно».

Остановимся на некоторых фактах его биографии. В Западную Европу он попал в 1840 году 26-летним философом-гегельянцем. Однако живая политическая действительность вскоре отвлекла его от философских занятий. Бакунин стал революционером, борцом за освобождение славянских народов, за создание славянской федерации. В то же время он призывал славян к союзу с венграми и немцами, считая возможным осуществление революционных преобразований по существу на всем континенте Европы. 1848 год застал его в Париже, где он принял горячее участие в событиях начала революции. Но главное дело ждало его в близких с Россией славянских землях. Отправившись туда, он стал участником славянского съезда в Праге, а когда в городе началось восстание, сражался с оружием в руках. И там написал свое «Воззвание к славянам»:

«Оглянитесь вокруг: революция везде. Она одна царит, она одна сильна... Только в ней — жизнь; вне ее — смерть... В Москве будет разбито рабство соединенных теперь под ее скипетром славянских народов и всех вообще славянских народов, а вместе с тем и все европейское рабство... В Москве из моря крови и пламени высоко и прекрасно взойдет созвездие революции и станет путеводною звездою для блага всего освобожденного человечества».

В мае 1849 года Бакунин оказался в восставшем Дрездене. Местные демократы обратились к нему за помощью. Он же, по его словам, «не имел права избежать опасности». В итоге ему, как бывшему артиллерийскому офицеру, пришлось взять на себя военное руководство. К наступавшим на Дрезден войскам саксонского короля присоединились прусские полки. Город был обречен. В этой обстановке, по свидетельству двух разных людей — К. Маркса и Р. Вагнера, Бакунин проявил себя спокойным и хладнокровным вождем восставших.

После поражения, схваченный солдатами, он был заключен в крепость Кенингштейн. Так началась его тюремная эпопея. Около девяти лет одиночного строгого заключения ждало его впереди. В Саксонии и в Австрии он дважды приговаривался к смертной казни. В первом случае в ожидании приведения в исполнение или отмены приговора он провел полгода, короткая время в занятиях математикой, второй приговор встретил прикованным к стене в крепости Ольмюц. Через полтора года, в марте 1851 года, по требованию Николая I его выдали России.

Ничего хорошего для себя он ждать не мог, однако впоследствии, рассказывая Герцену, как на границе были сняты с него австрийские кандалы и надеты русские, он восклицал:

«Ах, друзья, родные цепи мне показались легче, я им радовался и весело улыбался молодому офицеру, русским солдатам:

— Эх, ребята,— сказал я,— на свою сторону, знать, умирать...»

Но не смерть, а камера Алексеевского равелина Петропавловской крепости ждала его. Долгие годы слухи о Бакунине не проникали за стены его тюрем. Многие считали его погибшим. Его имя обрастало легендами. Французский историк Ж. Мишле принялся за книгу «Мученики России», в значительной мере посвященную Бакунину. В письме к Герцену (опубликованном в «Полярной звезде») он писал: «Когда Германия будет Германией, она поставит ему памятник. До тех пор пусть он занимает место у очага и в сердце француза».

«Мы находимся в авангарде арьергарда,— отвечал Герцен Мишле,— и поэтому нам, русским, не остается ничего другого, как служить примером, подобно Пестелю, Муравьеву, Бакунину».

В 1857 году заключение было заменено Бакунину ссылкой в Сибирь. Спустя пять лет он совершил фантастический по тем временам побег: из Николаевска-на-Амуре — в Японию, оттуда в Сан-Франциско, а уж из США — в Лондон, к Герцену.

Если бы на баррикадах Дрездена или Варшавы, куда он стремился попасть во время Польского восстания 1863—1864 гг., оборвалась жизнь Бакунина, нынешние школьники знали бы о его существовании, а число революционных демократов, десятки лет ограничивающееся главным образом четырьмя именами (Герцена, Белинского, Чернышевского и Добролюбова), возросло бы до пяти. Но судьба решила иначе.

В 50 лет он стал анархистом.

Но что же такое анархизм? В нашей литературе понятие это давно лишено первоначального смысла и превращено в синоним беспорядка и дезорганизации. Еще в 1918 году, подчеркивая разнообразие определений этого направления общественной мысли, один из его историков — А. А. Боровой писал: «То исполненный неодолимого соблазна, то полный ужаса и отвращения, синоним совершенной гармонии и братского единения, символ погрома и братоубийственной борьбы, торжество свободы и справедливости, разгул разнузданных страстей и произвола — стоит анархизм великой волнующей загадкой и именем его равно зовут величайшие подвиги человеколюбия и взрывы темных, низменных страстей».

После того, как в середине 20-х годов были закрыты последние издательства, клубы и другие организации «мирных» анархистов, прекращена публикация сочинений их теоретиков, никто из историков больше не вспоминал о позитивных сторонах этого учения. Естественно, что в крепнувшем авторитарном государстве антиавторитарным идеям не было места. Но значит ли это, что модель безгосударственной организации общества, созданная Бакуниным, была порочной?

Нет, она была естественна и далеко не нова. С древних времен идеям государственной централизации (авторитаризму) противостояли идеи более свободной организации человеческого общества. В середине XIX века наиболее популярной формой ее стал федерализм. По существу, это была оборотная сторона анархизма: государственной централизации противопоставлялся федеральный союз общин, коммун, ассоциаций, областей, народов. Развивающееся общество сбрасывало последние путы бывших феодальных монархий и далеко не всегда стремилось к новым формам диктата.

Учение Бакунина приобретало все больше сторонников в разных странах. К бакунинскому крылу Международного товарищества рабочих (членом которого он был с 1864 года) примыкало все больше его сторонников во Франции, Италии, Испании, Швейцарии.

Рекомендуя читателям самим ознакомиться с некоторыми мыслями Бакунина и стилем его полемики, представленными в этом номере, обратимся к свидетельствам Герцена, рассказывающего о его пропаганде среди швейцарских рабочих. В 1869 году из Женевы он писал дочери: «Здесь тоже собираются угрозы: работники и буржуа — на ножах. Полиция растет в наглости... Бакунин — совершенно как рыба в воде. Потеет, ест... по 5 фунтов мяса, говорит до 4 часов утра, останавливает..., толкает вперед — судит и рядит». Через две недели он сообщал ей же: «Деятельность Бакунина изумительна, он ходит с одного собранья на другое, его возят, как социального акушера то в Лозанну, то в Лодзь. Он везде проповедует общее разрушение — консерваторы бледнеют, пасторы проклинают, а он спокойно садится за три фунта мяса — и... снова начинает проповедовать».

Не раз в письмах последних лет Герцен говорил о Бакунине как о «замечательной силе», «сильном явлении», сравнивал его с локомотивом, «слишком натопленном и вне рельсов», который «несется без удержу и несет с собой все на свете».

«Мастодонт Бакунин,— сообщал он их общей приятельнице М. К. Рейхель,— шумит и громит, зовет работников на уничтожение городов, документов... Ну, Атилла, да и только. Не вполне с ним согласный,— я очень в хороших ладах».

Дружеская ирония сочеталась в этом случае с теоретическими разногласиями старых друзей, обусловленными различными типами их революционности.

Кстати, репутация проповедника разрушения, потрясателя основ утверждалась за Бакуниным не без влияния острого пера Герцена. Последний, по существу, не был знаком с широкой и глубокой аргументацией доктрины Бакунина, сформулированной им уже после смерти друга. Философского обоснования бакунизма и его целей не знал и его противник К. Маркс. Цель же всего Бакунин видел в создании социальной модели, наиболее удовлетворяющей потребности человека, живущего в согласии с природой и повинующегося ее законам.

Бакунин всегда считал природные законы основой организации жизни на Земле, признавая авторитет науки как умственно отраженное и, насколько лишь возможно, систематическое воспроизведение этих законов, органически присущих «физическому и социальному миру... составляющих в действительности лишь единый естественный мир. Помимо этой, единственной законной власти, ибо она разумна и соответствует человеческой свободе, мы объявляем другую власть лживой, произвольной, деспотической и гибельной».

Можно спорить с выводами Бакунина из его теоретических посылок, но нельзя не заметить позитивности обращения к природным законам, к гармоническому сочетанию естественности и разумности физического и социального миров. Нельзя не заметить и актуальности мыслей Бакунина о невозможности попыток «обуздать» природу, бороться против нее — «нашей матери».

Будущее общество представлялось ему организованной снизу вверх «федерацией», в которой свобода сочеталась с порядком, идущим от периферии к центру. «Это,— писал он,— является непременным условием свободы, которой порядок должен служить не основанием, а лишь венцом». Старый революционер не был так наивен, чтобы ожидать утверждения подобного социального устройства в ближайшие десятилетия. Но разрабатывая свою теорию, он в то же время был погружен в реальное революционное дело. Крупнейший и оригинальный мыслитель, он не мог быть кабинетным ученым. Его жизнь, его поэзия была в борьбе; его верой была социальная революция. Он творил ее, не считаясь порой с факторами времени, сил и, как говорил Герцен, «исторического материала».

Парижская коммуна и революционное брожение на юге Франции, казалось, подкрепили его надежды. Для практического руководства он направился в Лион, или, как он писал одному из своих друзей: «понес туда свои старые революционные кости». Но поражение следовало за поражением, и тогда, вернувшись в Швейцарию, он попытался обобщить свой революционный опыт, полнее обосновать теорию. Из-под его пера вышли две книги: «Кнуто-германская империя и социальная революция» и «Государственность и анархия». В первой из них значительное место было уделено философскому осмыслению анархии, во второй критический анализ государственности сопровождался полемикой с марксистами. Но и на этот раз теоретические занятия были оставлены Бакуниным ради практического участия в освободительной борьбе. Возрастающее движение русской революционной демократической молодежи увлекло старого революционера. Для своих соотечественников он создал «Прибавление «А» к книге «Государственность и анархия». Радикальность бакунинской программы импонировала молодежи, рвущейся к живому революционному делу. В 70-х годах бакунизм стал преобладающим направлением русского народничества. Не оставлял Бакунин и своей практической революционной деятельности на Западе. Последняя его попытка возглавить восставших была предпринята летом 1874 года в Болонье. Ее крах чуть не стоил ему жизни. Вот какая запись осталась в его дневнике: «Неудача. Страшная ночь с 7-ое на 8-ое [августа]. Револьвер. Смерть под рукой. Приходят один за другим... Остался один с 3 до 4. В 4 — смерть... В 3 ч. 40 м. утра является Сильвио и не дает мне умереть».

Последующие два года Бакунин не участвовал в активной борьбе. «Не говори, чтобы в настоящее время нечего было делать,— писал он Н. П. Огареву,— но это новое дело требует нового метода, а главное — свежих молодых сил, и я чувствую, что я для новой борьбы не гожусь».

Умер он в Берне 1 июля 1876 года.

* * *

В заключение вернемся к причине и поводу замалчивания или ненаучного одностороннего подхода к Бакунину и бакунизму, господствующим в нашей исторической литературе последние 60 лет.

Поводом стал конфликт Маркса с Бакуниным, объясняемый историками злонамеренными кознями последнего. Причина же была в естественной несовместимости двух идеологий. Ленин справедливо указывал, что из анархизма «...федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма» (Ленин В. И., т. 33, с. 53). Что же касается столкновения на Гаагском конгрессе Интернационала (1872), то здесь Ленин отмечал, что «...принципиальная борьба групп внутри социал-демократического движения не обходилась нигде на свете без ряда личных и организационных конфликтов... Люди суть люди, и без «конфликтного» материала, без «склоки», не обходились исторические столкновения течений марксистского и анархистского (Маркс и Бакунин), гедистского и жоресистского, лассальянского и эйзенахского и т. д.».

Подобные факты Владимир Ильич, очевидно, не считал порочащими всемирно известного революционера. В мае 1903 года ленинская «Искра» поддержала сбор средств на памятник Бакунину. В 1918 году имя его было высечено на памятнике борцам за социализм,

Михаил БАКУНИН. Прибавление «А» к книге «Государственность и анархия»

«Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Например, хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей ступени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом. ...Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо,— вот почему мы враги государства.

Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления? (Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут и управляемые, будут рабы.)

Эта дилемма в теории марксистов решается просто. (Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом). Всеобщее и поголовное право избирательства целым народом так называемых народных представителей и правителей государства — вот последнее слово марксистов, так же как и демократической школы,— ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства (тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли).

Итак, с какой точки зрения ни смотри на этот вопрос, все приходишь к тому же самому печальному результату: к управлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из *бывших* работников, но которые лишь сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природою человека.

Но эти избранные будут горячо убежденные и к тому же ученые социалисты. Слова «*ученый социалист*», «*научный социализм*» ...сами собой доказывают, что мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократией действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение!

Марксисты чувствуют это противоречие и... утешают мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая. Они говорят, что единственною заботою и целью ее будет образовать и поднять народ как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление сделается скоро ненужным и государство, утратив весь политический, т. е. господствующий характер, обратится само собою в совершенно свободную организацию экономических интересов и общин.

Тут явное противоречие. Если государство будет действительно народное, то зачем ему упраздняться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным?

...Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить. На этом противоречии пока остановилась наша полемика. Они утверждают, что только диктатура, конечно их, может создать народную волю, мы отвечаем — никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, и что она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство».

воздвигнутом по ленинскому плану монументальной пропаганды у Кремлевской стены. В 1920 году, несмотря на тяжелое положение страны, Ленин высказался за издание 15-томного собрания его сочинений. Издание это не состоялось. Изучение же бакунинского наследия первым поколением историков-марксистов началось. Однако торжество справедливости по отношению к памяти старого революционера тогда оказалось недолгим.

Ныне исторический опыт дает нам право глубже осмыслить ряд социологических построений Бакунина, внимательней отнестись к его федерализму, к идеям самоуправления, объективно проанализировать его полемику с Марксом по поводу «пролетариата, возведенного на степень господствующего сословия».

Можно не соглашаться с антиавторитарной моделью общества, созданной Бакуниным, но продолжать отвергать с порога все его социальные рецепты, всю его философию — как мы делали многие годы,— было бы равносильно растрате нашего национального достояния.

Михаил БАКУНИН. Из книги «Государственность и анархия»

* * *

«...Что может делать наш умственный пролетариат, русская, честная, искренняя, до конца преданная социально-революционная молодежь? Она должна идти в народ несомненно, потому что ныне везде, по преимуществу же в России, вне народа, вне многомиллионных рабочих масс, нет более ни жизни, ни дела, ни будущности. Но как и зачем идти в народ?

В настоящее время у нас после несчастного исхода Нечаевского предприятия мнения на этот счет, кажется, чрезвычайно разделились; но из общей неурядицы мыслей выделяются уже теперь два главные и противоположные направления. Одно — более миролюбивого и подготовительного свойства; другое — бунтовское и стремящееся прямо к организации народной обороны.

* * *

...Народ наш явным образом нуждается в помощи. Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако частных вспышек недостаточно. Надо поднять вдруг все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные под предводительством Стеньки Разина и Пугачева. Эти движения доказывают нам, что в сознании нашего народа живет действительно идеал, к осуществлению которого он стремится, а из неудач их мы заключаем, что в этом идеале есть существенные недостатки, которые мешали и мешают успеху...

* * *

Надо убедить прежде всего этих передовых людей из крестьянства, а через них, если не весь народ, то, по крайней мере, значительную и наиболее энергичную часть его, что для целого народа, для всех деревень, волостей и областей в целой России, да также и вне России, существует одна общая беда, а потому и одно общее дело. Надо их убедить в том, что в народе живет несокрушимая сила, против которой ничто и никто устоять не может, и если она до сих пор не освободила народа, так это только потому, что она могуча только, когда она собрана и действует одновременно, везде, сообща, заодно, и что до сих пор она не была собрана. Для того же, чтобы собрать ее, необходимо, чтобы села, волости, области связались и организовались по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения. Для того же, чтобы создалось в нашем народе чувство и сознание действительного единства, надо устроить род народной печатной, литографированной, писаной или даже устной газеты, которая бы немедленно извещала повсюду, во всех концах, областях, волостях и селах России о всяком частном народном, крестьянском или фабричном бунте, вспыхивающем то в одном, то в другом месте, а также и о крупных революционных движениях, производимых пролетариатом Западной Европы; для того чтобы наш крестьянин и наш фабричный работник не чувствовал себя одиноким, а знал бы, напротив, что за ним, под тем же гнетом, но зато и с тою же страстью и волею освободиться, стоит огромный, бесчисленный мир к всеобщему взрыву готовящихся чернорабочих масс.

* * *

Главный недостаток, парализующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание в России, это замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских местных миров. Надо во что бы то ни стало разбить эту замкнутость и провести между этими отдельными мирами живой ток революционной мысли, воли и дела. Надо связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей, передовых людей, естественных революционеров из русского крестьянского мира между собою, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством. Эта связь не может быть другою, как личною. Нужно, соблюдая, разумеется, притом самую педантичную осторожность, чтобы лучшие или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости знали таких же крестьян всех других деревень, волостей, областей.

* * *

Скажем только одно: русский народ только тогда признает нашу образованную молодежь своей молодежью, когда он встретится с нею в своей жизни, в своей беде, в своем деле, в своем отчаянном бунте. Надо, чтобы она присутствовала отныне не как свидетельница, но как деятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница, повсюду и всегда, во всех народных волнениях и бунтах, как крупных, так и самых мелких. Надо, чтобы, действуя сама по строго обдуманному и положенному плану и подвергая в этом отношении все свои действия самой строгой дисциплине, для того чтобы создать то единодушие, без которого не может быть победы, она сама воспиталась и воспитала народ не только к отчаянному сопротивлению, но также и к смелому нападению...

Порвавши безвозвратно все связи с миром эксплуататоров, губителей и врагов русского народа, она должна смотреть на себя, как на капитал драгоценный, принадлежащий исключительно делу народного освобождения, как на такой капитал, который должен тратить себя лишь на пропаганду народную, на постепенное возбуждение и на организацию всенародного бунта».

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

Из приказа Военного совета Северо-Кавказского военного округа об организации обороны Царицына
гор. Царицын — 16 августа 1918 г.

...§ 3. Тов. Щаденко назначается комиссаром всех армий Царицынского фронта с сего числа.

Члены Военного совета: **Сталин, Минин, Ворошилов.**

Из приказа войскам Южного фронта о создании 1-й Конной Армии.
№ 1801 — 19 ноября 1919 г.

В соответствии с пунктом 1 протокола № 68 заседания РВС Республики от 17 сего ноября приказываем:

1. 1-й Конный корпус Южфронта в его нынешнем составе переименовать в Конную армию РСФСР;

2. Командующим Конной армией назначается т. Буденный;

3. Членами Реввоенсовета Конной армии назначаются тт. Ворошилов и Щаденко...

Временно командующий фронтом **Егоров**
Члены Реввоенсовета Южфронта **Сталин, Серебряков**

Из собственноручных свидетельских показаний члена РВС 1-й Конной Армии Е.А. Щаденко в деле по обвинению быв. командира Конного корпуса Б.М. Думенко в контрреволюционном заговоре.
гор. Ростов — 29 марта 1920 г.

...Думенко доходил иногда до того, что по телеграфу допускал ругань по адресу Реввоенсовета и Советской власти. Эти неровности приходилось сглаживать награждениями Думенко, чтобы так или иначе умерять его контрреволюционный дух...

Член Реввоенсовета Конармии **Щаденко**

ПИСЬМО Е.А. ЩАДЕНКО — ЧЛЕНА «ОСОБОЙ КОМИССИИ НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СССР ПО ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ВРЕДИТЕЛЬСТВА В ВОЙСКАХ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА», АРМЕЙСКОГО КОМИССАРА 2 РАНГА — ЖЕНЕ

18 июня 1937 г.

Милая, родная Марусенька!

Пишу из древней русской столицы — Киева. Летом, одевшись в пышное платье богатой зелени, с широкой лентой голубого Днепра, вплетенной в светло-русые косы песчаных берегов, она выглядит древней красавицей, шумно играющей в горелки среди широких, цветистых просторов Приднепровья.

Ты знаешь, что я немного художник и умею обобщать, и в синтезе, как и ты, представить общественные и природные явления в их живом историческом развитии и действии. Люди легендарных исторических периодов всегда были богаты фантазиями и умели не только сравнивать и обобщать историческое прошлое, но и в ярких красках широкого полотна представить себе картину будущего человеческого общества. Мы, большевики, счастливы тем, что наши фантазии о будущем умеем быстрее, чем любой общественный строй, превращать в живую, красивую и изумительно захватывающую действительность. Вот почему за нами идет все смелое, все способное, все молодое, веселое, жизнерадостное, самоотверженное и последовательное в своем смелом движении «вперед и выше», как говорит Максим Горький.

Милое солнышко, я так скучаю и беспокоюсь в минуты, когда я усталый, оторвавшись от работы, тащусь к своей в буквальном смысле солдатской койке. Работы так много, что я раньше 2-х — 3-х часов ночи не выбираюсь из штаба. Вредительская сволочь целыми годами гадила, а нам надо в недели, максимум в месяц-два, не только ликвидировать все последствия вредительства, но и быстро двигаться дальше.

Трусливые негодяи, не замеченные в благодушном беспечии пребывавшими «стражами», пробрались на высокие посты, разложили стражу, напоили ядом сомнения казавшихся зоркими часовых и замышляли небывалое злодеяние. Хорошо,— это наше счастье,— что СТАЛИН сам рано заметил, почувствовал опасность приближения к нему фашистских террористических убийц и стал принимать меры, не поддался на уговоры пощадить Енукидзе (эту самую подлую и замаскированную гадину), вышвырнул его со всей бандой из Кремля, организовал новую, надежную охрану и назначил т. ЕЖОВА — этого скромного и кропотливого работника — и стал распутывать клубки и узлы фашистских замыслов о кровавой реставрации капитализма.

Эта рыко-бухаринская и гитлеро-троцкистская сволочь хотела отдать Украину и Дальний Восток с Сибирью германо-японскому блоку за их помощь в деле реставрации капитализма, в деле кровавого уничтожения всего того, что добыто великим нашим народом в результате Великой Октябрьской революции. Мы дорого заплатили за идиотскую беспечность. Из наших рядов враги социализма вырвали пламенного трибуна революции тов. КИРОВА. Мы могли поплатиться еще многими головами и материальными ценностями, если бы не СТАЛИН, с его железной волей, чутким и настороженным взором подлинного Ленинского стража мировой пролетарской революции. Это он — скромный, уверенный в себе, в своей партии, в одежде простого солдата, с лицом и чуткостью пролетарского революционера,— спас нас от величайшего несчастья и ужасного позора, который готовили нас окружавшие, многих наших руководителей смертельно ненавидящие революцию враги народа.

Твой Ефим.

Публикация Александра КРУШЕЛЬНИЦКОГО

ЧТО НОВОГО? ЧТО СТАРОГО?

Столице Северной Осетии пришлось несколько раз менять свое имя. Областная газета «Молодой коммунист» привела выдержки из республиканских газет тех лет.

«Проходивший 2 сентября торжественный пленум горсовета показал, как трудящиеся одобрили постановление правительства о переименовании Владикавказа в город Орджоникидзе. Продолжительные аплодисменты, перешедшие в овацию, в ответ на сообщение о переименовании говорят об этом... Великодержавное название города Владикавказа (происшедшее от слов «Владей Кавказом») не было принято трудящимися массами Ингушетии и Осетии, которые именовали город своими неофициальными названиями Буру и Дзауджикау. Ныне это интернациональное название должно войти в язык осетинского и ингушского народов на смену старым названиям» («Власть труда», 4 сентября 1931 г.).

«Переименование города Орджоникидзе в город Дзауджикау — событие большой исторической и политической важности. Оно является результатом неуклонного, последовательного осуществления Коммунистической партией и Советским правительством ленинско-сталинской национальной политики... Переименование отвечает культурным и экономическим интересам осетинского народа. В этом акте видна личная забота Сталина об осетинском народе, его настоящем и будущем...» («Социалистическая Осетия», 1 марта 1944 г.).

«...Трудящиеся Северной Осетии с глубокой радостью, удовлетворением встретили Указ о переименовании города Дзауджикау в город Орджоникидзе, отвечающий их воле и чаяниям... Серго беспощадно громил врагов партии и Советского государства — меньшевиков, эсеров, троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов, питал политическое недоверие к злейшему врагу партии и народа Берия... Установлено, что переименование города Орджоникидзе в город Дзауджикау также связано с враждебными действиями Берия и его банды...» («Социалистическая Осетия», 26 февраля 1954 г.).

«Длительная консервация» — такой вердикт вынесен строительству Крапивинского гидроузла в Кемеровской области. Намеченное уже на нынешний год перекрытие Томи откладывается до проведения более тщательных исследований. Нельзя «покорять реку», не продумав последствий, не осуществив всесторонней экологической экспертизы проекта. Инициатива общественности поддержана Кемеровским облисполкомом, а подробно вся эта история проанализирована газетой «Комсомолец Кузбасса».

«На старых погостах» — так назван материал, посвященный 150-летию прибытия декабристов — братьев Михаила и Николая Бестужевых на поселение в далекий Селенгинск (газета «Молодежь Бурятии»). «Любезная матушка, милые сестрицы и добрые братья. Вот через 14 лет, впервые своей рукой спешу приветствовать вас...» Первые, наконец-то не тайные письма к родным извещали о долгожданном конце тяжелого заключения: в 1839 году начался новый период жизни декабристов Бестужевых. В Селенгинске тех лет образовалась деятельная колония декабристов, которую с полным правом можно назвать лучшим из филиалов декабристской «сибирской академии»: везде, где отбывали годы поселений мятежные дворянские семьи, возникала эта атмосфера общественной мысли, и огоньки культуры возникали, вспыхивали в темноте невежества.

Что же в тех краях сегодня? Больно от того, что места бывших усадеб декабристов, как пишет газета, «экскурсионно не обозначены». Состояние погоста декабристов, а также их друзей на здешнем старом кладбище способно перечеркнуть все, что есть хорошего в деле сохранения благодарной памяти о декабристах в Селенгинске, заключает газета.

Михаил Сергеевич Черников приехал погостить к дочери в Тулу. На автовокзале к нему подошел парень. «Ты, дед, случайно не фронтовик? Лишний орден не нужен?» Черников действительно бывший фронтовик, имел многие награды и знал им подлинную цену. Он выкупил орден и принес его в военкомат. По номеру выяснилось, что орден выдан в апреле 1985 г. Ивану Морозову. В военкомате предположили, что фронтовик скончался от ран, а непорядочные родственники пустили награду по рукам. Но орден, как оказалось, отдал на продажу сам Морозов: надо было выпить. Как продал и пропил до того полагающийся ему по льготам легковой автомобиль. И пошла боевая награда по рукам за пол-литра... («Молодой коммунар», Тула).

«Когда-то очень давно жили на пермских просторах богатыри. Дозором на своих боевых конях объезжали землю, бились с врагами, помогали друг другу» — таким лирическим запевом начинается очерк под рубрикой «Сбереги памятник» в пермской газете «Молодая гвардия». Автор рассказывает об истории поисков на пермской земле следов богатырских былин и преданий. Давно вошли в местный обиход рассказы о Поре-богатыре, о Полюде и Ветлане. Поиски следов эпической традиции в Прикамье сродни детективной истории с лихо закрученным сюжетом. Столько троп исхожено здесь фольклористами! Выяснилось, что и коренные жители края коми-пермяки исполняли на своем языке сказания о русских богатырях. А появились здесь былины лет пятьсот назад, когда проникли на Север первые русские переселенцы из новгородской земли. Сохранила память народная и имена исполнителей. На реке Язьве жители вспомнили, что в 20-е годы пришли туда три брата Подкорытовы. Один из них, бродячий сапожник, Федор, обшивая семьи, жил по очереди во всех домах. А вечерами собирал ребятишек и складно, почти распевая, рассказывал о «старом казаке Илье Муромце».

Газета призывает читателей присоединиться к поисковой работе по собиранию фольклора родного края.

Народный мастер-ювелир из Туркмении Клычмурад Атаев побывал на Лейпцигской ярмарке народно-прикладного искусства. Знакомый немец пригласил его посетить «Музей народов мира». И увидел мастер здесь великолепный зал туркменского искусства. «Пожалуй, именно там мне впервые по-настоящему стало больно и обидно, что на родине такого зала нет, как нет и тех экспонатов — ювелирных изделий, ковров, кошм, оружия, предметов ткачества и вязания. Причем все в том зале подобрано с таким вкусом и любовью, как будто немцы, а не мы испытываем гордость за творения рук туркменских мастеров»,— пишет в «Комсомольце Туркменистана» мастер-ювелир. Туркменские ковры, как сообщается в одном зарубежном издании,— это «восточный Рембрандт», и в мире нет им аналога. Но спрос на них в последние годы упал. В чем дело? Экспедиция, в составе которой были искусствоведы, выезжала в села. Оказывается, во многих местах уже не знают, как делать кошмы. От Кызыл-Арвата до Кушки в наличии один тип ковра с текинским орнаментом. Многие жители республики сегодня даже не знают, что такое ахалтекинский ковер.

В конце XIX — начале XX века во многих городах России создавались по частной инициативе и существовали на средства своих членов различные научные общества (археологические, любителей естествознания и др.). В уездных городах такие общества объединили местных краеведов, занимались изучением истории края, природы. В 1909 году в Липецке было создано Петровское общество распространения научных и практических знаний. Представители общественности поставили вопрос о необходимости создать в Липецке народную общедоступную библиотеку-читальню, воскресную школу, общеобразовательный музей.

В уставе была ясно сформулирована цель Общества: «1. Поднятие умственного и экономического развития населения Липецка и Липецкого уезда путем устройства просветительных и профессиональных учреждений. 2. Изучение местного края на основании историко-археологических, этнографических и статистических исследований».

Была скомплектована, в основном за счет пожертвований частных лиц и учреждений, общедоступная библиотека, совет Общества обратился и к Л. Н. Толстому с просьбой о пожертвовании в библиотеку его литературных трудов. Лев Николаевич прислал в дар сочинения последних лет. Был организован специальный отдел учебников, которые выдавались неимущим учащимся бесплатно на весь год. И, наконец, открылся музей.

В 20-х годах Общество прекратило существование. И вот недавно учредительное собрание краеведов объявило о создании Липецкого областного краеведческого общества. Общества людей, любящих родную землю и стремящихся делами доказать эту любовь. «Краеведческий нигилизм,— сказал на конференции один из участников,— для всех нас страшен. Не зная истории родного края, нельзя любить его, не любя — ничего хорошего не сделать. Долой краеведческий нигилизм!» Информировал об этом событии своих читателей липецкий «Ленинец».

Проблемы малых народов Севера, живущих в экстремальных природных условиях и сохранивших многие привычки и обычаи, помогающие многим поколениям их предков жить в тундрах Заполярья,— это не только экзотика, но и предмет серьезного изучения во многих странах мира. Поэтому нет ничего удивительного в том, что японская радиовещательная компания (Эн-Эйч-Кэй) организовала киноэкспедицию в районы Крайнего Севера СССР. Фильм, снятый японцами, должен стать составной частью сериала о жизни народов Арктики, об их прошлом и настоящем.

Подборку подготовила Кира ЛАВРОВА.

ОТКРОВЕНИЯ ПОЛКОВНИКА ЭНГЛУНДА

Американский пункт инспекции появился в Воткинске 1 июля прошлого года. Тогда это казалось невероятным. Военные США в зоне, вообще закрытой для иностранцев! Парадоксальная ситуация скоро перестала удивлять. Интервью с инспекторами стали делом обычным.

— Тогда я еще не был полковником.— Мистер Энглунд подобрал длинные ноги, устроился на диване поудобнее и продолжал.

— Я был в чине майора и только-только получил назначение военным атташе в Москву. Надо было ехать из Полтавы в Киев. Я еще ничего не знал здесь, это была моя первая поездка по Советскому Союзу. И мой шеф настоял, чтобы мы отправились на машине. Ну что ж, «Жигули» — это прекрасно. Только как быть с бензином? Шеф меня уверил, что бензоколонки встречаются на дорогах каждые 10 километров... Мы, конечно же, застряли посреди безлюдной дороги. Вокруг ни села, ни деревни. Бензоколонки, как мы уже успели заметить, попадались нечасто. Поэтому перспектива толкать лимузин до следующей, неизвестно где находящейся, нам не нравилась. Мы стали ждать. Первая машина появилась на дороге через час. Бензин был, не было... ведра. Пришлось нам смириться и ждать. Наше путешествие становилось все меньше и меньше заманчивым. Наконец водитель какого-то грузовика сжалился и взял нас на буксир до ближайшей заправочной станции. Больше мы на такие приключения не отваживались.

— А на менее безопасные? Например, вам не приходила в голову мысль здесь, в Воткинске, сходить на почту и заказать разговор с домом?

— Нет. У нас есть своя связь. Но однажды я пришел на почту, это было в Самарканде, и заказал разговор с Миннесотой. Там живет моя мама. Это оказалось довольно-таки сложным делом. Но в конце концов все устроилось. И мама, как и все мамы на свете, первым делом спросила: «Ты где?» «В Самарканде»,— ответил я. Она даже не удивилась. Только поинтересовалась, какая у нас погода...

Зато мы уже обращались здесь к врачу. У одного нашего инспектора заболел зуб, и он пошел в поликлинику. Там ему удалили нерв и поставили пломбу. Он утверждает, что в Америке ему вряд ли бы сделали это лучше.

„Когда в Ижевске приземлился транспортный самолет американских военно-воздушных сил, это было «большой» сенсацией. А «маленькая» произошла здесь, при разгрузке оборудования“.

„У нас два хобби — работа и спорт. За ними мы и проводим свой досуг“.

„Красный свет не всегда угрожающий. Для нас он означает, что работы пока нет и можно отдохнуть...“

— Господин полковник, вы были в Советском Союзе военным атташе. Работаете здесь и сейчас, на пятом году перестройки. Вы можете сравнивать. Как вам видятся перспективы перестройки здесь, в глубинке?

— Меня обрадовало, что народ стал очень информированным обо всех событиях в мире. Основным двигателем перестройки является гласность. Изменился и сам характер новостей. Все это делает людей более активными в социальном плане. Это выражается даже и в том, насколько советские люди стали свободней разговаривать с иностранцами...

— Вы хотите сказать, что более широкое распространение информации дает вам основание думать, что и здесь, и в крупных центрах люди одинаково горят желанием изменить свою жизнь?

— Именно так. Но главной действующей силой перестройки должны стать все-таки экономические стимулы.

— Мне кажется, сначала надо возродить культуру...

— Но ваши люди сейчас ничем не отличаются от людей других стран. Американская молодежь, например, одета точно так же, как и молодежь в Воткинске. Они слу-

„Мы победили советскую команду в КВНе. А это одна из сценок, которые мне понравились,— американские инспектора шутливо пародируют перестройку“.

„Мы все меньше и меньше чувствуем себя в Воткинске чужеземцами“.

шают ту же музыку, поют те же песни, решают те же проблемы.

Мне кажется, что русские чересчур много внимания уделяют своей душе. Вы беспокоитесь об утере традиций, а на самом деле вы, пожалуй, самая консервативная нация в мире. Достаточно посмотреть вокруг, чтобы убедиться в моей правоте. Думаю, вы согласитесь, что Лев Толстой прекрасно чувствовал «русскую душу». Так вот, в ваших городах появились радио, телевидение, газеты. Но, в сущности, они остались такими же, какими их описывал Толстой. Жить здесь очень приятно. Словно переносишься в XIX век.

— Раз так, представьте, пожалуйста, на секунду, что вы не полковник армии США, руководящий здесь пунктом инспекции. Предположим, вы — мэр этого города. Вы бы ничего не изменили здесь?

— Я, пожалуй, начал бы строить деревянные коттеджи. Хотя и то, что я вижу, проходя по улицам, меня очень радует своим нарядным видом.

— Вы уже ходили по магазинам?

— Да, и купил несколько сувениров.

— А что-нибудь из предметов, необходимых в быту?

— Зубную щетку.

— Простите за нескромный вопрос. Сколько вы получаете за службу здесь?

— Шестьдесят тысяч долларов в год. Это немного. Я принадлежу к среднему классу. Родился в Миннесоте, в лютеранской семье. Отец у меня был металлургом. Есть еще два брата. Один работает столяром, другой — священник. Когда я закончил университет, факультеты международных отношений и журналистики, и поступил в армию, я оказался первым в семье военным. Живу на окраине Вашингтона в небольшом доме вместе с семьей. У нас с женой трое детей. Старшей дочери уже 22 года. Она недавно окончила университет, факультет международных отношений, и пошла по моим стопам — тоже поступила в армию. Жена работает. Она секретарша в небольшой частной фирме в Вашингтоне. Очень довольна своей работой. Но готова все бросить и приехать сюда.

— А то, что вы оказались здесь,— долг службы или ваше желание?

— И то и другое. Это назначение застало меня по дороге в Будапешт, куда я ехал в качестве военного атташе. Я уже учил венгерский язык... В принципе я мог отказаться. Но возможность еще раз поработать в Советском Союзе показалась мне очень заманчивой — я очень люблю вашу страну,— и я оказался здесь.

— А где у вас больше шансов стать генералом?

— Нигде. Это случается крайне редко.

— У нас есть поговорка: плох тот солдат, который не хочет стать генералом...

— О, я очень многого хочу. Но, к сожалению, исполнение моих мечтаний зависит не от меня.

— Господин Энглунд, мой последний вопрос, наверное, будет неожиданным для вас. Но я надеюсь на вашу откровенность. Вы — профессиональный военный, полковник армии США, человек, прошедший через Вьетнам, долго работавший в Москве. Скажите, вы когда-нибудь верили в конфликт между нашими странами?

— У человечества уже было несколько шансов взлететь на воздух — Вьетнам, ситуация вокруг Кубы... Но всегда брал верх здравый смысл и мудрость обеих сторон. Не исключая такой возможности (потому что нельзя ручаться за случайность), я все-таки могу утверждать, что никогда серьезно не верил в этот конфликт.

Интервью вела Елена СКВОРЦОВА
Фото Владимира ЛАГРАНЖА
и Дугласа ЭНГЛУНДА

„Наша команда приветствует читателей журнала «Родина», желает им всего наилучшего. Мы считаем, что работа советской инспекции в Магне (штат Юта) и нашей инспекции здесь, в Воткинске, укрепляют добрые взаимоотношения между нашими государствами, и мы очень хотим, чтобы наши пункты инспекции превратились в пункты доверия“.

Сегодня к нам возвращаются из спецхранов библиотек и архивов, музейных фондов не только книги, рукописи, фотографии, но и живописные полотна. В конце февраля 1989 года на выставке «В. И. Ленин и Коминтерн» посетители Центрального музея В. И. Ленина увидели картину известного советского художника И. Бродского «Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна». Более шестидесяти лет это полотно находилось в запасниках музея.

НАЗВАНЫ ТОЛЬКО 225

Владимир МИЧУРОВ,
заместитель директора Центрального музея В. И. Ленина

Вернисаж этой картины состоялся в ноябре 1924 года сначала в Москве, потом в Ленинграде, Свердловске, Перми. Красочные репродукции с нее издавались огромными для того времени тиражами. Такой успех был не случаен.

Всеобщий интерес вызывал Третий, Коммунистический Интернационал — Коминтерн, деятельность которого в то время была направлена на «скорую победу мировой социалистической революции».

Если Первый Интернационал предвосхищал будущее развитие и намечал его пути, если Второй Интернационал собирал и организовывал миллионы пролетариев, то Третий Интернационал является Интернационалом открытого массового действия, Интернационалом революционного осуществления, Интернационалом двла...

Из Манифеста Коммунистического Интернационала, принятого I Конгрессом.
1919 г.

Развертывалась одна из самых значительных страниц современной истории. И масштабность картины как бы подчеркивала значимость будущего.

«Торжественное открытие II Конгресса» — картина Исаака Бродского представляет такое необыкновенное явление, что о нем можно только благоговейно молчать... Такая масса лиц (600) и движений, и все портреты, и все они действуют, начиная с главного оратора Ленина. Это колоссальный труд, и выполнение такой сложной композиции — мы знаем их — редкость».

Илья Репин

На II Конгресс Коминтерна, который работал с 19 июля по 17 августа 1920 г., сначала в Петрограде, затем в Москве, съехались делегаты из 37 стран Европы, Азии и Африки. Интерес к этому всемирному форуму коммунистов был велик. На нем присутствовали 169 делегатов с решающим, 49 с совещательным голосом, представители 67 компартий и рабочих организаций. Создается Комитет по организации празднеств. Группе художников во главе с И. Бродским рекомендовано зарисовать все моменты, связанные с торжествами открытия Конгресса, где бы таковые ни проходили. А день спустя, 20 июля, Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов поручает ему, художнику, удостоенному недавно на Всероссийском конкурсе 1919 года первой премии за портрет Владимира Ильича Ульянова (Ленина), запечатлеть на полотне торжественное заседание делегатов II Конгресса. Работа над картиной продолжалась четыре года, в подготовительных работах принимал участие художник С. Тупин.

«Мне хотелось,— писал Бродский,— дать коллвктивный портрет деятелей Коминтерна, съехавшихся по зову Ленина в Россию...»

Ленин был избран постоянным членом президиума, произносил речь при открытии и закрытии конгресса, неоднократно выступал, и его страстные выступления находили горячий отклик у слушателей. У Бродского была возможность быть вблизи от Ленина и рисовать его в процессе заседаний. И позже, на III Конгрессе в 1921 году, он, продолжая собирать материал для картины, делал наброски с Ленина.

Работа требовала оперативности.

«Делать отдельные зарисовки,— писал Бродский,— приходилось в самых разнообразных местах, так как делегаты конгресса жили в разных гостиницах и поймать их было трудно. Некоторые нелегально приехали из-за границы и позировели неохотно. Часто мне приходилось рисовать на большом расстоянии, чтобы делегаты не видели, что я их рисую. Клару Цеткин мне пришлось рисовать в 6 чесов утра, так как она вставала в 5 утра и до шести успевала принять ряд иностранных и наших корреспондентов».

Из 150 с лишним зарисовок сегодня нам известно лишь 70 рисунков, 42 экспонируются на выставке, вместе с ними более 200 документов, фотографий, ксерокопий, рукописей и выступлений В. И. Ленина, его соратников, деятелей международного коммунистического и рабочего движения, страницы стенографических отчетов I—IV Конгрессов Коминтерна. 150 материалов экспонируются в музее впервые.

На картине Бродского изображены те, кто принимал активное участие в работе II и III Конгрессов Коминтерна. Многие деятели международного коммунистического движения и бывшие руководители Советского государства были репрессированы, некоторые в последние годы реабилитированы. Некоторые узнаваемы: рядом с Лениным Клара Цеткин, Джон Рид, Бухарин, Луначарский, председатель Исполкома II Коминтерна Зиновьев. Значительное число персонажей неизвестно.

Немало времени потратили сотрудники Центрального музея В. И. Ленина для расшифровки персонажей картины и подтверждения: были ли они делегатами конгресса. Господствовавшая долгие годы политика умолчания, выкорчевывания из истории тех, кто был отнесен к врагам народа, к лидерам разных уклонов, сделала свое: наша история обезлюдела. Биографии многих остались не написаны, имена отсутствуют в справочниках и энциклопедиях. А фотографии либо уничтожены, либо тщательно заретушированы. В изданиях двадцатых годов удалось найти снимки отдельных делегатов конгресса. В юбилейном выпуске журнала «Коммунистический Интернационал» за 1924 год обнаружили ряд активистов международного коммунистического движения. Труднее всего было назвать портреты деятелей Советского государства.

Как выглядели Л. П. Серебряков, Е. А. Преображенский и другие партийные руководители, реабилитированные в последние годы, можно узнать лишь из двух книг, изданных в двадцатые годы.

Но список делегатов конгрессов Коминтерна оказался неполным, так как некоторые люди присутствовали на заседаниях конгрессов как гости. Так, И. Ольбрахт рассказывает о встрече В. И. Ленина с рабочим Шелгуновым на открытии II Конгресса, но среди делегатов имя Шелгунова не значилось.

Нередко неожиданным подспорьем становились и современные публикации в газетах, иллюстрированных журналах. Так, в газете «Комсомольская правда» (29 апреля 1988 г.) была помещена фотография «В. И. Ленин в группе делегатов II Конгресса Коминтерна у дворца Урицкого (Таврический дворец). 1920, 19 июля, Петроград» и названы те, кто сфотографирован с ним, в том числе Н. М. Анцелович, А. Я. Беленький. Таким образом удалось подтвердить присутствие этих людей на II Конгрессе Коминтерна.

В общей сложности первоначально научному сотруднику музея Г. В. Носовой удалось «расшифровать» 165 человек. Но насколько правильно проведена атрибуция? Ответ был получен вскоре после того, как выставка открылась.

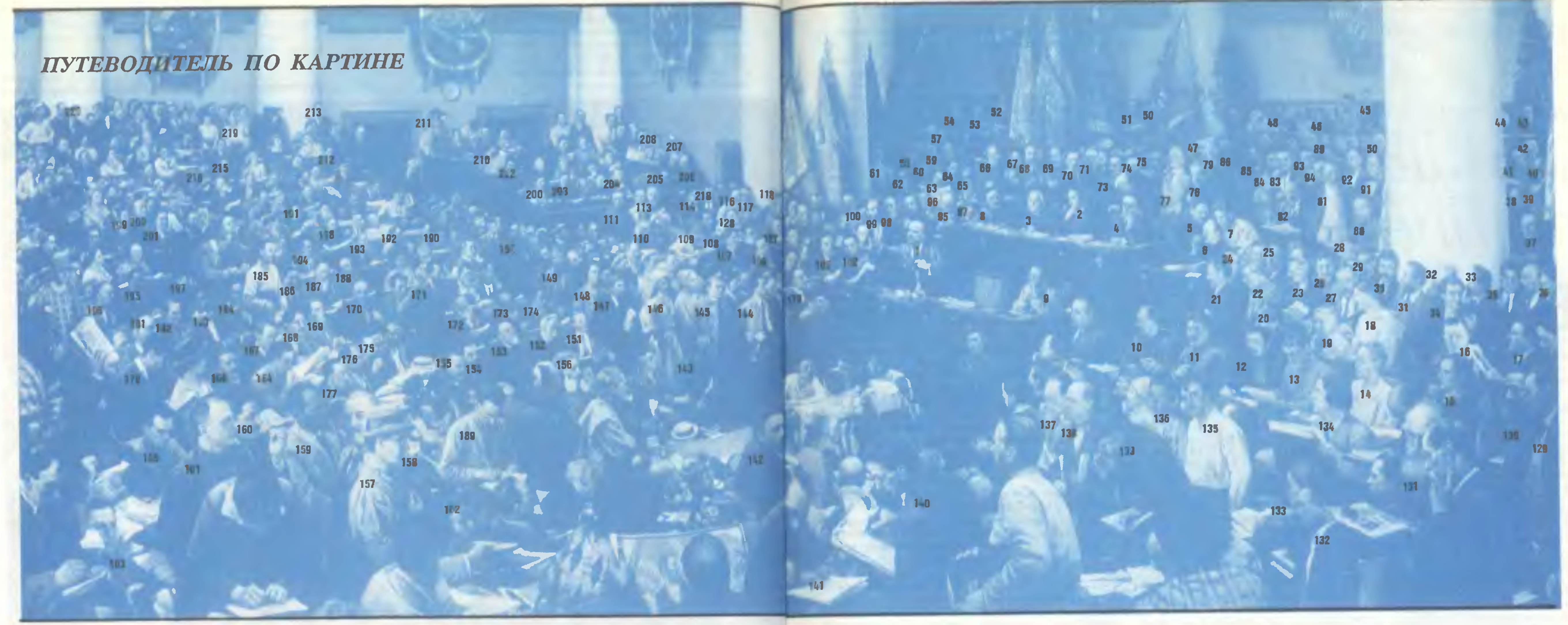
Из Минусинского краеведческого музея наши коллеги прислали интереснейший документ — бланк-заказ на производство многокрасочной репродукции картины Бродского. В 1925—1927 годах он широко распространялся по стране — любой желающий мог заказать издательству Ассоциации художников революционной России репродукцию (размером 100×117 см) и получить ее по почте наложенным платежом. Репродукции печатали в Германии, в Берлинской типографии доктора Зееле. К сожалению, музей не располагает ни одним экземпляром такой репродукции, хотя пер-

вый ее тираж составлял 25 тыс. экземпляров. Возможно, у кого-то из читателей журнала сохранилась репродукция картины? К бланку прилагались небольшая аннотация и, самое главное, краткий путеводитель по картине. В нем названы 225 человек. В основном праавильность наших изысканий подтвердилась. Однако, судя по путеводителю, на картине не оказалось некоторых лиц, чьи зарисовки были сделаны художником. Среди них: П. Леви (Германия), А. Балабанова (Италия), Ланкхерст (Англия), Ан Ен Хак (Китай), Б. Шоу (Англия). Видимо, к тому времени некоторые из них занимали оппортунистические позиции, и авторы-составители путеводителя не решились их назвать.

Сейчас в экспозиции выставки под картиной размещена ее фотокопия, на которой номерами показаны фамилии лиц, изображенных на картине, а в лежащих рядом альбомах можно найти их краткие биографические данные. Впервые тут же демонстрируются документальные кадры о работе I и II Конгрессов Коминтерна.

И. Бродский.
«Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна»

1. Ленин.
2. Зиновьев.
3. К. Цеткин (Германия).
4. Д. Рид (Америка).
5. Троцкий.
6. Бухерин.
7. Калинин.
8. Радек.
9. Росмер (Франция).
10. Луначарский.
11. Сталин.
12. Томский.
13. Гильбо (Франция).
14. Роланд Гольст (Голлендия).
15. Галлахер (Шотландия).
16. Шмераль (Чехословакия).
17. Хвйвуд (Америке).
18. М. Нильсен (Дания).
19. К. Дальмстрем (Швеция).
20. Маклейн (Англия).
21. Кобецкий.
22. Енукидзе.
23. Мархлевский (Польша).
24. Ракоши (Венгрия).
25. Платтен (Швейцария).
26. Залуцкий.
27. Лорио (Франция).
28. Стеклов.
29. Ларин.
30. Угланов.
31. Лозовский.
32. Беллони (Италия).
33. Карахан.
34. Гордон.
35. Катаяма (Япония).
36. Попов (Болгария).
37. Менер (Финляндия).
38. Позерн.
39. Кингисепп (Эстония).
40. Клингер (Поволжск. немец).
41. Быстрянский.
42. Кондратьев.
43. Нахимсон.
44. Костина.
45. Сапронов.
46. Свешников.
47. Амосов.
48. Ярославский.
49. Джугешвили.
50. Ленсмая.
51. Тюшин.
52. Серкиз.
53. Шаров.
54. Мессинг.
55. Ефремов.
56. Бродский.
57. Клявс-Клявин.
58. Невский.
59. Бегге.
60. Крыленко.
61. Коллонтай.
62. Шацкин.
63. Фрунзе.
64. Ворошилов.
65. Буденный.
66. Мельничанский.
67. Равич.
68. Красин (Нарком Внешторга).
69. Лашевич.
70. Рыков (Пред. Сов. Нар. Ком.).
71. Глебов-Авилов.
72. Мицкевич-Капцунас (Латвия).
73. Пятницкий.
74. Саид Галиев (Крым).
75. Аванесов.
76. Коэнен (Германия).
77. Штейнградт (Австрия).
78. Кевлч (Англия).
79. Канатчиков.
80. Каменев (Зам. Пред. Сов. Нарк.).
81. Зорин.
82. Курский (Наркомюст).
83. Молотов (Секр. ЦК РКП(б)).
84. Петровский.
85. Ногин.
86. Семашко (Наркомздрав).
87. Неумов.
88. Рудзутак.
89. Первухин.
90. Москвин.
91. Лефевр (Франция).
92. Бонч-Бруевич.
93. Петерс.
94. Шмидт (Наркомтруд).
95. Грацендея (Италия).
96. Беленький.
97. Серрати (Италия).
98. Ж. Садуль (Франция).
99. Крестинский.
100. Милютин.
101. Комаров (секр. Ленингр. Исполкома).
102. Сафаров.
103. Ионов.
104. Анцелович.
105. Горький (писатель).
106. Шляпников.
107. Евдокимов (зам. пред. Ленингр. Губисполкома).
108. Преображенский.
109. Ф. Кон.
110. Смидович.
111. Мусабеков (Азербайджан).
112. Тер-Гебриэльян (Армения).
113. Покровский.
114. Котляков.
115. Иванов Н.
116. Серебряков Л.
117.
118. Осинский.
119. К. Николеева.
120. Лилине.
121. Макдональд (Канада).
122. Озолин.
123. Крастин.
124. Скрыпник (Украина).
125. Крайнев.
128. Крупская.
127. Бакаев.
128. Амтер (Америка).
129. Шефло (Швеция).
130. Дзержинский.
131. Церцвадзе (Грузия).
132. Дербишев.
133. Ульянова.
134. Бродский И. (Автор картины).
135. Кахиани (Грузия).
136. Пак-Дин-Шунь (Корея).
137. Терачини (Италия).
138. М. Павлович.
139. Бомбачи (Италия).
140.
141. Ципрович.
142. Бела Кун (Венгрия).
143. Таджиев (Туркестан).
144. Недим (Турция).
145. Лобов С.
146. Алиев.
147. Шумский (Украина).
148. Ньюбольд (Англия).
149.
150. Тер-Ваганьян (Армения).
151. Пегельман (Эстония).
152. Стучка (Летвия).
153. Рязанов.
154. Димитров (Болгария).
155. Коларов (Болгария).
156. Рахья (Финляндия).
157. Стасова.
158. Демьян Бедный.
159. Султан-Заде (Персия).
160. Мануильский (Украина).
161. Раковский (Украина).
162. Эмбер-Дроз (Швейцария).
163. Сосновский.
164. Тальгеймер (Германия).
165. Бордига (Италия).
166. Брандлер (Германия).
167. Куусинен (Финляндия).
168. Суварин (Франция).
169. Мюнценберг (Германия).
170. Мансуров (Горск. Республ.).
171. Кебакчиев (Болгария).
172. Цхакая (Грузия).
173. Аккуашвили (Грузия).
174. Пагучи (Япония).
175. Энрие (Франция).
176. Мехерадзе (Грузия).
177. Фрелих (Германия).
178. Вайян-Кутюрье (Франция).
179. Варга (Венгрия).
180. Пагани (Венгрия).
181. Кросьби (Америка).
182. Мейер (Германия).
183. Рой (Индия).
184. Пестанья (Испания).
185. Сокольников (Наркомфин).
186. Милкич (Сербия).
187. Рахья (Финляндия).
188. Рахья (Финляндия).
189. Мерфи (Англия).
190. Баткинс (Англия).
191. Пинтос (Уругвай).
192. Нариманов.
193. Маринг (Голландск. Индия).
194. Кашен (Франция).
195. Шаблин (Германия).
196. Лежава (Грузия).
197. Страссер (Австрия).
198. Барышов.
199. Ядвига.
200. Лемке.
201. Тойво.
202.
203. Кондратьев Т.
204. Пахомов.
205. Лисовский.
206. Иванов М.
207. Алексин.
208. Зеликсон.
209. Куклин.
210. Трилиссер.
211. Семенов.
212. Коршунов.
213. Чугунов.
214. Игнатьев.
215. Юдин.
216. Риксен.
217. Жук.
218. Иванов.
219. Лукашин.
220. Шенберг.
221. Громов.
222. Моисеев.
223. Златковский.
224. Раева.
225. Стоклицкий.
226. Сергеев.
227. Чичерин.
228. Иоффе.
229. Яковченко.

ОТ РЕДАКЦИИ:
История этой картины еще не дописана. На полотне изображено более 500 человек. А названы только 225 *. Мы надеемся, что на помощь им придут посетители музея и читатели журнала, и мы вскоре узнаем всех, кто изображен на картине.

* Сотрудники музея, внима-тельно изучив нумерацию бланк-заказа (1927 г.), не обнаружили в нем №№ 49, 55, 58, 72, 76, 87, 88, 101, 112, 115, 121—125, 180, 209, 214, 217, 221—229, установили повтор № 200.

Сергей АВЕРИНЦЕВ

ВЕЩУНЬЯ, СВИДЕТЕЛЬНИЦА, ПЛАКАЛЬЩИЦА

Было время, когда поэзия Ахматовой могла казаться чем-то вроде изящной и порочной салонной безделушки: можно увлечься, но не стоит принимать всерьез.

«Когда я читаю «Я надела узкую юбку», смеются».

Но уже в 1916 г. О. Мандельштам писал:

«В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиератической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал — после женщины настал черед **жены.** Помните: «Смиренная, одетая убого, но видом величавая жена». Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России».

А в своей лирике он назвал ее Кассандрой — именем вещей дочери троянского царя Приама, пророчествовавшей о будущих испытаниях и никем не услышанной.

«Одним из символов величия России»... Эти слова не случайно сказаны после того, как началась первая мировая война и в канун революции. У Музы Ахматовой теперь были причины соединить свой голос со вдовьим плачем, зазвеневшим по деревням, как сказано в ее стихах об июле 1914 г.

...Есть интонация, которую не спутаешь ни с какой другой. Ее не раз стилизовали, но ее простоты нельзя подделать — она либо есть, либо нет, для нее нужен не только склад поэтики, но и склад души. Она звучит в старинных летописях, в исторических песнях, повествующих о трудных часах истории России. «...И бысть плачь и туга в Руси и по всей земли слышавшим сию беду»,— читаем мы у летописца. И еще: «И бе видети страх и трепет, яко на христьянске роде страх, и колебанье, и беда упространися». И еще, почти в песенном ритме: «От зверей телеса их снедаема, и от множества птиц растерзаема...» Это голос самой что ни на есть древней, самой общей, наиболее первичной реакции на всенародное горе — мне больно, всем больно, и моя боль неотделима от боли других, а потому при всем неистовстве растворена спокойствием эпоса. У Ахматовой так и сказано: «спокойно».

Так не зря мы вместе бедовали,
Даже без надежды раз вздохнуть —
Присягнули — проголосовали
И спокойно продолжали путь.

Не будь Ахматовой, кто еще с такой верностью продолжил бы традицию летописцев и плакальщиц? Тут сила не в свежести мыслей вокруг события, не в остроте необычных слов, вообще не в чем-либо специальном, частном, отдельном, каково, по определению, все «интеллигентское». Лихолетье и есть лихолетье, каким именем его ни зови. Тут никто не стыдится плакать, но в плаче — и мужество, и выдержка, и даже некоторая отработанная осанка, потому что ведь это слезы на миру, как на миру та смерть, которая, по русской пословице, «красна». На миру можно криком кричать, можно выть в голос, но соблюдая ненарушимый внутренний порядок причитания.

Соединение безудержности вопля с отработанностью осанки, ритуал плача на людях, интимный жест с оглядкой на соучастников и свидетелей действа — все это вызывает в современном сознании мысль о театре. Что ж, театральные ассоциации сами шли к ее облику. О. Мандельштам в стихах сравнил ее с великой трагической актрисой прошлого столетия:

Так — негодующая Федра —
Стояла некогда Рашель.

Они идут к ее поэзии. Она сама уподобила поэта беззащитно-открытой фигуре на освещенной сцене:

И рампа торчит под ногами,
Всё мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта холодное пламя
Его заклеймило чело...

И все же, и все же плакальщица в Ахматовой куда глубже, куда сильнее актрисы. Даже Рашели.

Дело, разумеется, вовсе не в том, что на поверхности ахматовской поэзии время от времени появляются внешние приметы оглядки на фольклор: заглавия — «Причитание», «Заклинание», словечки вроде «скоморошина» и прочая. Это у нее почти всегда получается уместно и удачно, но само по себе значило бы немного. У Цветаевой фольклористической подцветки не меньше, а много больше, что не мешает ее творчеству быть в каждом слове чисто «интеллигентским», то есть ориентированным на особое в противовес эпически-всеобщему, на отталкивание от всеобщего как тривиального. Слово «интеллигентский» я употребляю не в похвалу и не в порицание; это не хорошо и не плохо — это иначе. Вот началась война 1914 г.— первое из испытаний «не календарного», «настоящего» двадцатого века. Цветаеву занимает то же, что всегда: ее «я», стоящее против «всех». Если плохая литература до отвращения клянет Германию, то самое время начать с вызовом славить врага: «Германия, мое безумье! Германия — моя любовь!» — классический пример «интеллигентской» реакции. В эту же пору О. Мандельштам отрешенно рассматривает карту Европы и умно размышляет об окончании столетнего цикла — со времен Бонапарта и Меттерниха; Хлебников строит неославянофильский миф — «напор слави единой на немь»... У Ахматовой Германия даже не упоминается; никаких историософских идей, вообще никаких специальных «своих мыслей». Такой ясный и твердый ум, который куда труднее заморочить и сбить с толку, чем умы столь многих знаменитых современников, еще и потому, что он, этот здравый женский ум, не знает мужского соблазна преклонения перед так называемой исторической необходимостью и тому подобными штучками; но вот «свои мысли» не по ее части. Ее дело женское: быть извечной женщиной — грешной Евой, но быть и боярыней Морозовой, твердой в своей вере в час всеобщего отступничества. Быть всем, чем может быть женщина. И «монархиней» («Мама, не королевствуй!» — говорил ей в детстве сын). И «дамой» (ее поэзия осваивала это, не становясь «дамской» поэзией). И «бабой».

Отступление о «бабьем» в Ахматовой: чисто конструктивный уровень ее стихов, характеризующийся, во-первых, смысловым противопоставлением двух ровно поделенных половинок четверостишия («И вовсе я не пророчица...» — «А просто мне петь не хочется...»), во-вторых, игрой на контрастах цитатных формул и разговорнейших оборотов («Задыхалась в смраде и крови, не могла я больше в этом доме...», «...А ничего, живи!»), неспроста напоминает, порой куда как неожиданно, нормальную структуру частушки. Когда ей сообщили частушечный текст:

Дура, дура, дура я,
Дура я проклятая,
У него четыре дуры,
А я дура пятая,—

она, по свидетельству А. Наймана, заявила: «Это я. И это мои стихи».

Ее дело было назвать лихолетье лихолетьем, как в старой летописи. Творить надгробное рыдание, не отделяя себя ни от кого. Еще задолго до лет сталинщины, когда ей пришлось говорить о собственной материнской скорби по трижды арестованному сыну, она в том же тоне, от первого лица, говорила о беде матерей в пору гражданской войны («Для того ль тебя носила я когда-то на руках...»).

Она уже знала, к чему призвана.

ИЮЛЬ 1914

I

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

II

Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне звенит.

Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело Твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах Твоих».
20 июля 1914

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.
Май 1915. Духов день

*

Думали: нищие мы,
нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день
Поминальным днем,—
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.
1915

*

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал —
истратил слишком много.
Неистощима только синева
Небесная и милосердье Бога.
1916

*

Буду черные грядки холить,
Ключевой водой поливать;
Полевые цветы на воле,
Их не надо трогать и рвать.

Пусть их больше,
чем звезд зажженных
В сентябрьских небесах,—

Анна Ахматова. Рисунок В. М<иклвшевского?> из личного альбома поэта, хранящегося в ЦГАЛИ.

Для детей, для бродяг,
для влюбленных
Вырастают цветы на полях.

А мои — для святой Софии
В тот единственный светлый день,
Когда возгласы литургии
Возлетят под дивную сень.

И, как волны приносят на сушу
То, что сами на смерть обрекли,
Принесу покаянную душу
И цветы из Русской земли.
Лето 1916

*

Теперь никто не станет
слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя,
мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.

Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.
1917

*

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене,
ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.

И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим
кромешным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего.
Декабрь 1921

*
Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.

Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.
16 августа 1921

ПРИЧИТАНИЕ

В. А. Щеголевой

Господеви поклонитеся
Во святем дворе Его.
Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.
И, крылом задетый ангельским,
Колокол заговорил
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим — в леса Саровские
Стадо сельское пасти,
Анна — в Кашин, уж не княжити,
Лен колючий теребить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.
24 мая 1922

*
Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара,
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.
Июль 1922

МНОГИМ

Я — голос ваш,
жар вашего дыханья,
Я — отраженье вашего лица.
Напрасных крыл
напрасны трепетанья,—
Ведь всё равно я с вами до конца.

Вот отчего вы любите так жадно
Меня в грехе и в немощи моей,
Вот отчего вы дали неоглядно
Мне лучшего из ваших сыновей.
Вот отчего вы даже не спросили
Меня ни слова никогда о нем
И чадными хвалами задымили
Мой навсегда опустошенный дом.
И говорят — нельзя теснее слиться,
Нельзя непоправимее любить...

Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою
разлучиться,
Так я хочу теперь — забытой быть.
Сентябрь 1922

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА

И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор.
Там шесть приборов
стоят на столе,
И один только пуст прибор.

Это муж мой и я, и друзья мои
Встречаем новый год.
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино как отрава жжет?

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!»

А друг, поглядевши в лицо мое
И вспомнив Бог весть о чем,
Воскликнул: «А я за песни ее,
В которых мы все живем!»

Но третий, не знавший ничего,
Когда он покинул свет,
Мыслям моим в ответ
Промолвил:
«Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет».
1923

*
Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.
Водою пахнет резеда,
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...

И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...
1933

*
И вовсе я не пророчица,
Жизнь моя светла как ручей,
А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей.
1930-е годы

*
За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне свинцовую горошину
Ждать бы от секретаря.
1937

*
Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду — за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.
1940

*
Соседка из жалости —
два квартала,
Старухи, как водится,— до ворот,
А тот, чью руку я держала,
До самой ямы со мной пойдет.
И станет совсем один на свете
Над рыхлой, черной, родной землей
И громко спросит, но не ответит
Ему, как прежде, голос мой.
15 августа 1940

*
Жить — так на воле,
Умирать — так дома.
Волково поле,
Желтая солома.
(День объявления войны)
22 июня 1941

*
Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во всё новое нарядились,
Как в солдатики шли играть.
Ни плохих, ни хороших,
ни средних...
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.
1943

*
Чистый ветер ели колышет,
Чистый снег заметает поля.
Больше вражьего шага не слышит,
Отдыхает моя земля.
Февраль 1945

*
Забудут? — вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла и слепла,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.
21 февраля 1957

*
Запад клеветал и сам же верил,
И роскошно предавал Восток,
Юг мне воздух очень скупо мерил,
Усмехаясь из-за бойких строк.
Но стоял как на коленях клевер,
Влажный месяц пел
в жемчужный рог,
Так мой старый друг,
мой верный Север
Утешал меня, как только мог.
В душной изнывала я истоме,
Задыхалась в смраде и крови,
Не могла я больше в этом доме...
Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты всё узнаешь, кроме
Радости. А ничего, живи».
1964

*
За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила — право, только ваши дети
За меня вас будут проклинать.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

КАК НАС РАЗЪЕДИНЯЛИ

Александр ЛЕБЕДЕВ, нагревальщик металла производственного объединения «Ижорский завод»

Мы много говорим сейчас о всевозможных нарушителях социальной справедливости, но, чтобы быть честными до конца, надо признать, что ими была разработана и продолжает функционировать удивительно жизнестойкая система, включающая в себя свод писаных и неписаных законов. Держалась она зачастую на плечах этаких пылких одобряльщиков и застрельщиков из рабочей среды. За это им отводилось особое место под солнцем.

Многие рабочие не заметили, как ловко их разъединили на основных и вспомогательных, разделили профессии на главные и второстепенные. Одних возвеличивали, а других фактически унижали. С трибун чаще всего выступали герои-шахтеры, герои-металлурги, герои-нефтяники, и не очень давно попали в героический разряд слесари-сборщики.

Кто на уровне предприятия представлял к наградам? Трудовой коллектив? Нет. Его мнением не интересовались. В роли барина и сейчас продолжают выступать так называемые «треугольники», метко названные писателем Иваном Васильевым элитой. Элита прекрасно знает, что хороших людей много, но ей требуются еще и люди «особой чистоты»: некритически настроенные, согласные сутками не покидать свое рабочее место.

В семидесятые годы я встретился с первым таким героем. Скромностью, желанием работать не покладая рук он сразу меня покорил. Но за большим трудолюбием не было творческого начала, напористого характера, личности. Если горел план, этого правофлангового запросто могли принудить расстаться в воскресенье с семьей, отказаться от отпуска. Причем за работу в неурочное время он даже не требовал полагающейся по закону повышенной оплаты труда.

Однажды в конце беседы с ним я спросил: «Вы много лет являетесь членом Президиума ВЦСПС. Приходилось ли вам по своей инициативе выступать, вносить какие-то предложения?»

— Нет,— честно ответил он,— там всегда все написано, а мне давали прочитать.

Местные руководители использовали героя для показухи и доставки в Москву различных писем и ходатайств. Руководители областного уровня брали его в загранпоездки в качестве примера того, что дает простому человеку социализм, приписывали ему ум государственного деятеля. ВЦСПС он тоже устраивал: не крутился под ногами, не лез не в свое дело.

Однажды мне позвонили из газеты «Вечерний Ленинград» и попросили написать зарисовку. Она должна была выйти в один день с Указом о присвоении звания Героя другому ижорцу — сталевару.

— Откровенно говоря,— признались руководители цеха,— по производительности и качеству металла у нас был кандидат лучше, но у него что-то там с женой. А за этого мы спокойны, и пузыри он не пускает.

Несколько лет я наблюдал за развитием этого человека. Героем он среди товарищей не смотрелся, но работал хорошо, особенно не заносился, постепенно освоил ораторское искусство, его начали ставить во главе различных общественных комиссий, конкурсов, словом, он стал уже и лучшим сталеваром, и «лучшим пекарем», и «самым авторитетным критиком» художественных фильмов.

Позже я сам оказался участником зарождения еще одного героя — токаря. Поэтому хочу рассказать о нем подробнее.

В стране тогда широко пропагандировалось развитие бригадной формы организации труда. А у нас в одном из цехов группа высококвалифицированных токарей монополизировала крупные станки по обработке тяжеловесных изделий. Асы работали маленькой специализированной бригадой. На них не распространялся норматив рабочего времени, они делали себе зарплату какую хотели, а переходить на скользящий график не желали. Возраст у них был преклонный, и, думая о будущем, требовалось под любым предлогом подпихнуть к ним молодежь. Управление труда нашло правильный путь — создать на участке крупную комплексную бригаду, работающую по скользящему графику. Идею асы встретили в штыки. Даже токарь, награжденный бесплатным автомобилем, в такую бригаду не хотел. Тут у него как-то быстро разошлись личные и общественные интересы. Но отбивался грамотно: чего вам от нас надо? Роторов? Пожалуйста. Но дайте нам роторные заготовки и избавьте от менее важной номенклатуры. Будущий герой тоже никакого рвения не проявлял. Потом он мне сказал, что ему, члену парткома, неудобно было прилюдно отказываться.

Через несколько месяцев кандидата в герои уже двинули на трибуну. Я знал положение в бригаде. За восемь месяцев заработная плата выросла на шесть, а производительность труда на четыре процента. В докладе же говорилось неслыханное: за короткий срок производительность труда поднялась на 62 процента. Бригадир поведал, что он сам расчетов не делал, доклада не писал и ничего не знает. О фактических достижениях коллектива я сказал одному из заместителей начальника управления труда и заработной платы. Он побежал к генеральному директору, но тот заявил, что все понимают, «но в металле они дают много», поэтому, мол, ничего исправлять не надо.

С грубой припиской будущий герой так и вышел на трибуну собрания партийно-хозяйственного актива агитировать в бригады станочников других...

В 1984—1985 годах за строптивость администрация цеха, в котором я работаю и поныне, решила от меня избавиться. Начальника цеха активнейшим образом поддерживал и партком объединения. По отработанному сценарию в атаку бросили прежде всего «рабочий класс». На собрании вторым попросил слово мой герой. Это было грустное зрелище. Он не торопился говорить. Мне показалось, в нем происходила борьба между его личным мнением и тем, какого от него ожидали. Но колебания продолжались недолго, духовная обездоленность взяла свое, и он просто поддержал «предыдущего товарища».

Исключили меня из партии единогласно.

Но год шел поворотный. После апрельского Пленума ЦК КПСС местные функционеры стали действовать осмотрительнее, менять тактику. В августе январское решение отменили. На этот раз мнения представителей рабочего класса не спросили. И они, долго приучаемые жить чужим умом, молча проглотили горькую пилюлю...

Не может не беспокоить меня сейчас главный вопрос: как долго еще будет скрипеть механизм старой системы за спиной доверчивых и часто политически незрелых представителей рабочего класса? Нам, рабочим, необходимо ежечасно помнить о жизнестойкости такого механизма и остерегаться каких бы то ни было авантюр.

полярный маршрут НРО

РОЖДЕНО ПЕРЕСТРОЙКОЙ

Собачья упряжка и каюр в нартах на фоне северного сияния. Эта эмблема трансконтинентальной экспедиции на ездовых собаках вдоль Северного Ледовитого океана памятна многим с восемьдесят второго года. Группа молодых исследователей-свердловчан прошла тогда по Арктическому побережью десять тысяч километров.

И вот та же эмблема появилась на красивом старинном *особняке* в центре Свердловска. Только к знакомому названию «Полярная экспедиция газеты «*Советская Россия*» добавлены еще слова «научно-реализационное объединение». Зачем же экспедиции понадобилось становиться объединением? Это первый вопрос генеральному директору объединения, почетному полярнику *Сергею* СОЛОВЬЕВУ.

— Наше научно-реализационное объединение (НРО) стало инструментом воплощения тех идей, которые родились в экспедициях по Северу. Мы прошли по многим поселкам и прочувствовали, до чего же обделены у нас и коренные северяне, и те, кто сегодня осваивает суровый край.

А ведь через сибирские и дальневосточные поселки с их убогими жизненными условиями государство пропускает тысячи и тысячи молодых людей, гробя и физическое их здоровье, и нравственное. Ограниченный круг общения, информационный и культурный голод, суженные интересы, балки-бараки и — пьянство, стяжательство, воинствующее равнодушие, апатия. Сейчас по меньшей мере треть всех потерь при освоении Севера связана с тем, что туда приезжают не те люди, которые там нужны.

Процесс осмысления того, как создать для северян нормальные социальные условия, потребовал от коллектива нашей полярной экспедиции создания целой организации на основе сочетания государственной и кооперативной форм собственности. Мы поняли необходимость проектирования и строительства эталонных поселений для северян — «поселков без проблем», необходимость разработки социальной технологии освоения Севера, Сибири и Дальнего Востока. Предложения опробовать наш замысел на своей территории мы получили от местных органов Чукотки, Камчатки, Ямала, Северного Урала, Сахалина, Архангельской области, Горного Алтая.

— Допустим, ваше объединение принимает предложение, поступившее с Ямала. Как вы будете строить поселок?

— Прежде, чем строить, нужно смоделировать жизнь будущих поселенцев. Создание коллектива — это вообще процесс не столько хозяйственный, а во многом общественный, медико-психологический. Загнать в поселок людей одного психологического типа, возраста, темперамента — заведомо отравить им существование, лишить их самого необходимого. Мы делаем отбор по трем комплексам признаков: медико-биологическим, социальным и профессиональным.

Итак, отобрали людей, после чего с их помощью и создается модель по-

Сергей Соловьев:

«Мы шли на собачьих упряжках по побережью Ледовитого океана восемь месяцев. Восемь бесконечных месяцев. В полярную ночь, в пятидесятиградусные морозы, без палаток, спальных мешков. И я подумал: так что же дала нам Великая северная тропа в десять тысяч километров?

Дала уверенность: даже к самым трудным, экстремальным условиям привыкнуть можно. Арктика не только закаляет тело, но и душу очищает. И еще. Я понял, что отныне навсегда свяжу свою жизнь с Севером».

Пока мечта об идеальном жилище для Севера — «поселке без проблем» — воплощена лишь в макете.

Встреча с американскими бизнесменами в Свердловске: первым раундом переговоров довольны обе стороны.

селка. Обычно строительство ведется по нормативам, одинаковым как для жителей благословенного юга, так и для северян. А ведь жизнь на Севере совсем другая. В жилище северян должны быть учтены традиционные привязанности — собирательство, охота, рыбная ловля, разведение скота. И «гардероб» у северянина из-за климата разнообразнее, так что подсобки дополнительные требуются. Баня нужна, без нее здоровье на Севере не сохранишь. На удобное северное жилище и средств нужно больше, а у нас все распределяется усредненно.

Проектируя свои первые поселки, мы не ограничиваемся нормативным уровнем, а узнаем мнение тех, кто давно живет на Севере, опрашиваем экспертов — крупных хозяйственников и ученых. Зная, кто конкретно поедет в поселок, продумываем индивидуально и квартиры для семьи. Ты — радиолюбитель, тебе нужна каморка под рацию, я держу собаку, третий увлечен столярным делом, и каждому даже на одинаковой площади можно найти разные пространственные решения.

— Звучит заманчиво. Насколько же вы за первый год работы научно-реализационного объединения приблизились к «поселку без проблем»?

— Проектируем поселки двух типов, строить которые начнем в будущем году. Один состоит из коттеджей. О втором, модуль которого мы экспонировали на ВДНХ, стоит сказать подробнее. Представьте себе огромное сооружение под стеклянной крышей — так сейчас во многих местах строят спортивно-культурные комплексы. Тут и зал со сценой для художественной самодеятельности, и спортивная площадка, и бассейн. А вместо стен у этого оазиса по всему периметру — 33 двухэтажные квартиры вместе с садиком, кафе, магазином, медпунктом. Предусмотрено кабельное телевидение, компьютер — как инструмент постоянно действующей службы общественного мнения — своеобразный социальный мониторинг. Такой модуль по замыслу его автора архитектора Сергея Ермолаева и руководителя научно-проектного бюро, кандидата искусствоведения и архитектуры Джангара Пюрвеева может стать пионерским лагерем, о чем ведут с нами переговоры руководители Нефтеюганска.

Уже около сорока организаций, вошедших в состав объединения, занимаются вместе с нами одной задачей. Создаются и совместные предприятия. Подписан протокол о создании советско-американского института маркетинга, советско-финское научно-проектное бюро. Мы учредили свой социально-инновационный банк, который, по решению совета акционеров, будет финансировать различные проекты, связанные с развитием Севера, Сибири и Дальнего Востока. Для финансирования крупных акций будут создаваться фонды. Мы уже все подготовили для организации гонок на ездовых собаках на приз полярной экспедиции газеты «Советская Россия». Это будет крупное международное предприятие. Гвоздь программы — сами гонки, а заодно — конкурсы на лучший охотничий трофей, выставка промыслов. Отдача ожидается высокая, деньги вернутся полностью, привлечем туристов.

— Коммерческая работа занимает не последнее место в задачах объединения?..

— Хорошо, что мы ею занимаемся, иначе не было бы возможности заниматься всем остальным, нас ведь никто не кормит и не поит.

— Раньше при вашей экспедиции существовал детский клуб. Вместе со школьниками вы путешествовали по горам Северного Урала, изучали экологическую обстановку на реках, проводили паспортизацию родников... А сейчас бурная хозяйственная деятельность не отодвинула ли заботу о ребятах на второй план?

— Что вы! Детские клубы с нашей эмблемой организованы в нескольких городах. Наши ребята мастерят вездеходы для Севера. Пока экспериментальные. Прошлым летом создали для них школу выживания, обучали ребят в экстремальных условиях. Вскоре — новый курс.

— В названии объединения сохраняется слово «экспедиция»...

— Мы не сможем исследовать Север без экспедиционно-полевых работ. Следующая наша экспедиция, начавшись в 1990 году, продлится полтора года, пройдет через Алтай, Сибирь, Берингию, Тибет...

Север как целостный фактор воздействия на человечество не рассматривается пока никем, тем более в нашей стране, где все разбито на ведомства. Фактически мы — первая организация, которая взялась собрать такой научно-информационный банк материалов.

Беседу вел Дмитрий УСАЧЕВ.
Свердловск

Прошедшей зимой спелеоцентр НРО ПОЛЯРЭКС провел совместную советско-французскую подводную экспедицию в Абхазии. Спелеологи спустились в труднодоступную пещеру Мгишта.

Фото Эдуарда ЖИГАЙЛОВА, Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО и Владимира КИСЕЛЕВА

Николай БОРИСОВ,
кандидат исторических наук

Во вторник, 12 октября 1350 года, в семье брата великого князя Московского Семена Ивановича — 24-летнего Ивана и его жаны, княгини Александры — произошло радостное событие: появился на свет первенец, сын.
Выбор имени для младенца в русских княжеских семьях всегда был делом очень ответственным. Обычно их давали два. Однако вопреки дреаней традиции сын князя Ивана не получил «княжеского», слааянского имени. Он был наречен Дмитрием в честь широко изаестного на Руси сеятого воина Дмитрия Солунского, память которого праздновалась 26 октября (правитель области Солунь Дмитрий был казнен за веру во времена гонений на христиан. Со временем он стал почитаться в Византии как один из самых «влиятельных» святых, защитник не только жителей Солуни, но и всех христиан от притеснений со стороны «ааряаров»).

ВНУК ИВАНА КАЛИТЫ — ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Рисунок Валерия СМИРНОВА

При всем разнообразии лиц и темпераментов каждый из русских княжеских родов XIV века имел какое-то трудноуловимое, но реальное, осознанное современниками своеобразие. Причудливая смесь хитрости и коварства с истовым благочестием стала родовой чертой потомков Даниила Московского (1276—1303).

Преступления, совершенные во имя «дела», князь Иван Данилович пытался искупить ритуальным милосердием. Из висевшей на поясе сумы («калиты») он раздавал щедрую милостыню нищим, за что и получил свое оригинальное прозвище — Иван Калита. Устроив рядом со своим дворцом Спасский монастырь, он и сам стремился уподобиться иноку: постился, строго соблюдал обряды, простаивал долгие часы в придворной молельне.

Украсив Москву россыпью новых каменных и деревянных храмов, устроив в ней достойную резиденцию для главы русской церкви, князь Иван создал и культ первого московского святого — погребенного в Успенском соборе митрополита Петра (1308—1326). Теперь Москва вполне могла претендовать и на роль религиозного центра всей Северо-Восточной Руси. Вероятно, уже при Калите московские книжники выдвинули идею об особом покровительстве их городу со стороны самой Богородицы. Прежде ее любимым городом считался Владимир-на-Клязьме. Там, в посвященном ей Успенском соборе, хранилась «чудотворная» икона Владимирской Богоматери. С упадком Владимира и переносом резиденции великого князя в Москву в 1326—1327 годах именно там для нее был построен белокаменный собор Успения Богоматери.

Духовное наследие Ивана Калиты сохранил и приумножил его сын, великий князь Семен Иванович (1340—1353). И по характеру, и по образу действий он весьма походил на отца. Властный и деспотичный, Семен по праву получил свое прозвище «Гордый». Для нас оно звучит весьма привлекательно, но по христианской морали синонимами гордости служили такие слова, как «дерзость», «наглость», «самонадеянность». «Гордость» Семена порой заводила его слишком далеко, а за самовольный третий брак, воспрещенный церковными канонами, ему грозило отлучение от церкви.

В глазах современников Семен, как и его отец, был великим грешником. На это явно указывали неоднократно испепелявшие всю Москву пожары, страшные знамения в природе и, наконец, «великий мор» начала 50-х годов. Жертвами неизвестной болезни — по-видимому, чумы — стали все члены семьи великого князя, за исключением его третьей жены княгини Марьи. Семен скончался 26 апреля 1353 года. В своем завещании он умолял наследников исполнить его распоряжения и не враждовать друг с другом, «чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла». В последних словах — напоминание о значимости московского дела «собирания Руси». Спустя месяца полтора после кончины Семена умер и его младший брат, Андрей.

25 марта 1354 года на великое княжение Владимирское взошел по воле Орды последний сын Калиты — Иван, прозванный «Красным», то есть «красивым». В это время московский княжеский дом по мужской линии состоял — не считая самого Ивана — из одних лишь малолетних детей: двух сыновей Андрея (Ивана и Владимира) и двух сыновей Ивана (Дмитрия и Ивана). В случае внезапной смерти Ивана московскому делу грозили тяжкие испытания. Быть может, именно сознавая это, тихий и набожный Иван как правитель был очень осторожен. Своей пассивностью в политических вопросах он резко отличался от отца и старшего брата.

Почувствовав слабость правителя, московские бояре принялись люто враждовать друг с другом. Дело дошло до политических убийств и массовых отъездов боярских семей из Москвы. Словно раздавленный непосильным для него бременем власти, Иван Красный поспешил уйти из жизни. Это произошло 13 ноября 1359 года.

Оставшись без отца, князь-отрок Дмитрий обрел себе иных учителей жизни. Главным из них стал митрополит Алексей. Он вложил в сознание Дмитрия ту же мысль, которую два века спустя внушил юному Ивану Грозному его духовный наставник митрополит Макарий,— мысль об особом его предназначении.

Но «горе тебе, земля, когда царь твой отрок». Эти слова библейского мудреца Екклезиаста, должно быть, часто вспоминали в Москве в начале 60-х годов XIV века. Ссылаясь на малолетство Дмитрия Московского, его тезка, 37-летний суздальский князь Дмитрий Константинович, в 1360 году выхлопотал в Орде ярлык на великое княжение Владимирское. 22 июня 1360 года он торжественно въехал в древнюю столицу Залесья. Московским боярам и митрополиту Алексею стоило большого труда вернуть внуку Калиты великокняжеское достоинство. Суздальско-московский спор решался то военными, то дипломатическими средствами. Его напряженность усилилась из-за отсутствия единой власти в Орде, где в конце 50-х годов XIV века началась затяжная династическая смута. Историки подсчитали, что за период с 1357 по 1381 год на престоле Золотой Орды побывало 25 ханов.

Война между двумя Дмитриями завершилась совсем как в сказке: свадебным пиром. Суздальский князь почел за лучшее уступить москвичам великое княжение Владимирское и заключить с ними союз. В знак вечного мира Дмитрий Московский женился на дочери суздальского князя Евдокии. Венчание состоялось в Коломне 18 января 1366 года.

Какие уроки вынес Дмитрий Московский из этой первой в его жизни большой войны? Один из них, несомненно, заключался в том, что сила важнее права. В данном случае право — традиция престолонаследия, возраст, боевые заслуги — все было на стороне суздальского князя, а сила — на стороне москвичей.

Следует заметить, что в ту эпоху понятие «право» было очень туманным, тогда как понятие «сила» — вполне конкретным. «Право» опиралось главным образом на два взаимосвязанных и весьма уважаемых представления — «старина» и «порядок». Издавна существовал порядок, согласно которому старший по возрасту среди князей имел право быть старшим и по положению. Преимущество возраста — один из коренных устоев человеческого общежития — признавалось и в вопросах разделения власти. Другим несомненным правом каждого князя было владение тем или иным «столом», причем в принципе любой мог претендовать и на самый почетный из них — великий владимирский «стол».

Однако как в первом, так и во втором случае нужна была реальная военная сила, способная обеспечить осуществление этого права.

И Дмитрий Московский понял главное — с помощью силы он решил искоренить сам принцип общего для всех князей права — претендовать на высшую власть в Северо-Восточной Руси. Свою идею он поначалу утверждал на практике, попросту не допуская во Владимир князей-соперников. Позднее возвел до правовой нормы, именуя в грамотах великое княжение «вотчиной», как безусловное, наследственное владение московских князей.

Другой урок суздальской войны. Орда не вправе распоряжаться «вотчиной» московских князей — великим княжением Владимирским. Ее власть не вечна. Орде можно повиноваться, а можно и оказывать сопротивление, отстаивая свою «правду» с оружием в руках. Уже истекло целое столетие «насилиа татарскаго». И не настал ли час для избавления? Военная мощь Москвы возросла. Ее зримым воплощением стала возведенная в Москве зимой 1367/68 года белокаменная крепость. Постройка поразила современников не только небывалым размахом работ. В ней было нечто особое, многозначительное. Ни один город Северо-Восточной Руси не имел в ту пору каменных стен. Их возведение было бы воспринято Ордой как вызов. И Москва решилась сделать этот вызов. (Пять лет спустя каменный кремль начал строить у себя в Нижнем Новгороде и князь Дмитрий Константинович.)

Князь Дмитрий Московский сделал первый сознательный шаг по пути, который со временем приведет его на Куликово поле. Именно тогда, во второй половине 60-х годов, произошел какой-то важный сдвиг в самосознании московских руководителей и в первую очередь самого внука Калиты. С чуткостью, свойственной только умному и наблюдательному врагу, этот новый взгляд москвичей на себя и окружающих отметил тверской летописец: «Того же лета (1367 год) на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити в свою волю, а который почал не повиноватися их воле, на тых почали посягати злобою».

Среди обстоятельств, повлиявших на формирование личности князя Дмитрия Московского в 60-е годы, следует отметить и еще одно — эпидемию «моровой язвы», чумы, выкосившую едва ли не половину всего населения Северо-Восточной Руси. «Был мор великий, страшный»,— восклицает летописец, повествуя о событиях 1364 года. По-видимому, именно «черная смерть» унесла мать Дмитрия княгиню Александру и его младшего брата, Ивана. Теперь весь род Даниила сводился лишь к двум отрокам — Дмитрию Московскому и его двоюродному брату Владимиру Серпуховскому. Старший брат Владимира, Иван, умер еще в конце 50-х годов.

И на сей раз «гнев божий» — а именно так воспринимали тогда эпидемии — не коснулся Дмитрия. Несомненно, окружающие и сам он увидели в этом знак судьбы.

Осознавал ли Дмитрий свое призвание или действовал не раздумывая, но постепенно борьба с Ордой становится его главной заботой. Правильно понять значение этой борьбы можно, лишь ответив на коварный в своей наивности вопрос: что такое монголо-татарское иго? Во всей обширной научной литературе по этой теме на него, в сущности, нет убедительного ответа. Такое положение во многом объясняется некоторыми особенностями письменных источников XIII—XV веков. Парадоксально, но факт: русские летописи как бы не знают никакого «ига». А в отношении русских средневековых писателей к Орде — Золотой ее тогда никто не называл — есть нечто загадочное, непонятное. О ней говорят как о чем-то постороннем, чуждом и малоинтересном. Орда подается летописцами как некая «черная дыра», куда время от времени исчезают и откуда потом появляются русские князья, откуда приходят и куда возвращаются грозные «рати». Но что происходит там, на месте, как выглядит Орда, как живет,— все это скрыто стеной молчания летописцев. Нет и самостоятельных литературных произведений на эту тему.

Нашим предкам нельзя отказать в любознательности и стремлении записать новые впечатления. Русскими путешественниками XIII—XV веков подробно описаны Константинополь, страны Центральной Европы и даже далекая Индия. Однако не сохранилось ни одного созданного русским человеком описания Орды. Что это — форма протеста угнетенных или равнодушие к чему-то давно знакомому, почти «своему»? На этот вопрос можно отвечать лишь гадательно...

Эта странная или, лучше сказать, непознанная черта мироощущения русских людей XIII—XV веков дает некоторые основания для самых смелых предположений. В последнее время их высказывают все чаще. Одни считают, что монголо-татарское иго — это миф, созданный историками для оправдания вековой отсталости России; другие развивают идею о добрососедских отношениях между Русью и Ордой. Существует мнение, будто только с помощью татар русские сумели остановить наступление западных и северо-западных соседей — немцев, шведов и литовцев. Благодаря противодействию Орды был положен предел католической экспансии на восток.

Несомненно, в этих построениях больше любви к парадоксам и неприятия «школьной» системы оценок, нежели серьезных аргументов. Однако «слабое место» современной исторической науки найдено точно: понятие «монголо-татарское иго» давно нуждается в конкретизации. В отношении к татарам, конечно, было очень много традиционного, восходящего ко временам борьбы с половцами или печенегами. Военные столкновения не исключали общения, а порой и породнения со степными соседями.

Заметим кстати: все предшественники монголо-татар были для Руси исключительно «внешней опасностью». Печенеги и половцы нападали на южные окраины Руси и лишь изредка прорывались к ее жизненным центрам. Их набеги были скоротечны и, как правило, влекли за собой ответный удар русских князей. В целом они не оказали существенного влияния на социально-экономическое и политическое развитие Руси.

В отличие от других кочевников южнорусских степей монголо-татары создали собственную государственность, причем в военном отношении их государство было несравненно сильнее, чем разрозненные русские княжества. Уже одно это в корне меняло ситуацию. И хотя внешне положение как будто бы и не изменилось — политическое устройство Руси осталось прежним, княжеско-боярским,— но, по существу, возникла уже совершенно иная расстановка сил. Батый и его преемники рассматривали Русь как одну из областей («улусов») своего государства. Сохранив русскую аристократию, они вменили ей в обязанность унизительную роль ордынских «служебников», сборщиков дани. С точки зрения кочевников это был наиболее рациональный способ управления страной, которая в силу своей природы не могла стать пастбищем для их табунов.

Разумеется, потомки Чингисхана, которыми руководили искушенные в заботах власти китайские и хорезмийские советники, понимали, что использование Руси в качестве неиссякаемого источника доходов требует большой осмотрительности. Необходимо внимательно следить за положением в стране, умело сочетать традиционные методы «кнута и пряника». Прошли десятилетия, прежде чем Орда создала эффективную систему военно-политического воздействия на положение дел в «русском улусе», разработала надежный механизм сбора налогов в свою казну.

Эта гибкая, менявшаяся под влиянием обстоятельств система была страшной и вездесущей. Ее силу так или иначе ощущал на себе каждый. И порой со страниц таинственно-молчаливых летописей все же слышны стоны и вздохи. Так, например, сообщая о вокняжении Ивана Калиты, летописец добавляет: «...И бысть оттоле тишина велика на 40 лет и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша и упочинуша христиане от великыя истомы и многыя тягости и от насилия татарскаго».

В начале XIV века в отношениях между Русью и Ордой появился и еще один, принципиально новый, момент. В отличие от печенегов, половцев и самих монголов времен Чингисхана и Батыя, исповедовавших различные формы шаманизма, ордынская знать XIV столетия была преимущественно мусульманской. Столица Орды Сарай во времена хана Узбека (1313—1342 годы) становится вполне мусульманским городом — со множеством мечетей и медресе, с заунывными криками мулл, сзывающих правоверных на молитву.

Как складывались отношения между ордынским исламом и русским православием? И на этот вопрос источники не дают ответа. Вся мусульманская тема словно вырвана из летописей чьей-то властной рукой. Лишь рассказывая о борьбе с Мамаем, источники — «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича», памятники Куликовского цикла — прямо говорят о ее религиозной окраске. В силу того, что эти произведения дошли до нас в относительно поздних списках, некоторые историки считают их христианскую патетику результатом редакторской работы книжников XVI столетия. Между тем вполне естественно связывать ее с духовной атмосферой 70-х годов XIV века. Именно идея «священной войны» могла наполнить конкретным содержанием то смутное ощущение «богоизбранности», которое волновало юного князя Дмитрия Московского.

Впрочем, об этом мечтал тогда не он один. Не забудем, что Русь еще не уплатила «дань» охватившему всю Европу в XII—XIII веках лихорадочному энтузиазму крестовых походов. Но если на Западе война «за веру» имела корыстную, захватническую подоплеку, то на Руси она становилась формой борьбы за освобождение страны от чужеземного владычества.

Можно думать, что жажда подвига в борьбе с «агарянами», как называли тогда восточные, мусульманские народы, была знакома и союзникам Дмитрия — суздальско-нижегородским князьям. Их религиозный энтузиазм поддерживал знаменитый подвижник Дионисий — игумен Вознесенского Печерского монастыря в Нижнем Новгороде.

Однако прежде чем начинать борьбу с Ордой Москва и Нижний Новгород должны были обезопасить себя от удара в спину, приведя к покорности сильнейших русских князей. Это оказалось далеко не простым делом. Попытка москвичей расправиться с молодым и энергичным тверским князем Михаилом Александровичем, заманив его на переговоры, окончилась неудачей. Разъяренный Михаил призвал на помощь литовского великого князя Ольгерда (1345—1377) — своего зятя. Тяжелая война с Литвой завершилась лишь в 1372 году. Но и после заключения московско-литовского мирного договора Михаил Тверской продолжал борьбу. Лишь в сентябре 1375 года, осажденный в своей столице объединенными силами всех князей Северо-Восточной Руси, он признал себя побежденным и поклялся впредь не выступать против Дмитрия Московского. Еще раньше, в 1371 году, москвичи нанесли крупное поражение другому воинственному князю — Олегу Ивановичу Рязанскому. Таким образом были созданы, наконец, благоприятные условия для обращения всех боевых сил Северо-Восточной Руси на юго-восток.

Московско-нижегородский союз вызвал беспокойство фактического правителя Орды могущественного темника Мамая. Желая разрушить союз, он организовал в 1374—1377 годах несколько опустошительных набегов на нижегородские земли. В результате князь Дмитрий Константинович отказался от активной борьбы с «погаными». Так же поступил и Олег Рязанский, владения которого Мамай опустошил осенью 1378 года. Набег Мамая — «возмездие»: рязанские воины участвовали в битве на реке Воже 11 августа 1378 года на стороне москвичей. Возглавляемые Дмитрием Московским полки нанесли поражение вторгшемуся в рязанские пределы ордынскому «царевичу» Бегичу.

Радость победы на Воже была омрачена тревогой. Дмитрий понимал, что теперь неизбежно решающее сражение.

Борьба со степным чудовищем достигла наивысшего напряжения летом 1380 года. В июле стало известно, что Мамай во главе огромного войска двинулся на Москву. По пути он предполагал соединиться с наследником Ольгерда великим князем Литовским Ягайло. Для внука Калиты настало время испытаний.

Когда князь Дмитрий в середине августа, перед самым выступлением навстречу Мамаю, собрал войска и произвел подсчет своих сил,— ему, вероятно, стало не по себе. От участия в походе уклонились сильнейшие русские князья — Михаил Тверской, Дмитрий Нижегородский, Олег Рязанский. Не прислали своих полков Новгород и Смоленск. Судьба войны — а вместе с ней и судьба самого князя — теперь зависела главным образом от численности и стойкости народного ополчения, созванного для борьбы с Мамаем.

Было бы неверным думать, что горожане — и в первую очередь москвичи — единодушно поддерживали политику Дмитрия в отношении Орды.

Москвичи имели свежие примеры пагубных последствий княжеских «игр» с драконом. В 1377 году татары разгромили Нижний Новгород, в 1378-м — рязанские города. Теперь наступил час расплаты и для московской земли. Финалом антиордынской политики князя Дмитрия впоследствии стал погром Москвы Тохтамышем в 1382 году.

Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Донского перед походом против Мамая. Роспись в Троице-Сергиевой лавре.

Князь знал о недовольстве москвичей, понимал его причины. Но стрела была пущена, и никто уже не мог остановить ее полет. Мамай медленно, но неотвратимо приближался к границам Руси, отвергая все дары и предложения о переговорах. И только многотысячное народное ополчение могло стать той силой, которая остановит нашествие «поганых».

Созывая ополченцев, «небывальцев», Дмитрий знал — ему нечего обещать им, кроме верной смерти. О принуждении не могло быть и речи: даже если бы ему удалось силой собрать ополчение и погнать его навстречу Мамаю — ратники попросту разбежались бы с дороги, растаяли в лесах, ушли в иные земли.

Кроме конфликта с Мамаем, который многие москвичи, вероятно, расценивали как губительную прихоть князя, горожане могли припомнить Дмитрию и другие «обиды». Он никогда не жалел их карманов, утеснил их старинную вольность, отнял у москвичей их заступника и ходатая — тысяцкого. Потомок Владимира Святого, он смотрел на этих плотников и кузнецов, кожевников и гончаров с высоты своего боевого седла, из-за спин злобных, как цепные псы, телохранителей.

Городской люд жил совсем иной, непонятной и чуждой для него жизнью. Впрочем, и сам князь был для посадских людей далекой, малоинтересной, хотя и необходимой для общего порядка жизни фигурой. Еще дальше он был от своих «сирот» — крестьян.

И вот теперь князь должен был просить их помощи, их крови...

Но как докричаться до них? Как заставить поверить в благородство своих целей, в то, что в случае неудачи он не предаст их, не бросит на произвол судьбы, огрев нагайкой своего быстроногого коня? И Дмитрий нашел единственно правильное решение. Кто-то, чье слово для простонародья значит больше, чем его собственное, «княжеское» слово, должен был поручиться за него перед Русью, породнить его с могучей силой земли.

Народ всецело доверял одному только Сергию Радонежскому — знаменитому подвижнику, игумену и основателю Троицкого монастыря, расположенного в 65 верстах к северо-востоку от Москвы. Своим милосердием, мудростью и бескорыстием Сергий снискал всеобщую любовь и уважение. К нему и отправился князь Дмитрий с небольшой свитой 17 августа 1380 года.

Дмитрий был до конца откровенен с Сергием и высказал ему свое заветное желание: получить какие-то зримые для всех свидетельства «небесного благословения». В той обстановке они могли стоить нескольких полков.

Радонежский-игумен по многим вопросам расходился с Дмитрием. Порой он открыто осуждал действия князя. Но теперь не время было вспоминать обиды и высказывать упреки — речь шла о судьбе Отечества. Сергий благословил Дмитрия на войну с Мамаем и дал ему необычное, но в высшей степени наглядное свидетельство своего благословения: двух монахов, Александра Пересвета и Андрея Ослябю. Их хорошо знали в Москве, до пострижения оба были славными воеводами в дружине Дмитрия.

Посылая своих иноков на войну, быть может, на смерть, Сергий совершал тяжкое преступление перед церковными законами. Во имя общего блага он рисковал собственным «спасением души». Князь понимал, что это решение Сергия было высшим проявлением самопожертвования во имя ближнего. Три недели спустя, на Куликовом поле, Дмитрий доказал, что и он способен подняться на высоту жертвенного подвига. Его блестящее в военном отношении решение — стать самому в ряды обреченных на гибель воинов Сторожевского полка — в нравственном отношении было достойным ответом на духовный вызов Сергия.

Когда бояре принялись уговаривать Дмитрия поберечь себя и не ездить «напереди битися», он спокойно, почти весело возразил: «Да како аз възглаголю: братиа моа, потягнем вси вкупе с одиного, а сам лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в том быти, но хощу

яко же словом, такоже и делом напереди всех и перед всеми главу свою положити за свою братию и за вся христианы. Да и прочии то видевшие приимут с усърдием дръзновение».

Рассказ о поездке Дмитрия перед битвой в Троицкий монастырь и о миссии Пересвета и Ослябли в полном виде содержится в «Сказании о Мамаевом побоище», древнейшие списки которого датируются первой половиной XVI века.

Куликовская битва стала «звездным часом» Дмитрия Московского. В ней он проявил себя не только как великий полководец, но и как человек яркого личного мужества. Пройдет время, и за эту победу он получит от потомков свое громкое имя — Донской.

Но миг славы быстротечен. «Дела человеческие не долго остаются в одном положении»,— говорил Василий Кесарийский. И если в 70-е годы Дмитрий шел от победы к победе, то в 80-е его ожидали лишь неудачи, унижения, разочарования. В 1382 году князь пережил гибель своей столицы в огне Тохтамышева нашествия; в 1383 году он отправил по требованию хана своего старшего сына, Василия, заложником в Орду; в 1385 году Дмитрий узнал о вероломстве Ягайло, заключившего Кревскую унию вопреки своим обещаниям вступить в брак с дочерью Дмитрия Московского; тогда же князь пережил позор неудачной войны с Олегом Рязанским.

Впрочем, постепенно все утраченное стало возвращаться к Дмитрию. Бежал из ордынского плена и вернулся к отцу сын Василий, подросли новые воины, пополнившие княжескую дружину, поднялась из пепла Москва, смирился мятежный Новгород. Ненавистный «царь» Тохтамыш начал терпеть неудачи в войне с грозным среднеазиатским владыкой Тимуром, и можно было надеяться на его скорое падение...

Поздней весной 1389 года Дмитрий тяжело заболел и после нескольких дней мучений скончался в ночь с 18 на 19 мая.

Пытаясь понять личность Дмитрия Московского, всякий раз хочется воскликнуть вместе с голландским историком Й. Хейзингой: «Не так-то просто выявить сущность натур, принадлежавших столь далекому веку».

Несомненными особенностями характера Дмитрия была пылкая отвага в сочетании с унаследованной от предков несокрушимой настойчивостью. Среди не знавших жалости воителей своего жестокого века он был едва ли не самым милосердным. Впрочем, подобно отцу и деду, Дмитрий был скорее человеком мира, нежели войны. Звон мечей и зрелище залитого кровью поля битвы не доставляли ему особого удовольствия. Примечательно, что сам он лишь изредка, в наиболее важных случаях — главным образом когда речь шла о борьбе с Ордой,— отправлялся в поход. В «домашних» конфликтах он, как правило, ограничивался посылкой кого-либо из своих воевод.

Возможно, какой-нибудь дотошный книжник после кончины Дмитрия произвел нехитрый, но красноречивый подсчет: его прапрадед, Александр Невский, жил 43 года; прадед Даниил — также 43; дед, Иван Калита, немногим более (год его рождения неизвестен, но не ранее 1282 года); отец, Иван Красный,— 33 года. Сам Дмитрий прожил 39 лет.

Остро ощущая быстротечность времени и словно предчувствуя свою раннюю кончину, Дмитрий спешил жить. Это проявлялось не только в его постоянном стремлении к действию. Если верить «Слову о житии великого князя Дмитрия Ивановича» — а это произведение, как показывают последние исследования, написано вскоре после кончины князя и, стало быть, не могло слишком далеко отступать от истины,— внук Ивана Калиты любил роскошь, пиры, веселье. Впрочем, на дне его жизнелюбия таилась грусть. Известно, что на одной из своих личных печатей он приказал вырезать горький афоризм в духе Екклезиаста: «Все ся минет!» — «Все проходит!»

Отец восьми сыновей и четырех дочерей, Дмитрий был счастлив в своей семейной жизни. Княгиня Евдокия была ему хорошей женой, а овдовев, стала верной хранительницей его заветов. Судя по тому вниманию, которое уделяет ей автор «Слова», можно думать, что именно она и была заказчицей этого блестящего панегирика — своего рода литературного памятника куликовскому герою.

Трудно сказать о Дмитрии лучше, чем это удалось автору «Слова». Князь «аки кормчий крепок противу ветром волны минуя... тако смотряше своего царствия. И умножися слава имени его, яко и святого Володимера, и въскипе земля Рускаа в лета княжения его»...

Предельно обостренная честность — вот тот «конек», которого писатель Виктор Астафьев «оседлал» много лет назад и с которого старается не упасть. Норовистый, надо сказать, этот конь. То взбрыкнет, то плетется вровень с неуверенно шагающим временем, то поклажу тащить откажется... Но все зависит от седока. Так что не будь у Астафьева ни одной книги, все одно шли бы к нему всевозможные люди, как идут сейчас — поговорить о житье-бытье, испросить совета и поучения. Такие, как он, может, слова лишнего и не скажут, а правду всегда знают. Свою, незаемную, во многом субъективную, но все-таки правду и ничего, кроме правды. Но и писатель не может дать ответов на все вопросы современности. «Кабы знал их,— улыбается Виктор Петрович,— засадил бы жену, Марью Семеновну, за машинку печатать, а сам нанял бы вертолет да и разбрасывал эти ответы с воздуха надо всем миром: живите, люди добрые, как я сказал!» Таким вот его и любим мы, читатели и почитатели.

Николай КРИВОМАЗОВ

Фото Валерия АРУТЮНОВА

Виктор АСТАФЬЕВ

СЛОВО О ГОГОЛЕ

В каждой великой литературе есть писатель, составляющий в ней свою отдельную великую литературу. В Англии это Шекспир, в Германии — Гете, в Испании — Сервантес, Петрарка и Данте — в Италии.

В русской литературе такая вершина — Николай Васильевич Гоголь.

Говорено, что все мы вышли из гоголевской «Шинели». А «Старосветские помещики»? А «Тарас Бульба»? А «Вечера на хуторе близ Диканьки»? А «Петербургские повести»? А пьесы Гоголя? Из них разве никто не вышел? Да нет такого истинного таланта, который не испытал бы на себе благотворного влияния гоголевской мысли, не омывался бы волшебной, животворящей музыкой его слова, не поражался бы непостижимой фантазии и красоте слога. О, эта вкрадчивая, непринужденная красота Гоголя, всякому глазу и сердцу вроде бы доступная, эта живая жизнь, как бы мимоходом зачерпнутые из бездонного кладезя мудрости и мимоходом же, непринужденно отданные читателю!

«Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские избы, его окружающие, пошатнувшиеся на сторону, осененные вербами, бузиною и грушами. Жизнь их скромных владетелей так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и неспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении...»

Не знаю, кто как, а я нынче читаю эти строки со щемящим чувством в сердце, с сожалением о чем-то навсегда утраченном, чем люди дорожить не умели, и, только придя «ко краю», заболели ностальгией о таком вот тихом, несуетном гоголевском мире, не орущем о счастье своем, не доказывающем на кулаках преимущества тех или иных демократий,— о мире, жившем надеждою и молитвой о братстве и мировой гармонии, достигаемых трудом, а не оружием и злобой, помутивших человеческий разум.

Нелегко после «Старосветских помещиков» вспомнить и согласиться с тем, что Гоголь — разящий и беспощадный сатирик. Это умозаключение как бы уравнивает его с нашими современными, густо возле литературы обретающимися сатириками и юмористами, мелкотравчатыми острословами, выжимающими смех всеми доступными и недоступными средствами из доверчивых читателей, слушателей и телезрителей. Большой, конечно, озорник Николай Васильевич, блистательный балагур, непостижимый выдумщик. Но ирония его и смех его повсюду горьки, однако не надменны. Смеясь, Гоголь страдает. Обличая порок, он прежде всего в себе его обличает, в чем и признавался не единожды.

Великий человек знал никчемность суетной мысли, греховность разрушающего слова, тщету раздора и уязвленного самолюбия. Он потому и велик, что выше лести и хулы, ему и милосердие великое свойственно. Пожалев шумного, настырного, но смертельно больного автора столь же пылкого, сколь и оскорбительного послания, проявив милость к болящему, он порвал бумагу, после обнародования которой мало чего осталось бы от оголтелой демагогии неудачливого романиста и «властителя дум». Гоголь верил в Бога, Белинский — в демократию. Гоголь видел глубину пропасти, разделившей их, и мог соизмерить силы свои. Поборник «передовой мысли» норовил перепрыгнуть пропасть по воздуху, игнорируя опасность и терзающие мыслителя муки от сознания гигантских противоречий, раздирающих мир и душу человеческую. Гоголь был всегда с читателем и остался с ним. Поборник «подлинной демократии» тоже пророс во времени, и его призывы получили наглядное воплощение, да такое, что мир содрогнулся!

Мудро напомнив Белинскому, что «нет двух человек, согласных во мнениях об одном и том же предмете, что опровергает один, то утверждает другой», Гоголь в конце письма увещевает его — как старший брат младшего: «...мы ребенки перед этим веком. Поверьте мне, что и вы и я виноваты равномерно перед ним. И вы и я перешли в излишество. Я, по крайней мере, сознаюсь в этом, но сознаетесь ли вы?.. А покамест помните прежде всего о вашем здоровье... Желаю вам от всего сердца спокойствия душевного...» Это писано 10 августа 1847 года, а буквально через два дня неуспокоенный, хорошо знающий крутость русского характера Гоголь сообщает П. В. Анненкову: «Я получил письмо от Белинского, которое меня огорчило не столько оскорбительными словами, устремленными лично на меня, сколько чувством ожесточенья вообще. Последнее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при нем: отводите от него все возмущающее его дух...»

Письма Гоголя к Белинскому (в особенности неотправленные) печатаются редко, говорится о них вскользь и глухо, тогда как письмо воителя-демократа в наших вузах и школах часто навязывается насильно.

Типичное для нашей современности проработочно-комиссарское письмо. И писано, конечно же, от имени народа и по поручению прогрессивной части общества, чуть ли не по просьбам трудящихся. Письмом этим великий писатель низводится до уровня заблудшего отрока и даже врага народа (термином сим модным впервые был сечен и приговорен к позорному столбу друг и единомышленник Пушкина Чаадаев, теперь вот в ересь впавший гений). «Неистовый Виссарион» обвиняет Гоголя во всех смертных грехах, в том числе и в незнании деревни. Ах, как пригодится этот навет передовым вождям и мыслителям! Последующие поколения преобразователей России ринутся исправлять русский народ, поднимать его на невиданные высоты, строить новую деревню и новое общество безо всяких там «молитв», и так истово начнут учить мужика пахать и сеять, что земля перестанет рожать, деревни опустеют, а народ из них рассеется по городам, где только и способно произрастать «передовым мыслям». Более ничего в камнях и кирпичах рождаться не может, разве что химией взбодренный длинный огурец.

Но Гоголя не затмить, не скомпрометировать, не убить. Он уникален. И не только творениями своими, но и образом жизни, мучительной кончиной, смысл которой современными словоблудами, обретающимися на ниве убогой атеистической пропаганды, давно и бесплодно сбивающей с толку современного читателя, низведен до кончины деревенского дурачка или оперного юродивого, попавшего под воздействие церковных маньяков.

Духовное состояние гения, образ его мыслей и образ его жизни — это жизнь титана, и муки его — титанические. Только мыслитель, подобный Гоголю, сумеет постигнуть всю глубину его страданий и боли и достигнет величайшего счастья, коли сумеет так же постигнуть литературную продукцию «разового» исполнения, но вечного пользования. Сближение чеховских жалких чиновников с гоголевскими — всего лишь сближение, и не более. Единожды сделанное Гоголем художественное открытие в литературе не поддается никаким жанровым классификациям, никакой литературной дисциплине, нормам, исправлению — оно вне времени.

Может быть, Гоголь весь в будущем? И если это будущее возможно, если человечество окончательно не сбесится, то оно прочтет Гоголя. Не знаю когда, но прочтет непременно. Мы же прочесть его при нашей суетности всеобщей, поверхностной грамотности не смогли, мы пользовались подсказками Белинского и его последователей, путающих просветительство с уголовным кодексом.

Для того, чтобы постичь Гоголя, повторяю, надо или родиться Гоголем, или, совершенствуясь духовно, преодолев в себе навязанные стереотипы и мыслительную инерцию, научиться читать и мыслить заново. Мы слишком самоуверенные и от самоуверенности поверхностные читатели, Гоголь же требует читателя зрелого, который бы творил и творился вместе с ним. Он корнями пророс в нашу действительность, ибо гоголевской «материи» свойственно проникать сквозь пространственные наслоения. Будучи написаны более полутора веков назад, его пьесы, повести, рассказы, в первую голову бессмертная поэма его, являются типичными для нашего времени. Карьера Чичикова (одиннадцатая глава «Мертвых душ») чем не карьера современного пройдохи-чиновника?

Весь секрет, видимо, в том, что в основе своей человек, а значит, и его характер (прежде всего, видимо, национальный русский характер) в худших и лучших своих проявлениях, особенно в худших, мало переменчив. Вот почему в далеких гоголевских персонажах мы узнаем себя, обнаруживаем свои пороки и то самое, о чем, качая головой, говаривал творец и провидец: «Ох, уж этот русский характер!», «Ох, уж эта наша русская дурь!»

В подтверждение полной принадлежности художника к современности — две цитаты из его же писем к К. М. Базили и к графу А. Ф. Орлову:

«Время беспутное и сумасшедшее. То и дело, что щупаешь собственную голову, не рехнулся ли сам. Делаются такие вещи, что кружится голова, особенно когда видишь, как законные власти сами стараются себя подорвать и подкапываются под собственный фундамент. Разномыслие и несогласие во всей силе. Соединяются только проповедники разрушения. Где только дело касается создания и устройства, там раздор, нерешительность, опромечивость».

«Если только поможет Бог произвести все так, как желает душа моя, то, может быть, и я ослужу службу земле своей не меньшую той, какую ей служат все благородные и честные люди на других поприщах. Многое нами позабытое, пренебреженное, брошенное следует выставить ярко в живых, говорящих примерах, способных подействовать сильно. О многом существенном и главном следует напомнить человеку вообще и русскому в особенности».

Правда, мы не раз уже, и очень громко, объявляли себя и общество свое самыми лучшими, самыми передовыми, разом переделавшимися, устремленными к какой-то качественно новой жизни. Но отрыв от отеческих корней, искусственное осеменение с помощью химических впрыскиваний, быстрый рост и скачкообразное восхождение «к идеям» могут только приостановить нормальное движение и рост, исказить общество и человека, затормозить логическое развитие жизни. Анархия, разброд в природе и в душе человеческой, и без того мятущейся,— вот что получается, если желаемое принимать за действительность.

Редко кому удавалось возвыситься до понимания Гоголя. Особенно это касается театра, кино, телевидения. Даже вслух прочтенный Гоголь часто искажается, мельчится, превращается в фиглярство, паясничанье, зубоскальство. Многосерийный «художественный» фильм «Мертвые души» получился карикатурным, пустым и унылым оттого, что его постановщики прочли гениальную поэму и поставили фильм применительно к своему, весьма среднему исполнительскому уровню. В дерзости современникам не откажешь, хотя дерзость эта ничем не подкреплена, кроме разве что настырности. А нужно-то духовное и интеллектуальное сближение с миром и личностью художника, может, и равный творческий подвиг и самоотречение.

Любой человек, тем более интерпретатор, тем более исполнитель, берущий в руки книги Гоголя, должен решить для себя, готов ли он к их постижению. Трижды, может, четырежды спросить он себя обязан: а какие у него есть основания, чтоб «поработать с Гоголем», прикоснуться к святым страницам классики?

Многие, многие современники мои начали по-настоящему открывать для себя этого кудесника слова в весьма и весьма почтенном возрасте. И не одни тут все упрощающие и опрощающие пропаганда и школа виноваты. Общее состояние эстетического уровня, может, и здоровья нынешнего человека, живущего с полуизученным умом, перекормленного трухой массовой культуры, мешает тому.

Но добро уже и то, что пусть и в преклонном возрасте пришли к широкому, хотя и не очень еще глубокому постижению гоголевского слова. Однако того закона и того завета, по которым это слово сотворялось, не постигли. Но зато уж когда приблизишься к Гоголю, когда начнешь постигать, хотя бы и частично, безмерную глубину его творений,— истинное это счастье, которое и переживать одному невозможно. Подлинно великий талант, щедрая природа его не терпит ни тесноты, ни уединенного наслаждения. Он поднимает нас к неведомым нам высотам, заставляет еще и еще раз поразиться природе, изредка одаривающей счастьем приобщения к прекрасному. И тогда мы начинаем ликовать, точно дети, пересказывая друг другу прочитанное, ибо переполненное через край сердце жаждет выплеска, сообщения друг с другом и непременного отклика, взаимопонимания и любви.

Я верю, что, развиваясь вместе с гением и с помощью гения, люди — читатели будущего — станут двигаться дальше и выше к духовному усовершенствованию, ибо гений вечно в строю, вечно находится в изнурительном походе к свету и разуму.

И ПОШЛИ МЫ В БИЗНЕС

Вместе с большой группой американских бизнесменов в Москве побывал президент фирмы «Ралекс интернэшнл» из Бостона Александр Руссинов. В экономическом отделе редакции «Правды» с ним состоялась беседа о проблемах и перспективах развития советско-американского делового сотрудничества в области создания совместных предприятий. В частности, речь шла о вкладе, который могли бы внести в это дело русские эмигранты. Итак, американский бизнесмен Александр Руссинов отвечает на вопросы журналиста Александра Никитина.

— *Скажите, пожалуйста, как вы стали бизнесменом?*

— Поскольку основа жизни в США — это бизнес, то занялся им и я. Правда, многие люди, особенно в СССР, считают, что это не специальность, но почти все сходятся на одном: бизнесмену нужна уйма самых разнообразных знаний, чтобы успешно вести любое дело.

— *Вы начали с изучения основ менеджмента?*

— Нет, отнюдь не с этого. Начал работать помощником плотника. Строил дома для других, потом решил построить и для себя своими руками.

— *И построили себе дом?*

— С первого захода не потянул. Пришлось продать недостроенный хороший дом.

— *Значит, сначала были бездомным бизнесменом?*

— Какое-то время. Но когда собрался с силами, купил участок земли и построил дом.

— *Землю надо покупать обязательно?*

— Да. Зато это уже навечно. Можно оставить детям или снова продать. Поэтому ни один клочок земли там не пустует.

— *Но главным стал все-таки бизнес?*

— Да. Для этого я изучал проблемы финансирования, анализировал рынок и рекламу, искал модели управления... Когда вы продаете, то должны знать о товаре и рынке все. Я изучал все, начиная со столовых, магазинов и кончая барами, автоколонками, химчистками. На это ушло у меня два, пожалуй, самых напряженных года.

И вот в апреле 1986 года приехала в Бостон группа советских внешнеторговых представителей на встречу с бизнесменами Новой Англии — так называют в США шесть штатов.

— *А почему на вас обратили внимание?*

— Мы уже прогремели немножко. Моя семья имела свой бизнес. Жена — биолог и врач-косметолог. Сейчас в ее косметическом салоне работает много людей. Словом, нас пригласили как представителей русской эмиграции в Бостоне. Это нас обрадовало. Мы пришли и охотно выступили. Потом послушали, что другие говорят. Оказалось, у американских бизнесменов наметился интерес к Советскому Союзу. Надо сказать, что мы и после того, как уехали из СССР, внимательно следили за тем, что в родных краях происходит, потому что нас это очень интересовало.

— *И как проявился этот ваш интерес на практике?*

— Вопрос вполне логичный. Мы думали над тем, с чего начать. И ответ нашли. Дело в том, что в свое время я, мастер спорта, был в советской олимпийской сборной по легкой атлетике. Поэтому решил прямо из Бостона позвонить в Москву насчет одного спортивного проекта, поскольку теннис стал олимпийской дисциплиной. Предложил оказать помощь в развитии этого вида спорта в Советском Союзе. Получил согласие, и началась работа. Вложили деньги. Земля у нас уже была, причем в десяти милях от замечательного лыжного курорта, где трассы, горы, река и ручей. Решили использовать модульное строительство: создать завод, который изготавливает «коробочки», где все уже готово. Одну к другой приставить — и за несколько часов спорткомплекс готов... А вскоре решили разработать проект такого строительства в Советском Союзе. Создать заводы, производящие модульные домики.

— *Насколько выгодны такие проекты жилых и прочих зданий, в частности деревянных?*

— В Японии дом типа русской избы стоит около 250 тысяч долларов. Они очень выгодны. Ведь на создание лучшего варианта такой избы тратится максимум 75—80 тысяч долларов. Понятно, очень прибыльно за границу не лес продавать, как у вас водится со времен еще дореволюционных, а поставить фабрику где-то в районе Владивостока и дать туда технологию, кстати, очень немудреную. Из готовых 250—400 разных вариантов брусьев можно собирать хорошие дома, не говоря о том, что тысячи таких заводов можно было бы создать и внутри страны, где есть жилищная проблема.

— *Дом в стиле именно крестьянской избы?*

— Нет, необязательно. Я говорю о сотнях разных вариантов. Терем или коттедж? Пожалуйста! Я просто для примера назвал русскую деревянную избу, а она, кстати сказать, везде пользуется исключительным успехом по сравнению с железобетонными клетками.

Уже в первый свой визит мы привезли в Москву 25 разных проектов, включая и такой, как вообще делать бизнес с Советским Союзом.

— *Какова ваша концепция посреднической деятельности?*

— Во-первых, мы исходили из того, что гораздо лучше, чем рожденные в Америке люди, понимаем ситуацию в СССР. Во-вторых, мы совершенно не скрываем тот факт, что по-своему переживаем за перестройку, которая лично мне импонирует. В-третьих, после годичного перерыва, когда мы сюда приезжали в первый раз, мы наглядно убедились в реальных переменах. Радикальные общественные и экономические начинания, которые определились в 1985 году, дали почувствовать и нам, эмигрантам из СССР, свою причастность к переменам, принять их близко к сердцу.

Многие западные компании, которые хотят делать бизнес в Советском Союзе, пытаются делать его на честной основе. Но мы встречались и с фактами, когда некоторые фирмы пользовались неопытностью советского партнера и продавали товар в два-три раза дороже, чем он стоил на самом деле. Чего мы хотим? Прежде всего сделать более доступной объективную информацию, чтобы советские партнеры могли покупать товары за нормальную цену.

— *Это будет с вашей стороны нечто близкое к благотворительности?*

— Нет, мы приехали сюда не ради благотворительности. Но честность и порядочность в отношениях должны быть везде.

Из первой поездки мы привезли в США много писем о намерениях, подписанных советской стороной. Во время этой поездки нам довелось познакомиться с руководством Главного управления здравоохранения Москвы. Мы разработали концепцию сотрудничества, наметили пути развития взаимоотношений. Очевидно, подпишем протокол о намерении создать завод шприцев одноразового пользования. Это крайне необходимо, особенно в связи с мировой эпидемией СПИДа.

— *Чей это будет завод?*

— Это будет совместное предприятие. Причем с использованием сырьевых ресурсов СССР, чтобы была возможность расплатиться за технологию, удовлетворить потребности всей страны. Главное наше направление — производство шприцев и катетеров, аппаратов для переливания крови. И все они — одноразовые. Другое направление — создание завода по резиновым изделиям. Прежде всего это перчатки.

— *Почему именно перчатки?*

— Потому что мировой спрос показал, что все компании в мире способны удовлетворить его лишь на сорок процентов. Сюда же войдут соски, презервативы, другие средства личной профилактики и защиты. Поскольку я врач в прошлом, знаю немножко положение дел в вашей стране, то могу сказать: есть очень большая нужда в специальных медицинских кроватях. Очевидно, мы будем договариваться о создании завода, который бы изготавливал эту и другую медицинскую мебель.

— *Да, у вас много разных направлений деятельности. Но какое же из них главное?*

— Финансовое... Но больше всего нас привлекает интеллектуальный потенциал страны. Поскольку мы сами отсюда, кончали вузы и защищали диссертации вместе с советскими людьми, мы прекрасно знаем, какие чудеса они могут делать. Если, конечно, развязать им руки, разбудить интерес. Ничего больше не надо. У вас есть совершенно уникальные разработки, которые нужны и Западу — разумеется, не бесплатно,— чтобы все страны, если рассматривать мировую экономику как единый процесс, могли подняться на новый уровень и развиваться дальше. Иначе прогресс человечества замедлится, если каждый будет жить интересами только своей деревни.

Перестройка открыла дорогу нашему равноправному партнерству. Мы именно за такие отношения. Люди на заводах, фабриках, в институтах встречают нас, эмигрантов из СССР, со вниманием. Они готовы делать бизнес с нами. «Но мы не знаем,— говорят они,— как к вам отнесутся в некоторых организациях. Нам надо сначала их мнение узнать...» И вот первая деловая встреча — совершенно замечательная, искренняя. Вторая встреча — все расписывается в деталях. Наступает время третьей встречи, и мы видим тех же людей, но их словно подменили. Они прячут глаза...

Надо признать, не все гладко идет и на Западе. Но разница в том, что там «да» или «нет» говорит каждый — сам и сразу. А здесь человек, который понимает, что мы можем вместе сделать полезное дело, не всегда волен делать то, что он считает нужным. То есть сохранились невидимые силы торможения.

— *Чем вы это объясняете?*

— Заскорузлой подозрительностью к эмигрантам. В разговорах с откровенными собеседниками порой проскальзывает такая мысль: «Вот если бы ты сам когда-нибудь встретился с Лениным, а потом бы еще с Хрущевым, Брежневым и... Горбачевым, тогда у тебя проблем было бы меньше!» Наверное. Но не обязательно, на мой взгляд, главе государства встречаться с каждым бизнесменом в отдельности. Почему, скажем, в Китае быстро появились семь тысяч совместных предприятий? Там открыли двери эмигрантам. Людям, которые были в Америке, которые там заработали деньги, чему-то научились. Китайцы приехали назад уже с другими паспортами, но зато со знанием дела, с желанием делать дело.

— *Что сейчас всем нам важно понять? И что нужно вам?*

— Прежде всего, чтобы на нас не смотрели как на пресловутых «диссидентов». Очень часто на нас пока именно так и смотрят. Люди в этой стране — наши близкие, родные. У меня здесь, например, есть сын, есть внучка, куча друзей. Я вижу свое предназначение в том, чтобы помочь им, помогая стране.

— *Позвольте задать последний вопрос. Не окажется ли судьба предлагаемых вами проектов похожей на мыльные пузыри? И что необходимо, чтобы этого не было?*

— Я уверен, что мы с вами, как и тысячи людей в двух наших странах, надеемся на лучший исход, на более весомые плоды партнерства. Первые шаги, сделанные навстречу друг другу, можно считать принципиальными.

В ЦАЛКЕ ГОВОРЯТ ПО-ГРЕЧЕСКИ

Греки живут на Кавказе давно: первые переселенцы из Турции появились еще в XVIII веке. Часть их, кто обосновался здесь,— ромеи, сохранили родной язык. Другие — урумы — говорят на своеобразном диалекте турецкого языка.

Греки принесли с собой традиционные хозяйственные занятия, ремесла, обычаи, многие из которых живы до сих пор. Исследователь быта греков, поселившихся в Грузии, этнограф Н. Г. Волкова отмечает: на Кавказе они продолжали заниматься земледелием и скотоводством, но большинство мужчин в селениях было каменотесами и строителями. Они уходили на сезонные работы в другие районы Грузии, в Россию — на строительство домов, мостов и дорог. Традиция эта сохраняется и сейчас: греческие каменщики работают в Тбилиси, в России и на Украине.

Большинство греков живут в каменных домах с черепичными крышами. Однако старики помнят и другие дома, так называемые земляные. Около половины дома находилось ниже уровня земли, крыша и пол были земляными, посередине строения устраивался открытый очаг, а свет проникал через дымовое отверстие, сделанное в крыше. Только в конце 20-х годов XX века эти дома постепенно сменились каменными.

В прежние времена греки делали деревянную посуду, женщины ткали ковры и плели циновки. Сейчас традиционными ремеслами владеют в немногих семьях. Исчезает из обихода и национальная одежда (мужской костюм из черных брюк, белой рубашки, матерчатого пояса и головного убора «кукула» — повязки из черной ткани — и женский, состоящий из верхнего и нижнего платьев, фартука, широких штанов и головного убора).

Немало своеобразных черт в семейном быту греков начиная со свадьбы: на нее приглашается до полутора сотен человек — родственников и соседей. Во время торжества мужчины и женщины сидят за разными столами.

По-прежнему передаются из поколения в поколение рецепты национальных блюд. В каждом доме есть печь, в которой выпекается пшеничный хлеб на высушенных капустных листьях и сладкий хлеб с мелкими кусочками тыквы. Хозяйки готовят суп из ячменной крупы, картофель со взбитыми яйцами и зеленым луком, солят капусту и огурцы, делают домашнее масло, сметану и овечий сыр.

Несколько раз в году греки собираются на традиционные праздства: айоры, панаиры, зиараты. Приезжают в родное село и те, кто уже много лет живет в городе. В эти дни устраиваются спортивные состязания, веселые игры, исполняются народные песни и танцы.

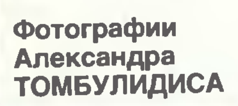

Большинство жителей села Цалки — греки. Здесь жили их деды и прадеды, укрывшиеся когда-то от преследования турецких властей на территории Грузии. Во многом сохранили они и язык и обычаи, освященные многовековыми традициями народа. Конечно, и сюда пришли многие приметы цивилизации конца XX века, но тем не менее по-прежнему неповторимы быт и культура этого народа.

Фотографии
Александра
ТОМБУЛИДИСА

ДИКТАТУРА ИМЕНИ ПРОЛЕТАРИАТА?

Александр АФАНАСЬЕВ, обозреватель «Комсомольской правды»

Конец 60-х. Я учусь в 8-м или 9-м классе. И каждый вечер спорю с отцом, в недавнем прошлом машинистом паровоза с тридцатилетним стажем, орденоносцем, а теперь пенсионером отныдь не союзного значения. Весь разговор — вокруг двух фигур: Сталина и Хрущева. Спорили: кто из них лучше? Теперь бы я посмотрел иначе: кто из них хуже?

Мне было ясно и тогда, за что отец не любил Хрущева (кукуруза, всех коров порезал). Загадку составляло — по какой причине он отдавал предпочтение его предшественнику?

Рубаху из-за принципов на себе не рвал, поклонов перед алтарями той эпохи не бил, в штатные передовики и ораторы не лез — был просто высококвалифицированным рабочим, «вездеходом» (то есть мог вести поезда по любому направлению дороги, что считалось большой редкостью). Ему ли, не «заслужившему» ни дач, ни пайков, ни спецполиклиники, ему ли, из «роскоши» имевшему радиоприемник «Родина» да швейную машинку и хорошо помнившему, что дореволюционный стрелочник (не машинист даже!) мог приобрести корову на зарплату,— ему ли было защищать одного из основателей Административной Системы?

Объяснение этому бескорыстию я вижу одно. Слишком скуден был идейный паек, на котором взращивались целые поколения. Когда жизненное пространство обужено до транспарантной абстракции, когда человеческая природа втиснута, загнана в кубометр «рабочего места», тогда остается одно: смело выбирать, хрен или редька слаще. Мы говорим о раскрестьянивании, а оно выразилось не только в физических репрессиях, но и в последовательном истреблении каких-либо социальных признаков. Если повнимательнее приглядеться, в этом смысле произошло во многих случаях и *разрабочивание.*

Вы никогда не задумывались, почему в эпоху культа объявлялись громогласные кампании против «гнилой» интеллигенции, против «кулацкого» крестьянства — и никогда против «мелкобуржуазного» пролетариата (хотя основную массу рабочих составлял тогда «мелкобуржуазный элемент» — бывшие крестьяне; хотя, без объявлений, и многие пролетарии, в частном порядке, попадали в категорию «враг народа»)? Лишив рабочего социально-политических признаков, отбив охоту у него к сознательной социальной деятельности, расчленив и перемешав **слой** до состояния **массы,** Административная Система не могла пойти на последнее признание: что установлена диктатура, но не пролетариата, а имени Пролетариата. По этой же причине мы ничего почти не знаем о забастовках, начиная с 21-го года, когда, в частности, недовольство рабочих в Москве и Питере убедило В. И. Ленина в необходимости скорейшего введения нэпа.

Ленин умел, как известно, в критический момент становиться выше ортодоксии. В 21-м году им была реализована удачная идея, хорошо усвоенная впоследствии — не у нас, увы, а в других странах. **Пружина социального давления корректирует действия правительства, подвигая его на более реалистичную политику, заземленную не на завтрашнем, а уже на сегодняшнем дне.** Если бы этот опыт был закреплен в социально-политическом механизме, не трудно представить, на какие бы рубежи мы бы сегодня вышли! На тот момент (к сожалению, лишь на тот) институт диктатуры пролетариата принял необычную, но перспективную форму: диктатуры интересов трудящихся над интересами бюрократического аппарата. Или, как мы сейчас говорим, диктат простого человека, потребителя. Или еще глубже: приоритет общечеловеческих ценностей. Значит, не только «орудие разрушения» старого строя, не только «могильщик», но уже и двигатель социально - экономического прогресса?

Да, двигатель, а не таран: по сути, был сделан громадный шаг в осмыслении закономерностей общественного развития. Впрочем, путь прогресса причудлив. Урок пошел впрок, но не нам. Вообще, такое ощущение, что наш послеоктябрьский опыт умные головы во всем мире рассматривали как выгодный эксперимент для себя: отбрасывай тупиковые варианты, осваивай наиболее ценное — ничем не рискуя, никем не жертвуя...

Англия, США, Швеция. Время возникновения в этих странах очень похожих моделей «регулирования экономики» — тридцатые годы. Однако как все эти модели напоминают ленинский нэп, осуществленный на практике впервые в мире десятью годами раньше в России!..

Правда, при всех достоинствах в этой модели был существенный изъян (во многом и предопределивший судьбу нэпа) — балансирование, драматическая двойственность: от ортодоксального «временная уступка» — до воистину реформаторского «всерьез и надолго».

Но неужели в этой двойственности преемники Ленина не распознали грозящую опасность? Неужели не догадались, что эта двойственность, если ее вовремя не преодолеть, расползется во вселенский обман, когда возникнет необходимость самооговорами и клеветой на товарищей «поддерживать» авторитет партии, репутацию Сталина, ставшего «отцом народов» и символом «идеологически девственного» социализма? Когда придется произвести (именно так, это не само собой случилось!) отчуждение трудящегося человека от средств производства и от власти, загнав политические инстинкты в подсознание, когда понадобится «обесточить», отключить от политической жизни целое общество — и все для чего? Для того, чтобы хотя бы извне (желательно и изнутри) не бросалось в глаза разительное расхождение между действительным и должным.

Незаурядность замысла нынешней перестройки, видимо, в том, что впервые после Ленина рядовой человек может вернуться в политические сферы. (Можно сравнить, как Л. И. Брежнев на сентябрьском Пленуме 1965 года, на другой день после реформаторского косыгинского доклада, поставил крест на докладе и обрубил надежды «рядовых» одной фразой: «Экономика — это вопрос большой политики!»). Начинаем мы там, где начинал **заново** Ленин. Включение рабочего человека — через демократизацию, экономическое обновление — в активную политическую жизнь предполагает, что политика теперь не будет твориться «его именем» и по его мифическому «поручению» и что отныне он, сам, получает возможность влиять на дела в государстве.

ПЯТЫЙ СЪЕЗД РСДРП

Он вошел в историю под названием Лондонского. Но съезду, состоявшемуся в столице Великобритании в мае 1907 года, предшествовал ряд событий. Первоначально местом его проведения был выбран Копенгаген. Однако датское правительство накануне открытия заседания отдало приказ в том, чтобы русские социал-демократы немедленно покинули пределы страны под угрозой выдачи царским властям.

Пришлось делегатам срочно садиться на пароход и переправляться в Швецию. Но и здесь разрешения на проведение съезда получить не удалось. Тогда-то и было решено отправиться в Лондон. Делегатам вновь пришлось вернуться в Копенгаген, оттуда поездом они направились в небольшой городок Эйсберг, где и сели на пароход, идущий в Англию. «Не помню, на какой именно станции,— вспоминал позже делегат съезда из Иваново-Вознесенска К. Гандурин,— нас встретили демонстранты. Как только остановился поезд, оркестр заиграл «Интернационал», и перед окнами вагона замелькали красные знамена, послышались приветственные крики. Эти приветственные возгласы, произносимые на чужом языке, мы поняли сразу. Оказалось, что с.-д. городка, мимо которого мы проезжали, получили телеграмму о следовании поезда и явились приветствовать нас.

Дальше, почти на каждой станции, нас встречали демонстранты. Мы не могли не торжествовать: с нами солидаризировались социалисты, протестуя против действий изгонявших нас правительств.

Через окно нам передали пачку газет. Из них мы узнали, что наши приключения сделались притчей во языцех во всей европейской прессе».

Эти воспоминания мы нашли в сборнике **«Из истории нашей партии 1906—1910». Харьков, 1923,** который совсем недавно вышел из спецхрана в открытый фонд Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Увы, подобных книг сохранилось немного, и они представляют несомненный интерес. Речь идет о воспоминаниях непосредственных участников революционных событий, съездов, конференций, подпольных кружков, организаторов нелегальной печати...

Мемуары эти, порой непритязательные по литературному стилю, интересны живыми наблюдениями, характеристиками, а порой и острыми портретными зарисовками людей, сыгравших в нашей истории заметные, а то и выдающиеся роли.

Рекомендуем читателям ознакомиться с этой небольшой книжкой, которая включает в себя семь воспоминаний старейших деятелей партии. Среди них особо следует отметить уже упомянутую нами статью К. Гандурина «О Лондонском съезде Р.С.Д.Р.П.» и чрезвычайно любопытные записки В. Косарева «Первая партийная школа» — о той самой школе на Капри, которой руководили Богданов и Луначарский при содействии Горького. Пожалуй, большинство читателей, кроме нескольких фраз из учебника, мало что знают о деятельности этого необычного учебного заведения, а поэтому знакомство с записками В. Косарева, безусловно, будет полезным.

Обнаружит читатель в сборнике и вещь, вовсе уникальную для мемуарной литературы по истории РСДРП,— сатирическую поэму Ем. Ярославского «Сон большевика». Создано это произведение в тюрьме «Кресты», куда автор попал тотчас после возвращения с Лондонского съезда в Петербург.

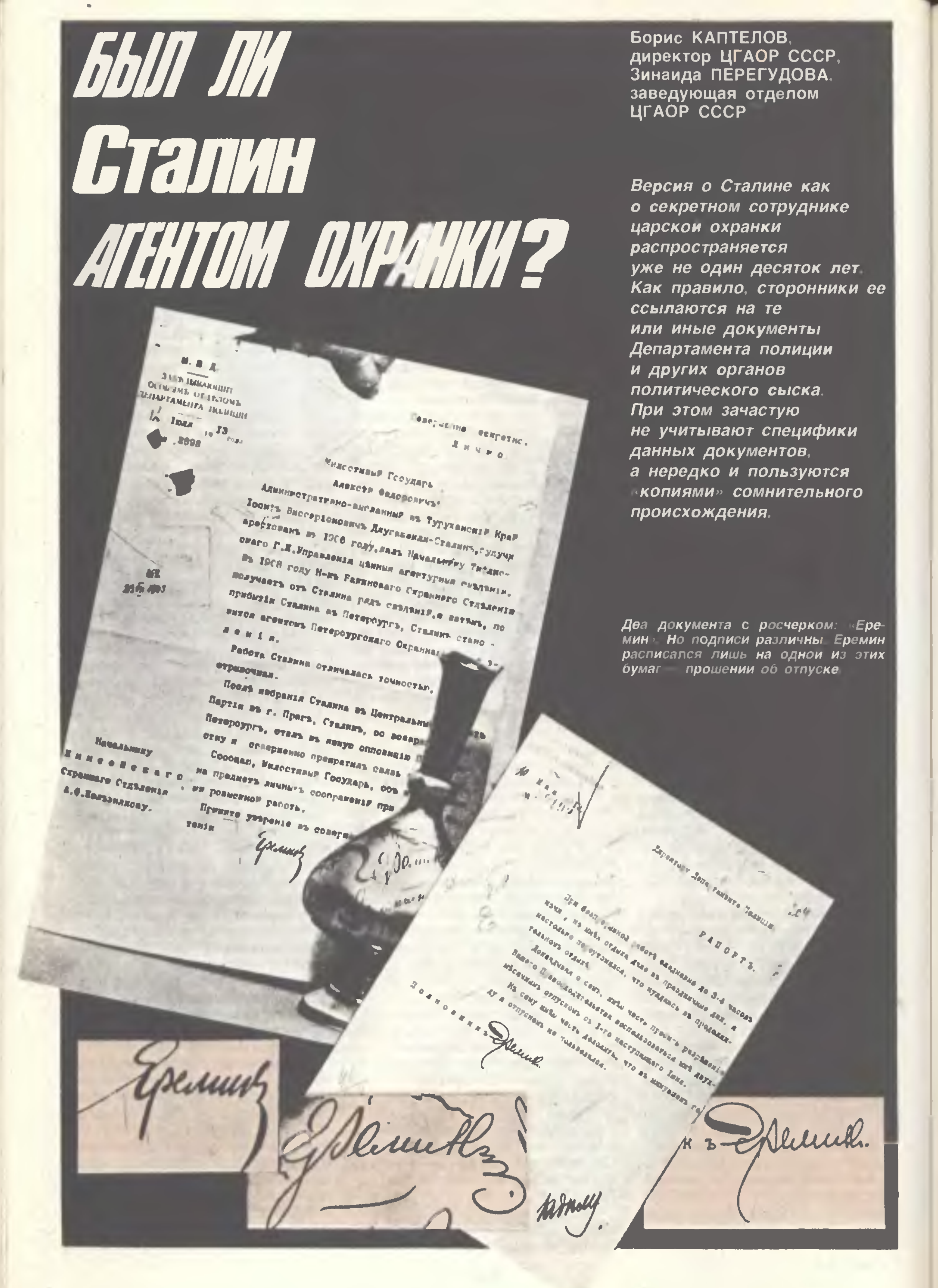
О чисто литературных достоинствах поэмы вряд ли стоит говорить, хотя видно, что автор сочинял ее, находясь под влиянием «Песни о буревестнике». Привлекает же в этом произведении то, что Ярославскому удалось довольно точно передать боевой настрой большевиков — делегатов съезда и дать ряд не очень-то нам известных портретов:

По бортам стоят уныло
Лица, полные печали,
Цвета водоросли блядной:
Мучит их болезнь морская,
И болезнь земная мучит;
Петь не могут смелых песен —
Разучились петь те песни.
И Мартыное тут плешивый:
Видом е роде бегемота,
На него лицом похожий,
Но умом куда богаче!
Мартов,— юркий и проворный,
Нервный, чахлый и задорный,
Истеричный и крикливый,
Брызжет злобною слюною
И хрипит, как в агонии.
Аксельрод уныло бродит,—
Старец хилый, кроткий, ветхий,
Песню слушая, вздыхает,
Разрушенье зрит кумиров.
Ходит, думает прискорбно,
Большевик — народ отпетый!
Что ему старейших голос?!
Глас старейших, лучших, славных?
Что ему сам Жорж Плеханов?
Он свои поет нам песни:
В этих песнях — наша гибель.
Горе, горе вам, геноссе!

Возвращаясь к теме Лондонского съезда, хотелось бы познакомить читателей еще с одной книжкой, точнее брошюрой. Имя автора ее широко известно — Л. Каменев **«Лондонский съезд Р.С.Д.Р.П. 1907».** Выпущена она была в Харькове в 1925 году, но в первой же сноске Каменев дает следующее пояснение: «Статья о Лондонском съезде написана под непосредственным впечатлением съезда, через несколько недель после его окончания — в начале июня 1907 г.— для издававшегося тогда в Петербурге журнала «Вестник Жизни».

Автор также участник Лондонского съезда, но если делегат Иваново-Вознесенска Гандурин уделяет внимание в своих воспоминаниях скорее житейской, психологической и даже приключенческой обстановке, сопровождавшей работу съезда, то брошюра Каменева представляет скорее политический отчет делегата. В довольно полемичной форме он разбирает суть идейных расхождений между большевиками и меньшевиками, довольно подробно анализирует позицию «центра» во главе с Троцким и платформу социал-демократической фракции в Думе. Тут, видимо, стоит особо указать на ряд существенных обстоятельств. Брошюра написана, как уже говорилось, по горячим следам съезда, в самом начале периода реакции, который последовал за первой русской революцией. В это время особо ярко проявилось различие между революционным крылом партии — большевиками и реформистами — меньшевиками. Уже в советское время, когда большевики стали господствующей партией в стране, а меньшевики оказались по ту сторону баррикад и эмигрировали, Каменев снабдил свою старую работу примечаниями. В них он указал значительное количество изданий, посвященных пятому съезду, и попытался проанализировать позиции фракций, приводя в качестве примеров события послесъездовских лет.

«Лондонский съезд,— пишет Каменев,— был последним съездом партии эпохи первой русской революции: следующий съезд собрался только через 10 лет, в 1917 г. Он был также последним, на котором присутствовали меньшевики: меньшевики фактически покинули партию в эпоху контрреволюции и не присутствовали на конференции 1912 года, которую собрали большевики».

БЫЛ ЛИ Сталин АГЕНТОМ ОХРАНКИ?

Борис КАПТЕЛОВ,
директор ЦГАОР СССР,
Зинаида ПЕРЕГУДОВА,
заведующая отделом
ЦГАОР СССР

Версия о Сталине как о секретном сотруднике царской охранки распространяется уже не один десяток лет. Как правило, сторонники ее ссылаются на те или иные документы Департамента полиции и других органов политического сыска. При этом зачастую не учитывают специфики данных документов, а нередко и пользуются «копиями» сомнительного происхождения.

М. В. Д.
Заведывающий Особым Отделом Департамента Полиции
12 Іюля 1913 года
№ 2898

Совершенно секретно.
Лично.

Милостивый Государь
Алексей Федоровичъ!

Административно-высланный въ Туруханскій Край Іосифъ Виссаріоновичъ Джугашвили-Сталинъ, арестованъ въ 1906 году, далъ Начальнику Тифлисскаго Г.Ж.Управленія цѣнныя агентурныя свѣдѣнія.
Въ 1908 году Н-къ Бакинскаго Охраннаго Отдѣленія получаетъ отъ Сталина рядъ свѣдѣній, а затѣмъ, по прибытіи Сталина въ Петербургъ, Сталинъ становится агентомъ Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія.
Работа Сталина отличалась точностью, ... отрывочная.
Послѣ избранія Сталина въ Центральный ... Партіи въ г. Прагѣ, Сталинъ, по возвращеніи въ Петербургъ, сталъ въ явную оппозицію ... сту и совершенно прекратилъ связь ...
Сообщая, Милостивый Государь, объ ... на предметъ личныхъ соображеній при розыскной работѣ.
Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи
Еремин

Начальнику Енисейскаго Охраннаго Отдѣленія А.Ф.Железнякову.

РАПОРТЪ.

Два документа с росчерком: «Еремин». Но подписи различны. Еремин расписался лишь на одной из этих бумаг — прошении об отпуске.

В архиеах жандармских учреждений скопилось довольно большое количество документов, характеризующих участие Сталина в революционном движении, и надо прямо сказать, что при беглом знакомстве с некоторыми из них у неискушенного читателя могут возникнуть вопросы о характере отношений Сталина с секретными службами. В качестве примера сошлемся на несколько документов, присланных в Департамент полиции и хранящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР).

Первый из этих документов — донесение начальника Московского охранного отделения Мартынова от 1 ноября 1912 г. за № 306442 на имя директора Департамента полиции Белецкого. В этом довольно пространном документе, в частности, говорится:

«В последних числах минувшего октября месяца сего года, через гор. Москву проезжвл и вошел в связь с секретным сотрудником вверенного мне Отделения «Портным», кооптированный в ленинский Ц.К. Российской социал-демократической рабочей партии еще на Прежской конференции, кр. Тифлисской губернии Иосиф Виссарионов ДЖУГАШВИЛИ, носящий пвртийный псевдоним «Коба».

Поименовенный И. ДЖУГАШВИЛИ, наблюдавшийся в апреле месяце сего года по г. Москве, переданный отсюда наружному неблюдению С.-Петербургского охранного отделения и в г. С.-Петербурге 22 того же апреля арестованный, по его рвсскезам, успел в настоящее время бежать из месте административной высылки (отделенная местность восточной Сибири), побыввл зе границей у «Ленина» и теперь возвращается в г. С.-Петербург, где он успел до поездки зе границу прорвботать при редакции газеты «Правде» около полутора месяцев.

Твк как поименовенный «Коба» оствввлся в Москве лишь одни сутки, обменялся с секретной агентурой сведениями о последних событиях пвртийной жизни и вслед за сим уехал в г. С.-Петербург, то наружным неблюдением он, ео избежении провалв сотрудника не сопровождался и о его отъезде начальнику С.-Петербургского охранного отделения было сообщено тотчес же телефонограммой и дополнительной к таковой шифрованной депешей, в копии при сем представляемой...

...В конфиденциальном разговоре с поименованным выше секретным сотрудником «Коба» сообщил сведения о деятельности Российской социал-демокретической рабочей партии...»

Приписка Московского охранного отделения:

«...Предстевляемый при сем агентурный мвтериал никому мною не сообщался во избежение возможности заминки или провала агентурного источникв, почему ходатайствую пред Вашим Прееосходительством об использовании твкового по частям без ссылок и указаний не вверенное мне Отделение...» (Центрвльный государственный врхив Октябрьской рееолюции. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5 пр. 3 Л. 43 и 45).

Одновременно с этим донесением из Москвы в адрес Петербургского охранного отделения была послана телеграмма о том, что «Коба Джугашвили» отправился в Питер, и просьба **«задержвть не сразу, лучше перед отъездом за границу...» (ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5 пр. 3. Л. 46 а).**

У лиц, малознакомых с терминологией жандармских документов, такие выражения, как «вошел в связь с секретным сотрудником», «обменялся с секретным сотрудником сведениями» — могут создать впечатление о той или иной степени причастности Джугашвили к выдаче партийной информации секретной службе. Однако если читать эти документы достаточно внимательно, становится ясным, что Джугашвили выступал здесь лишь в качестве источника агентурных сведений. И сам факт слежки за ним, планое его ареста говорит о том, что он не мог быть секретным сотрудником.

Естественно, возникает вопрос, почему Джугашеили в разговоре с «Портным» был столь откровенен и поделился с ним очень важными для охранки сведениями. Не снабжал ли он секретного сотрудника по договоренности информацией? Такой вопрос, с нашей точки зрения, снимается уже тем, что под кличкой «Портной» скрывался разоблаченный лозже один из крупнейших провокаторов и член ЦК Малиновский, который пользовался в тот период большим доверием ЦК и лично неоднократно выполнял поручения Ленина, центра, и поэтому передача ему сведений скорее всего определялась интересами партии. О двурушничестве Малиновского в то время никто не подозревал.

Сохранились письма Джугашвили из ссылки, перехваченные начальником Енисейского ГЖУ, в них — жалобы на тяжелое материальное положение и просьба о высылке денег. Оба письма — одно в адрес Государственной думы, другое в книгоиздательство «Просвещение» — были изъяты из почты и 4 января 1914 г. перлюстрированы. Направляя копии этих писем в Департамент полиции (пронумеровав за №№ 598 и 579), начальник Енисейского ГЖУ сопровождает каждое из них письмом. Именно они вызывают недоумение исследователей, поэтому одно из них считаем целесообразным привести полностью:

«Совершенно секретно. Лично. Представляя при сем агентурные сведения за № 579, имею честь донести Вашему Превосходительству, что ввтором таковых является гласно-поднадзорный Турухвнского Края Иосиф Виссарионое Джугвшвили.

Упоминвемый в документе «Соколов» может быть окончивший срок гласного надзора в Туруханском Крае Николай Николвев Соколов.

Адресвт же документа неизвестен.

В Томск и С.-Петербург сообщено за № 10, 11.

Полковник Байков» (ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. 1914. Д. 5 ч. 25. Л. Б. Л. 3.).

Как видим, Байков в своих донесениях называет письма Джугашвили «агентурными сведениями». В этом ничего нет странного, ибо такова была практика работы. Слово «агентурный» в подобных случаях употреблялось для обозначения способа получения информации агентурным, нелегальным путем, с применением перлюстрации, проводившейся в нарушение существовавшего законодательства.

Слухи о причастности Сталина к провокации возникли давно, еще в 1910 г. Поводом к ним послужили провалы Бакинской организации РСДРП, которые всегда порождали в организации взаимные подозрения, недоверие её членое друг к другу. Причем подозревался не только Сталин, но и другие члены организации. Об этом мы узнаем из донесений секретных сотрудников, освещавших деятельность местного комитета. В 1909—1914 гг. в Бакинском охранном отделении и ГЖУ работало более 10 секретных сотрудников, они давали сведения по социал-демократическому движению и были достаточно информированы.

В фондах архива сохранился перечень кличек этих секретных агентов. Под кличкой «Слесарь» работал Серегин Г. В., «Октябрьский» — Дорофеев И. М., под кличками «Никитин» и «Доброволец» давал сведения Семенютенко В. М., под именем «Ловкий» и «Адамович» действовал Мачарадзе П. И., «Фабричный» и «Быстрый» — Москаленко А. К. Довольно щедро оплачивалась работа секретного сотрудника Саркисянца И. М.— в документах он проходит как «Банк» и «Дорогой» (он получал 125 рублей в месяц). Одним из активных деятелей Бакинского охранного отделения был в то время «Фикус» — Ериков Николай Степанович, проживаеший по паспорту Бакрадзе Давида Виссарионовича.

Из донесений «Фикуса»:

«4 января 1910 г. было собрание Балвханского районного комитетв, на котором выбрали членов комитета Платонв Мачарадзе (секр. сотр.— **Примеч. авторов) и поручили ему ведение егитации за всеобщую забастовку в Ромнах, Сабунчах и Забрате. Мечарадзе получил от комитете 20 рублей и приступил к рвботе... Дорофеев — кассир Балаханского рвйона, живет в Балаханах...»**

Феврель 1913 г.

«1 февраля в Балеханах состоялось собрание, на какоеом были произведены выборы членов в районный комитет, вместо временных. Выбрвнными оказались Грачев, Дроздов, Г. Талеквадзе, Бвкрадзе (он же «Фикус».— **Прим. авт.)».**

В связи с арестами членов организации **«Балаханский комитет поручил Бакредзе выяснить, кто действительно является виновником арестов...»**, а через несколько дней ему поручили **«выяснение личности «провоквтора», так как он имеет больше свободного времени»**.

Бакрадзе («Фикусу») доверяли в организации. Так, сотрудник «Слесарь» сообщал 24 марта 1913 г. о составе Балаханского районного комитета, в который входил Бакрадзе:

«Деятельность комитет никакой не проявляет. За исключением Бакрадзе, имеющего в партии большое значение...» (ЦГАОР СССР. Ф.102. 00. 1910. Д. 5 ч. 6. л.Б. Л.9 об.; Л.11 об.; Л.13 об.; Л.31 об.; Л.33 об.).

Возвращаясь к 1910 г., отмечаем, что положение в Бакинской организации действительно было достаточно сложное. Взаимоотношения С. Шаумяна и И. Джугашвили находились е центре внимания членов комитета, в донесениях имеется указание, что недоразумения между ними возникли на «личной почве». Источником донесения были разговоры, споры и прочие сведения, почерпнутые в организации. В одном из таких сообщений читаем: **«16 марта состоялось заседание Бакинского комитета, нв котором рассматривалось ряд вопросов...»** — о партийной школе, типографии, 1 мая и, в частности, о провокаторах. А потом довольно спорная фраза: **«Между членвми Бакинского комитета Кузьмою** (Шаумян.— **Авт.) и Кобою на личной почве явилось обеинение друг друга в провокаторстее. Имеется в еиду суждение о бывших провокврорах.., в в отношении новых**

провокаторов решено предавать их смерти» (ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5 ч. 6 Л.Б. Л. 11 об.).

Из донесения «Фикуса» за март 1910 г.:

«В Бакинском комитете все еще работа не может наладиться. Вышло осложнение с «Кузьмой». Он за что-то обиделся на некоторых членов комитета и заявил, что оставляет организацию. Между тем присланные Центральным комитетом 150 рублей на постановку большой техники, все еще бездействующей, находятся у него, и он пока отказывается их выдать. «Коба» несколько раз просил его об этом, но он упорно отказывается, очевидно, выражая «Кобе» недоверие». (Там же. Л. 26 об.)

Именно на основе этого сообщения пошли слухи о том, что Шаумян не доверял Сталину и якобы считал его провокатором. Такого рода донесения создавали версии о провокаторстве.

Конечно, мимо обвинений такого рода не может пройти ни один серьезный исследователь, тем более что исходили они от такого видного деятеля, как С. Шаумян. Однако вот какой документ вышел из Бакинского ГЖУ спустя десять дней после сообщения «Фикуса»:

«Упоминаемый в месячных отчетах (представленных мною от 11-го августа минувшего года за № 2661 и от 6 сего марта за № 1014) под кличкой «Молочный», известный в организации под кличкой «Коба» — член Бакинского комитета РСДРП, являешийся самым деятельным партийным работником, занявшим руководящую роль, принадлежавшую ранее Прокофию ДЖАПАРИДЗЕ (арестован 11 октября минувшего года — донесение мое от 16-го октября за № 3302), задержан, по моему распоряжению, чинами наружного наблюдения 23 сего марта.

К необходимости задержания «Молочного» побуждала совершенная невозможность дальнейшего за ним наблюдения, так как все филеры стали ему известны и даже назначаемые вновь, приезжие из Тифлиса, немедленно проваливались, причем «Молочный», успевая каждый раз обменуть наблюдение, указывал на него и встречавшимся с ним товарищам, чем, конечно, уже явно вредил делу» (24 марта 1910 г., из донесения начальника Бакинского ГЖУ ротмистра Мартынова. ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5 ч. 6 Л.Б. Л. 16).

Как видим, даже такой опытный революционер, как Шаумян, в сложных условиях не был застрахован от ошибочных суждений по отношению к своим товарищам.

СЕНСАЦИИ НЕ БУДЕТ

Недавно в газете «Московская правда» (31 марта 1989 г., № 76) была опубликована статья докторов исторических наук Г. А. Арутюнова и Ф. Д. Волкова «Перед судом истории». В ней есть такие строки: «В 1961 году один из авторов этой статьи — профессор Г. Арутюнов, работая в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, нашел документ, подтверждающий, что Иосиф Джугашвили (Сталин) был агентом царской охранки.

Подлинник этого документа хранится в ЦГАОР (Москва, Большая Пироговская, 17) в фонде Департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления».

Именно этот документ чаще всего фигурирует в качестве доказательства связи Сталина с охранкой. У нас нет оригинала, поэтому мы считаем необходимым поместить здесь ксерокопию документа, опубликованного в американском журнале «Лайф» (там он и появился впервые 14 мая 1956 г., а потом неоднократно воспроизводился в западных изданиях). Владелец так называемого письма Еремина — ученый-советолог И. Левин, автор биографии Сталина, вышедшей в 1931 г., сообщил, что данное «письмо» он получил в 1947 г. от трех лиц «безупречной репутации»: Вадима Макарова — сына известного русского адмирала, Бориса Бахметьева — бывшего русского посла в США при правительстве Керенского, Бориса Сергеевского — пионера русской авиации. Им же его передал М. П. Головачев — русский эмигрант, проживавший в то время в Китае, а тот, в свою очередь, получил его от полковника Руссиянова, офицера, охранявшего до побега в Китай «сибирские документы охранки». «Сообщение о путешествии письма показалось мне убедительным»,— добавляет И. Левин. Он приводит ряд доказательств подлинности письма, исследуя бумагу, шрифт машинки, подпись. Однако не располагая письменным автографом Еремина, принимает за источник выгравированную факсимильную надпись Еремина на подарочном серебряном кувшинчике, который представил Левину бывший жандармский генерал А. И. Спиридович. Графическая экспертиза не была проведена. Но так как вроде бы документ был на бумажной основе и «не фотокопия», как пишет Левин, то он решил, что это письмо подлинное. Откуда оно? Публикатор стоял на правильном пути, считая, что если это письмо было подлинное, то оно пришло из Сибири и могло храниться в тех архивах, куда было послано. Если существовал подлинник, то в архиве Департамента полиции, чьи фонды хранятся в ЦГАОР СССР, должна остаться копия отправленного документа. Все попытки обнаружить такого рода копию оказались безуспешными. И это, конечно, не случайно.

Попытаемся проанализировать это «письмо», обратив внимание на его реквизиты, содержание, подпись, т. е. на все то, что должно представить основу экспертной оценки документа такого рода. При внимательном рассмотрении встает масса вопросов.

Письмо направлено начальнику Енисейского охранного отделения Алексею Федоровичу Железнякову. В одном этом обращении содержится сразу три ошибки, которые не мог допустить такой ас политического сыска, как полковник Еремин, якобы подписавший этот документ.

В статье Г. Арутюнова и Ф. Волкова «Перед судом истории» говорится, что подлинник хранится в фонде Департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления.

Такого архивного фонда в ЦГАОР СССР никогда не было и нет. Как же искать вышеуказанное письмо в несуществующем и несуществовавшем архивном фонде?

Просмотрены и изучены архивные дела фонда Департамента полиции Министерства внутренних дел и, в частности, Особого отдела Департамента полиции, который возглавлял полковник Еремин. Все дела фонда Особого отдела оформлены по существовавшим тогда правилам: нумерация всех находящихся в делах листов произведена в то время; имеется заверительная надпись в конце дела. Каких-либо изъятий листов в делах не обнаружено.

В 1913 г. Енисейского охранного отделения не существовало, был Енисейский розыскной пункт, и его заведующий имел статус помощника начальника Енисейского губернского жандармского управления.

Заведующим Енисейским розыскным пунктом был действительно ротмистр Железняков, но не Алексей Федорович, как указывается в документе, а Владимир Федорович. Встает вопрос: может быть, в Штабе Отдельного Корпуса жандармов значилось несколько Железняковых? Нет. По имеющимся справочникам убеждаемся, что в 1913 г. там служил лишь Железняков Владимир Федорович, 1661 г. рождения, ротмистр, прикомандированный к Енисейскому губернскому жандармскому управлению в октябре 1911 г.

И, наконец, обращает на себя внимание угловой штамп документа. Он существенно отличается от типографски выполненного штампа. Вместо «Заведующий Особым отделом Департамента полиции» — «МВД. Заведывающий Особым отделом Департамента полиции». В просмотренных нами материалах Особого отдела Департамента полиции за 1906—1913 гг. мы не встретили ни одного штампа, который был бы идентичен приводимому ни по расположению строк, ни по шрифту. Как правило, первая строка «М.В.Д.» ставилась только на полном бланке Особого отдела, в том случае, если между Особым отделом и МВД стояло название учреждения — Департамент полиции, и документы с таким бланком отправлялись за пределы Департамента полиции. Бланком же «заведующего Особым отделом» пользовались, как правило, для внутренней переписки: между структурами Департамента полиции на имя директора, вице-директора. Стоит уточнить еще одну деталь этого штампа. Со второй половины 1910 г. и до конца существования Департамента полиции бланки со словами «заведывающий» не употреблялись. Для Особого отдела были заказаны новые бланки, где в штампе слово «заведывающий» было заменено на «заведующий».

Недоумение вызывает и штамп входящей документации. В этот период во всех жандармских учреждениях подобные штампы проставлялись с зафиксированной на каждый день датой и только сам номер заполнялся от руки.

Заканчивая рассказ об оформлении документа, необходимо сказать, что данное «письмо» послано в учреждение с пометкой «лично». Это свидетельствовало не о каких-то личных отношениях, но указывало на серьезность документа, и распечатать его должен был не «чиновник для письма», а лично Железняков. Потому в переписке такого рода указывалась не только должность, но и чин адресата. Кстати, эти моменты отсутствуют и в подписи. Вероятно, писавший не был уверен или не знал, в каких чинах находились упоминаемые им лица.

Обратим внимание на номер исходящего документа (№ 2896 от 12 июля 1913 г.), который якобы поставил Департамент полиции, отсылая это предписание.

Стоит отметить, что в этом ведомстве довольно четко велось делопроизводство.

Согласно распоряжению директора, в Департаменте действовала Инструкция по ведению делопроизводства, в соответствии с которой каждой структуре Департамента давался свой веер исходящих номеров. В упоминаемой инструкции говорилось:

«В каждой отдельной части Департамента исходящие бумаги имеют особую нумерацию:

В Секретарской Части	с 1	по 1000
— 1 Делопроизводстве	—1001	—10000
— 2 —	—10001	—24000
— 3 —	—24001	—46000
— 4 —	—46001	—52000
— 5 —	—52001	—67000
— 6 —	—67001	—82000
— 7 —	—82001	—87000
— 6 —	—87001	—93000
— Особом отделе	—93001	—

(ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 302. Д. 708. Л. 25).

Так Особый отдел получил для секретной корреспонденции номера начиная с № 93001 и далее; для совершенно секретной документации — с № 111001 и далее. Таким образом, из Особого отдела не мог выйти документ с приведенным выше исходящим номером — «2998».

Что же означает указанный номер, существует ли такой исходящий в Департаменте полиции?! Почти все журналы входящей и исходящей корреспонденции сохранились. Поэтому не представляет большого труда выяснить даже содержание документа, если мы располагаем датой и номером исходящей корреспонденции.

Этот номер есть, но проходит по отделу 1 делопроизводства. Документ с таким номером вышел из Департамента не 12 июля, а 16 марта. Вот его краткое содержание.

«Письмо Управл. Екатеринослав. губ. Н. А. Татищеву, сообщение по поводу дерзкой выходки трех неизвестных злоумышленников по отношению к стоящему на посту возле силовой станции городского водопровода городовому». (Из журнала исходящих бумаг ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 273. Д. 356. Л. 126.)

Вернемся теперь к самому тексту. Согласно правилам дореволюционного правописания, в материалах Департамента вместо отчества — Петрович, Васильевич, Виссарионович — указывается Иван Иванов, Михаил Петров, Иосиф Виссарионов. В так называемом письме Еремина читаем: «Иосиф Виссарионович».

Вызывает сомнение и арест Джугашвили в 1906 г. В журнале «Лайф» (от 14.05.56) утверждается, со ссылкой на Троцкого, что Сталин был арестован 15 апреля 1906 г. при раскрытии Авлабарской типографии в г. Тифлисе.

В связи с арестом Авлабарской типографии в архиве имеется несколько дел, в которых фигурирует, в частности, 17 человек, арестованных в разное время (с 15 апреля по 21 мая) по этому делу. Фамилия Джугашвили в этом перечне отсутствует. В документах более позднего времени арест 1906 г. никак не отражен, что вызывает сомнение: а был ли арест в 1906 г.? Джугашвили в это время находился в Стокгольме на IV съезде РСДРП, который открылся 10 апреля (23 апреля нового стиля). Левин выдвигает версию, что Сталин был арестован 15 апреля (старого стиля), дал сведения, а через 6 дней (23 апреля нового стиля), когда начал работать съезд, оказался на съезде. Но здесь автора подвел пересчет со старого стиля на новый.

Не подтверждается версия о том, будто Сталин выдал Авлабарскую типографию. Судя по документам, типография была обнаружена случайно, никаких агентурных данных о ее существовании на территории Авлабар у жандармерии не было. Обратимся к донесению начальника Тифлисского ГЖУ, который 17 апреля 1906 г. доносил в Департамент полиции:

«15 апреля утром были произведены повальные обыски в разных частях города Тифлиса, в тех местах, где наблюдались подозрительные лица. В числе обысков, производимых на окраине города, в местности 7 участка «Авлабар» — обыск усадьбы Ростомашвили был поручен временно прикомандированному по вверенному мне управлению для производства дознаний ротмистру Юлинцу (начальник Батумского отделения жандармского полицейского управления железных дорог). В подвале флигеля этой усадьбы, покинутой жильцами, за три дня перед тем ротмистром Юлинцем были обнаружены семь стеклянных запалов, употребляемых для взрывания бомб и завернутых в бумагу с типографскими оттисками, что подало ротмистру Юлинцу мысль о возможности нахождения в этой усадьбе тайной типографии» (подчеркнуто авторами). (ЦГАОР СССР. Ф. 102. 7 д-во. 1906. Д. 4669. Л. 10.)

Примечательная резолюция на этом донесении: «Затребовать подробные приметы и точные сведения о скрывавшихся жильцах и арендаторов для последующего розыска» (ЦГАОР СССР. Ф. 102. Там же).

Возвращаясь к анализу документа, опубликованного в «Лайф», отметим: Джугашвили в нем неоднократно называется Сталиным. Судя по всему, Департаменту полиции под этим именем был известен только автор работ по национальному вопросу, безотносительно к Джугашвили. В материалах Департамента полиции он фигурирует как «Коба», «Сосо», «Кавказец», «Молочный» — две последние как клички наружного наблюдения. И встречается ряд фамилий, которыми он пользовался при переписке.

Возникает еще один вопрос. Мог ли Еремин, крупный специалист по политическому розыску, чрезвычайно ценимый в МВД за свой профессионализм, призванный Столыпиным в Департамент полиции еще в годы революции для поднятия работы Департамента по политическому розыску, автор ряда инструкций по ведению агентуры, в том числе и правилах переписки, так открыто писать о своем агенте?

Даже если данные о Сталине-Джугашвили, как секретном сотруднике, надо было сообщить в Енисейск, то, вероятно, обе эти фамилии были зашифрованы. Судя по переписке Железнякова с Департаментом полиции, такой шифр существовал.

Вызывает сомнение и сама подпись Еремина. Он чрезвычайно специфически писал буквы «Е» и «Р». Для тех сотрудников архива, кто часто сталкивается с материалами Еремина, его резолюциями, подписями, совершенно очевидно, что подпись Еремина подделана. О том, что Еремин не мог подписать этот документ, говорят и следующие факты: в переписке Департамента полиции сохранилось подлинное заявление Еремина М. В. об отпуске на имя директора Департамента от 19 мая 1913 г.

Однако с отпуском Еремину пришлось несколько задержаться. 11 июля 1913 г. по приказу Штаба Корпуса жандармов он переводится на другую работу — начальником Финляндского жандармского управления. Последний документ Особого отдела им подписан 19 июня 1913 г. (исх. № 101213). В тот же день, 19 июня, был издан за № 111604 циркуляр с сообщением, что полковник Еремин назначается начальником Финляндского жандармского управления, а временное исполнение обязанностей заведующего Особым отделом возлагается на чиновника М. Е. Броецкого.

Еремин, находясь на другой работе и в другом месте, не имел ни прав, ни возможностей, даже при необходимости, подписывать документ от 12 июля 1913 г. С полной уверенностью можно утверждать, что этот документ не является подлинным. Конечно, точку в этом исследовании ставить рано. Надо еще ответить на вопрос, кто же был автором этой фальсификации.

Авторы публикации в «Московской правде» в качестве доказательства сотрудничества Сталина с охранкой приводят еще один любопытный документ. Считаем необходимым привести его полностью: **«Бакинскому охранному отделению.**

Вчера заседал Бакинский комитет РСДРП. На нем присутствовал приехавший из центра Джугашвили-Сталин Иосиф Виссарионович, член комитета «Кузьма» (Ст. Шаумян.— **Автор.) и другие.**

Члены предъявили Джугашвили-Сталину обвинение, что он является провокатором, агентом охранки, что он похитил партийные деньги. На это Джугашвили-Сталин ответил им взаимными обвинениями».

Подобного документа в ЦГАОР СССР нет. Секретные сотрудники, как правило, сами донесений не писали. Их деятельность была обставлена так конспиративно, чтобы не оставить следов. Они давали «сведения» офицеру устно, при встрече, а последний, в свою очередь, записывал их. В материалах Департамента Джугашвили нигде не упоминается как Сталин.

В фонде Департамента полиции имеется картотека, содержащая информацию об агентах царской полиции. Она составлена самими же сотрудниками этого Департамента, где они служили, называются фамилия, имя, отчество лиц, поставлявших сведения, их агентурная кличка. В этих списках фамилии Джугашвили-Сталина нет.

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Временное правительство создало ряд специальных комиссий по выявлению провокаторов и агентов тайной полиции среди революционной демократии. Работа велась на основе изучения документов Департамента полиции (ЦГАОР СССР. Фф. 1467, 503, 504). Такого же характера проводилась работа советскими органами вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Среди выявленных провокаторов и агентов охранки фамилии Джугашвили-Сталина не обнаружено.

Американский советолог И. Левин при публикации так называемого письма полковника Еремина, в котором содержится информация о том, что Джугашвили-Сталин был агентом царской полиции, вынужден был признать, что наиболее критически настроенные биографы Сталина, «в том числе его злейший враг Лев Троцкий, отвергали это обвинение, как чудовищное и абсолютно недоказуемое».

Сама по себе одиозность кровавого палача не освобождает нас от необходимости скрупулезного, точного анализа всякого обвинения, предъявленного Сталину.

РАЗБУЖЕННЫЕ ОЖИДАНИЯ

**Леонид ГОРДОН,
доктор исторических наук,
Алла НАЗИМОВА,
кандидат экономических наук**

С расширением демократических начал в производственной жизни неизбежно обнажается скрытое прежде многообразие, а то и противоположность интересов как между работниками и администрацией, так и между различными группами работников, не говоря уже о столкновении интересов руководителей предприятий и вышестоящих ведомств. Поэтому возникновение конфликтов, появление кризисных ситуаций, рожденных в том числе и самой перестройкой, неравномерностью ее развития, надо признать нормальным проявлением нарождающейся демократии. Ответом на такие конфликты и кризисы должна стать отработка социальной технологии выхода из них — способность выявить и понять интересы конфликтующих сторон (кстати сказать, нередко интересы мы сводим к интересам чисто потребительским, забывая, что есть еще интересы социальные, политические, личностные и т. п.), умение вести переговоры, готовность искать и находить компромиссные решения.

Опираясь на отдельные социологические наблюдения и зондажи, на выборочный анализ писем рабочих в газеты, можно выявить некоторые тенденции, характеризующие процесс становления производственной демократии (сразу же оговоримся, что все приводимые ниже данные не следует толковать расширительно и относить их ко всем советским рабочим; эти данные могут служить лишь иллюстрацией).

Понятно, что важнейшим фактором активизации рабочих, включенности в процесс развития демократических институтов на производстве в буквальном смысле слова — их общественной самостоятельности надо считать осуществление хозяйственной реформы, тех перемен, которые она должна внести в жизнь рабочих. Между тем по данным нескольких выборочных социологических опросов, проведенных в 1988 году нашим Институтом международного рабочего движения АН СССР на некоторых предприятиях Москвы, Владимира, Иванова, подавляющее большинство рабочих (60—80 процентов) отмечают отсутствие заметных перемен в окружающей производственной ситуации. Разрыв между разбуженными ожиданиями, надеждами на существенное улучшение условий жизни и реальным ходом перестройки — вот источник социальных конфликтов.

Как известно, наиболее представительным органом рабочего самоуправления должны быть советы трудовых коллективов (СТК). Однако сегодня деятельность таких советов далеко не в полной мере отвечает тем задачам, решение которых входит в их компетенцию. Как показывают опросы, рабочие даже не всегда знают о существовании СТК или считают, что решения СТК отражают мнения администрации. СТК зачастую становятся не органом рабочего самоуправления, а придатком администрации, тем более что пока еще значительную часть таких советов возглавляют директора предприятий. Неудивительно поэтому, что, например, более 40 процентов опрошенных рабочих на шести промышленных предприятиях Иванова (разных по величине и отраслевой принадлежности) считают, что СТК в своей деятельности не руководствуются интересами избравшего их коллектива, а около четверти не видят возможности активно влиять на ход перестройки в коллективе, используя институциональные формы общественной активности.

К этому можно добавить и мнение другой стороны: опрос директоров промышленных предприятий в Саратовской области, например, показал, что около четверти из них не верят, что в ближайшей перспективе СТК могут стать органами реального самоуправления. Главной причиной этого они считают некомпетентность членов СТК в вопросах управления, их пассивность. Да и сами рабочие признают, что у них не всегда хватает последовательности и умения в деле отстаивания своих прав.

В этой ситуации все большее значение начинают приобретать неинституциональные формы общественной самодеятельности рабочих. Так, рабочие создают свои клубы, инициативные группы и организации в поддержку перестройки — в обход СТК, профсоюзов и иных общественных органов, как это было, например, на Московском станкостроительном заводе имени С. Орджоникидзе. Здесь рабочие организовали Комитет защиты перестройки, в который вошли и члены КПСС, и члены партийного комитета. Парадоксально, но факт: комитет этот фактически действовал «подпольно». На заводе появились машинописные листовки, где раскрывалось истинное экономическое положение предприятия, прямо говорилось о надвигающемся экономическом крахе, о зажиме демократии, безгласности... Только на заводской партийной конференции были приняты решения, выполнение которых призвано оздоровить экономическую ситуацию предприятия.

Обострение социальных конфликтов на производстве привело и к таким формам рабочей активности, как забастовки. Да, мы много десятилетий не знали забастовок (хотя при отсутствии гласности «не знали» не означает, что их не было). Само это слово звучит сегодня для многих как нечто чуждое социалистическому лексикону.

Забастовка — способ защиты рабочими своих прав и интересов — представляет одну из форм развития современного демократического процесса.

Попытки погасить забастовки репрессивными мерами или демагогическими обещаниями не могут дать долговременного эффекта, ибо не устраняют их причины. А поскольку причины возникновения (и, возможно, обострения) производственных конфликтов сохранятся в течение обозримого времени (наши опросы показывают, что почти половина рабочих, отвечавших на анкету, считает возможным применение забастовки в случае конфликта с администрацией), назрела необходимость признания права рабочих на забастовку, законодательного ее регулирования, формирования механизмов и выработки процедур выхода из конфликтов подобного рода. Вместе с тем равным образом должна быть предусмотрена и защита общественных интересов от амбициозных требований некоторых групп рабочих.

Опыт последних лет показывает еще раз, каким долгим и непростым будет путь к настоящей демократии на производстве. И главное здесь — наряду с постепенным закреплением первых шагов экономической реформы — политические преобразования всех общественных структур. Это создаст предпосылки для преодоления пассивности самих рабочих, их неверия в возможность активного соучастия в управлении.

Донской дневник Ивана Болдырева

**Рубрику ведет кандидат исторических наук
Владимир НИКИТИН**

В биографии фотографа Ивана Васильевича Болдырева было всякое — и радости, и печали, но больше — неустроенности, нереализованных замыслов. А мешали таланту раскрыться «извечная болезнь» — неуживчивость характера, отпугивающая меценатов, и отсутствие денег. «На обширной матушке-Руси немало пропадало бесследно весьма полезных изобретений,— с горечью писал он в одной из статей, — вследствие того, что люди, обладавшие средствами, верят в авторитетность, а не в труд бедняка...»

Иван Васильевич Болдырев родился в 1850 году на Дону в станице Терской, где испокон веку селилось казачество. Когда ему исполнилось 19 лет, откупившись от службы в армии, он отправился из станицы в Петербург. Работал подмастерьем у столичного фотографа Лоренца, а затем поступил на учебу в Академию художеств. Окончить ее из-за финансовых трудностей ему не удалось. В Петербурге Болдырев познакомился с В. В. Стасовым, в то время очень интересовавшимся фотографией. Снимки молодого казака понравились маститому критику. Часть их тот приобрел для Публичной библиотеки.

«... Очень прошу Вас допустить к снятию фотографий... нашего отличного фотографа Ив. Вас. Болдырева, уже Вам, впрочем, известного по превосходным его снимкам, снятым вне мастерской. Позвольте также, чтоб Болдырев

снял Вас для меня, как Вы мне много раз обещали, среди Ваших галерей. Он, наверное, снимет Вас превосходно».

Из письма В. В. Стасова П. М. Третьякову.

Самому Болдыреву казалось, что нет ничего важнее его технических нововведений. В одной из своих статей он с огорчением писал о том, что ему дали бронзовую медаль за фотографии, «между тем как я выставил не работы фотографические, а аппарат с принадлежностями, посредством которых... снимал».

Не имея возможности покупать дорогостоящую оптику, Болдырев вынужден был пользоваться самодельными аппаратами, собранными им из нескольких линз, помещенных в картонную оправу. Его простой, но весьма удачный объектив значительно превосходил существовавшие.

Многие годы фотограф сражался со специалистами из фотографического отдела Русского технического общества, безуспешно пытаясь доказать преимущества изобретенной им «гибкой ленты», которую не мог не только внедрить в практику, но даже получить на нее патент, или, как тогда говорили, привилегию. В то время, когда в Америке предприимчивый Джордж Истмен, основавший фирму «Кодак», уже зарабатывал на фотопленке первые миллионы, фотограф Болдырев не мог найти 150 рублей для регистрации своего изобретения.

И тем не менее в историю светописи вошло его имя. В. В. Стасов называл его работы «бытовыми картинами... точно созданными талантливым художником». Сегодня многие из его снимков стали ценнейшим историческим, этнографическим и художественным материалом. Среди всего запечатленного фотографом особую ценность представляет, пожалуй, так называемый Донской альбом, хранящийся ныне в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Есть эти снимки и в других собраниях.

Донской альбом — а точнее он называется «Виды и типы 2-го Драгунского округа, снятые в 1875—76 годах» — это несколько десятков снимков, сделанных фотографом в его родных местах: Цимлянской, Кумшанской и Есауловской станицах, где он регулярно проводил лето. Удивительно искренний документ, повествующий о жизни казачества, о его нравах и обычаях. Хорошо зная своих односельчан, фотограф фиксирует наиболее типичные ситуации повседневного быта станичников, документально точные и одновременно романтизированные. Взгляд мастера проявляется и в отборе персонажей. Перед нами галерея представителей донского казачества — отличных служак, часто крутых по нраву, но верных своим обычаям и привычкам. Замечательный иконографический материал, сравниться с которым по точности описания могут, пожалуй, лишь страницы из произведений Михаила Шолохова.

ТРИ ВАРИАНТА ОДНОГО АНЕКДОТА

Олег ИГНАТЬЕВ

У каждого журналиста в памяти и в записных книжках остаются вполне безобидные истории, бывшие, однако, в свое время, что называется, «не для печати». Проходит время, и рассказы, радовавшие только коллег за застольной беседой, могут быть преданы гласности.

В конце августа 1960 года главный редактор сообщил о решении направить меня в Нью-Йорк специальным корреспондентом «Комсомольской правды» на XV сессию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Оказалось, что нашу делегацию возглавит «сам» Никита Сергеевич.

Начало работы XV сессии Генеральной Ассамблеи было назначено на три часа дня 20 сентября, но еще до церемонии открытия произошло другое событие, сразу же приковавшее внимание всего журналистского корпуса.

После завтрака Хрущев спросил одного из своих помощников: как устроился Фидель Кастро? Дело в том, что кубинской делегации во отеля «Тереза», занимаемый Фиделем Кастро. Здесь и состоялась встреча руководителей двух делегаций — Советского Союза и Республики Куба.

В материале, опубликованном в «Комсомолке» 22 сентября, я написал так: «В памяти всех, кто был вчера возле гостиницы «Тереза», останется момент, когда Никита Сергеевич после очень теплой, дружеской беседы с Фиделем Кастро вышел на улицу. Тысячи ньюйоркцев, уже ожидавших его появления, стали аплодировать, выкрикивая слова приветствия в адрес советского руководителя и кубинского премьера».

Меня у отеля «Тереза», к сожалению, не было.

главе с ее руководителем местные власти устроили настоящую обструкцию, и Фидель Кастро вынужден был превратить номер отеля «Тереза», который расположен в негритянском районе Гарлеме, в свою резиденцию.

«Поехали к Фиделю»,— сказал Хрущев тоном, не терпящим возражений, и стал неторопливо спускаться со второго этажа к выходу.

О том, что произошло в последующие полтора-два часа, пересказываю со слов очевидцев.

Никита Сергеевич и те члены пресс-группы, которые ухитрились поспеть за ним, поднялись в номер

А вот что опубликовала «Правда» о визите Хрущева к Кастро в отчете, подготовленном членами пресс-группы: «Никита Сергеевич Хрущев и Фидель Кастро обменялись мнениями по ряду принципиальных вопросов международного положения и предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН. С чувством глубокого удовлетворения они отметили, что их взгляды по этим вопросам совпадают».

Ну то, что около отеля «Тереза» собралась большая толпа народа, услышавшая о неожиданном приезде в Гарлем Хрущева,— это полностью соответствовало истине. А вот коммюнике об «обмене мнениями по ряду принципиальных вопросов» грешило неточностями.

Во-первых, принципиальные вопросы международного положения в связи с предстоящей сессией во время встречи не обсуждались, потому что не было никакого обмена мнениями. Во-вторых, обмена мнениями не было, потому что его и не могло быть при ситуации, создавшейся в номере отеля «Тереза».

Дело в том, что Хрущев в меру своих лингвистических способностей мог изъясняться на русском языке, но никогда не занимался изучением языка Сервантеса и Лопе де Вега.

Фидель Кастро прекрасно владел испанским языком, правда, с явно кубинским акцентом, но не знал по-русски ни одного слова.

Для плодотворного обмена мнениями необходима была помощь переводчика. Рядом с Никитой Сергеевичем находился блестящий синхронный переводчик Виктор Суходрев, но он переводил с русского на английский и с английского на русский. Хрущев мог понять английский язык с помощью Суходрева. Кастро же не столь блестяще знал английский язык, чтобы понять то, что ему переводил с русского Виктор.

Как мне рассказывали очевидцы, после банального обмена приветствиями вроде: «Хау ду ю ду», «О'кэй», «Карашо!», «Салюд!», «Крусчов» и «Фидель!» — обе разговаривающие стороны полностью исчерпали весь свой словарный запас иностранных слов.

Затем, как говорит народная молва, оба лидера вышли на балкон показаться публике, собравшейся внизу на тротуаре и проезжей части улицы. На балконе они сделали попытку обняться, продемонстрировав тем самым крепнущую советско-кубинскую и кубино-советскую дружбу.

Внизу жужжали кинокамеры, вспыхивали блицы фотографов.

Последний акт состоялся в помещении советского представительства на Парк-авеню. Вернувшись в резиденцию, Никита Сергеевич сделал грандиозный разнос «сопровождавшим его лицам». Одни говорят, что больше всех попало заведующему отделом печати Михаилу Аверкиевичу Харланову. Другие утверждают, что особо пострадал интеллигентнейший Владимир Семенович Лебедев. Но это не суть важные детали. Хрущев обладал взрывным, но отходчивым характером. Выплеснув свои эмоции и успокоившись, он сказал: «Через три дня я должен принимать здесь Фиделя Кастро. Делайте, что хотите, но чтобы к моменту встречи у меня был переводчик с испанским языком!»

Так начались великие поиски.

Кто-то из руководства советского представительства вспомнил, что в одной из ооновских канцелярий есть такой сотрудник Иван Грицунов, работавший в начале пятидесятых годов третьим секретарем посольства СССР в Аргентине. Срочно вызвали его в представительство, чтобы предложить выполнять роль переводчика.

Грицунов поблагодарил за доверие и отказался, так как уже долгое время не практиковался в испанском языке.

Вторым вызвали на ковер приехавшего на сессию специального корреспондента журнала «Новое время» Михаила Кремнева, занимавшего в редакции пост заведующего испанского издания журнала.

Кремнев также поблагодарил за доверие, но тоже отклонил предложение, мотивируя это тем, что всю сознательную жизнь занимался в редакции лишь письменными переводами.

И вот, оказавшись практически в тупике, кто-то — не то Алексей Аджубей, не то Дмитрий Петрович Горюнов — вспомнил еще об одной кандидатуре — о специальном корреспонденте «Комсомольской правды» Олеге Игнатьеве, который последние лет десять не разлучался с Латинской Америкой, а значит, худо-бедно, но должен был изъясняться с латиноамериканцами на их родном языке.

Утром 21 сентября в номере отеля «Тюдор» меня разбудил телефонный звонок. Звонил советник нашей делегации Владимир Семенович Лебедев, попросивший срочно приехать в представительство.

Согласно программе начало приема было назначено на 7 часов вечера.

Явившись в представительство за полчаса до начала встречи, я согласно рекомендации сотрудника протокола должен был ждать в помещении штаба делегации того момента, когда за минуту до прибытия Кастро Хрущев станет спускаться из своей резиденции на третьем этаже в вестибюль представительства.

Вот тогда-то я и вступаю в свои права.

Когда стрелки часов показывали без пяти минут семь, издалека на улице послышался ставший привычным занудный, прерывающийся рев полицейской сирены, извещавшей о приближении кортежа мотоциклистов, сопровождающих главу иностранной делегации. И тотчас же увидел, что Хрущев уже идет вниз. Значит, наступило мое время действовать.

Подойдя к Хрущеву, поздоровался с ним, сказав: «Никита Сергеевич, я буду переводить вашу беседу с Кастро. Моя фамилия Игнатьев, я журналист из «Комсомольской правды».

Хрущев мне не представился, видимо, уверенный, что я знаю, с кем имею дело.

Мы спустились в вестибюль, Хрущев открыл входную дверь и вышел на крыльцо. Я тоже вышел на крыльцо и встал рядом с ним. За нами вышли Громыко, Солдатов, советник Олег Трояновский и еще несколько человек. На маленьком крыльце столпилось много народу. Справа, метрах в десяти, на площадке, огороженной канатом, стояли десятки кино- и телеоператоров, фотокорреспонденты и просто журналисты. Я узнал среди них Маргариту Хиггенс и Г. Солсбери — видных американских обозревателей.

Хрущев спустился с крыльца на тротуар. Я последовал за ним.

Снова, уже совсем рядом, завыла полицейская сирена, и, не останавливаясь, минуя представительство, промчался эскорт, сопровождавший шикарную машину, в которой сидел глава какого-то государства, ничего общего не имевший с кубинским руководителем.

— Это не Кастро,— пояснил я, хотя Хрущев вне всякого сомнения и без моей подсказки понял, что это не Кастро.

Сначала я хотел было предложить Никите Сергеевичу вернуться в представительство и там подождать приезда гостя, но воздержался от совета, вспомнив, что в мою обязанность входит излагать чужие мысли, а не высказывать свои собственные.

Хрущев, потоптавшись около крыльца, повернулся спиной к журналистской братии и неторопливо зашагал по тротуару вдоль фасада здания представительства. Я пошел рядом с ним. Хрущев шел мол-

ча. Я тоже не намеревался завязывать беседу.

Так мы дошли до угла здания и повернули обратно. Дошли до крыльца и снова отправились по старому маршруту. На повороте у крыльца кто-то шепнул мне: «Вы должны идти на два шага сзади». Я пропустил совет мимо ушей, потому что тротуар был достаточно широкий для двух человек, идущих рядом.

На другой стороне улицы находилось большое здание женского лицея. У распахнутых окон теснились девчата, которые размахивали руками и что-то кричали хором, явно обращаясь не ко мне, а к Хрущеву.

Когда мы в четвертый раз повторяли один и тот же маршрут, Никита Сергеевич спросил меня: «Что они там кричат?»

— Насколько я могу разобрать,— ответил я,— они, кажется, приветствуют вас.

Уже после мне растолковали, что девушки кричали: «Боже, храни Америку!»

Мы так гуляли минут пятнадцать, пока наконец не подъехала машина, из которой выскочил Рауль Роа — кубинский министр иностранных дел. Тут-то я и приступил к выполнению возложенной на меня миссии переводчика.

Рауль Роа, принеся глубокое извинение за опоздание, заверил, что Фидель прибудет с минуты на минуту, и нам лучше войти в помещение и там встретить Кастро. Я аккуратно перевел его слова, и Хрущев последовал разумному совету.

«Кубинская минута» — понятие довольно растяжимое. Фидель приехал в половине восьмого.

В зале для приемов сначала дали возможность фотокорреспондентам и кинооператорам запечатлеть на пленку участников встречи, а потом все уселись за расставленные столы, и начался ужин с беседами, разговорами и переговорами.

Говорили в основном два человека: Фидель и Хрущев.

Да, забыл сказать, что во время променажа по тротуару Пятой авеню Никита Сергеевич задал мне еще один вопрос. «Скажите,— спросил он,— как правильно его называть: Фи́дель или Фиде́ль?»

«Фиде́ль, Никита Сергеевич»,— ответил я.

Так вот, когда все сели за стол, Хрущев, обращаясь к Кастро, произнес такую приветственную фразу: «Мы рады приветствовать вас, товарищ Фи́дель, в нашем представительстве на советской территории!»

Точное время продолжительности встречи не помню, но длилась она не меньше трех часов.

На встрече затрагивались самые различные проблемы, и когда записи этой беседы появятся в каком-нибудь из фолиантов, подготовленных историко-архивным управлением МИД СССР, то вы, уважаемые читатели, получите возможность ознакомиться с ними и удовлетворить свое любопытство.

И вот когда круг тем, интересовавших обе стороны, был исчерпан, а ужин подходил к концу, Никита Сергеевич, улыбнувшись, сказал: «А сейчас, товарищ Фи́дель, я хочу рассказать вам анекдот».

Кастро тоже улыбнулся, устроился поудобней на стуле и приготовился слушать.

Что же касается меня, то в тот момент абсолютно никакого удовольствия от слов Хрущева я не испытывал: переводить анекдоты намного сложнее, чем, скажем, дискуссию о ликвидации ракет. К тому же одному Хрущеву было известно, какой анекдот он захочет рассказать Фиделю.

У меня мгновенно созрел несколько авантюрный план.

Я сразу же сказал Хрущеву: «Никита Сергеевич, синхронный перевод для анекдота не подходит. Я прослушаю его до конца и целиком переведу».

Хрущев не возражал.

Никита Сергеевич стал рассказывать анекдот. Кажется, у меня на лбу выступили бисеринки пота: анекдот был плоский, нудный, затянутый и не поддающийся переводу ни на какой другой язык, кроме русского. А довольный Хрущев, рассказывая, от души смеялся. Я тоже пытался смеяться.

Никита Сергеевич, произнеся заключительную фразу, подмигнул мне: мол, «переводи».

Анекдотами я не увлекаюсь, но несколько помню. И вот я рассказал на испанском языке Фиделю *свой* анекдот.

Фидель смеялся, я тоже смеялся, и Хрущев хохотал от души, не подозревая, что я *его* анекдот не переводил.

— А теперь, дорогой компаньеро Крусчов,— сказал Фидель,— я расскажу вам свой анекдот.

О, боги! Легче съесть банан, не очищая кожуры, чем переводить на русский язык кубинский анекдот. Но... если применить уже опробированный прием...

Кастро, рассказывая свой анекдот, смеялся, я также, и Хрущев следовал нашему заразительному примеру.

Фидель произнес последнюю, ключевую фразу и тоже подмигнул мне: мол, «переводи».

И вот я рассказал Хрущеву тот же самый *свой* анекдот, только в этот раз на русском языке.

Хрущев смеялся, я тоже смеялся, и Фидель хохотал от души, не подозревая, что я *его* анекдота не переводил.

В общем, все остались довольны. В особенности я.

Одним словом, встреча прошла «в обстановке дружбы и взаимопонимания».

Только мы вышли на крыльцо, как представители средств массовой информации стали кричать: «Мистер Хрущев, сеньор Фидель! О чем вы так долго беседовали?»

В отчете пресс-группы, опубликованном в «Правде» 25 сентября 1960 года, об ответах было написано так:

«Фидель Кастро: «О мире». Никита Сергеевич Хрущев сказал: «Мы говорили только о мире». В этих коротких ответах была выражена суть волнующей встречи».

Этот отчет грешит некоторыми неточностями, поэтому считаю своим долгом привести здесь дословный текст ответов Хрущева и Кастро на вопрос журналистов: «О чем вы так долго беседовали?»

«Фидель Кастро: «Мы рассказывали анекдоты». Никита Сергеевич: «Да, мы рассказывали анекдоты».

Так закончилась встреча Хрущева с Кастро вечером 23 сентября одна тысяча девятьсот шестидесятого года.

Но эта история имела для меня свое продолжение.

Примерно через неделю, когда Фидель уже вернулся на Кубу, меня встретил Сатюков и сказал, что Лебедев просит прийти в представительство.

Когда я появился в штабной квартире, Владимир Семенович протянул мне газетную страницу. «Это нам прислали из Гаваны,— объяснил он,— потому что в ней опубликован материал о встрече Хрущева с Фиделем Кастро. Я сейчас позвоню Никите Сергеевичу, вы подниметесь к нему и переведете, что там написано».

Взяв страницу и мельком пробежав по строчкам статьи, обнаружил, что там приведен *мой* анекдот и тот, который рассказывал Фидель.

Что мне оставалось делать. Прошел к Хрущеву, раскрыл газету, стал переводить текст. Дошел до эпизода с анекдотами и повторил весь спектакль, разыгранный мной неделю назад во время встречи.

Хрущев опять смеялся. Мне же было не смешно, а неловко перед человеком намного старше меня, которого я вынужден был надуть самым бессовестным образом.

Но ведь рассказанный им анекдот абсолютно не поддавался переводу.

НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. ДВА МНЕНИЯ О КОНЦЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Гелий РЯБОВ,
кинодраматург,
лауреат Государственной премии СССР

«Принуждены вас расстрелять...»

Более всего меня интересовал человек, исполнивший эту кровавую акцию — уничтожение одиннадцати невиновных людей.

Яков Михайлович Юровский есть в документах Особого отдела Департамента полиции МВД бывшей Российской империи:

«Каинскому мещанину (был такой уездный город в Томской губернии.— Г. Р.) Якову Михайлову Юровскому Томским губернатором, в интересах охранения общественного порядка, на основании п. 4 ст. 16 Положения об усиленной охране в виду вредного направления деятельности названного Юровского, воспрещено ему нв все время действия указанного положения жительство в пределах Томской губернии с правом избрвния Юровским места жительства». (Примечательная деталь, не правда ли? Отъявленному — с точки зрения жандармской полиции — революционеру предоставляется тем не менее право выбрать себе место жительства! Попавшие в немилость Вождя народов в лучшем случае отправлялись

Окончание. Начало см. № 4.

Дом особого назначения

Генрих ИОФФЕ,
доктор исторических наук

Ночь с 16 на 17 июля 1918 года стала для последних Романовых роковой. В эту ночь бывший царь Николай II, вго жена — бывшая императрица Александра Федоровна, их дети — четырнадцатилетний Алексей, дочери — Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, и находящиеся при них арач Боткин, горничная Демидова, повар Харитонов и лакей Трупп были расстреляны в подвале Дома особого назначения (дом инженера Ипатьева) а Екатеринбурге. Тогда же тела расстрелянных на автомобиле были отвезены за город и недалеко от дереани Коптяки сброшены в старую шахту.

Но опасение, что подходившие к Екатеринбургу белые обнаружат трупы и превратят их в «святые мощи», заставило произвести перезахоронение. На другой день расстрелянные были извлечены из шахты, вновь погружены на аатомобиль, который даинулся по глухой дороге в лес. В болотистом месте машина забуксовала, и тогда после попыток сжечь трупы захоронение решили произвести прямо на дороге. Могила была засыпана и разровнена.

в застенок или на каторгу, я уже не говорю о том, как бдили по данному поводу территориальные органы госбезопасности: контрреволюционеры и тем более «отъявленные» должны были жить за Полярным кругом и еще дальше! Им права выбора места жительства не предоставлялось.)

Этот документ Томского губернского жандармского управления имеет приложение: донесение секретного агента «Сидорова» о том, что в местной группе эсдеков осталось оружие — 10 револьверов, переданных высланным Юровским своей сестре, партийной работнице Пане Юровской.

Я думаю, ясно: Юровский был большевиком (очерк о нем опубликован в сборнике «Ленинская гвардия Урала»), профессиональным революционером с большим дореволюционным стажем, в том числе и подпольным. Он член РКП(б) с 1905 года, В. И. Ленин назвал его однажды «надежнейшим коммунистом». Юровский родился в 1878 году и умер в 1938-м от прободной язвы желудка, перенеся, по свидетельству родственников и очевидцев, тяжелые страдания.

По данным белогвардейской контрразведки, он, **«Яков Мовшев Юровский, 40 лет, еврей, мещанин города Каинска Томской губернии, часовой мастер, содержал электрофотографию** (партийная явка.— **Г. Р.**) **в Екатеринбурге и проживал по адресу: 1-я Береговая улица, дом 6»**. Некое «специализированное» написание имени-отчества Юровского и других евреев в анналах контрразведки вызвано обостренной убежденностью этого учреждения в том, что революцию задумали и произвели евреи и поэтому следует каждого из них обозначить четко и внятно, не давая скрываться за русскоподобными и русскообразными именами, отчествами и фамилиями.

«План убийства разработал в деталях Юровский»,— утверждает Н. Соколов. Напомню: по поручению Верховного правителя А. В. Колчака Соколов проводил основное расследование по делу об «убийстве царской семьи и членов дома Романовых на Урале». Об этих событиях он написал книгу, в которой собраны документы и фотографии, связанные со следствием. Отдавая должное этому очень яркому, на мой взгляд, представителю «белого дела», я должен сказать, что ему свойственны отсутствие эмоций, точность, умение анализировать и собирать доказательства и даже объективность и непредвзятость. Юрист старой школы, окончивший юридический факультет Харьковского университета, он делом доказал и свою приверженность монархической идее, и незаурядную (для представителя этой профессии) честность. Рискуя жизнью, вывез материалы расследования за рубеж и до конца своих дней, по его словам, «искал истину путем закона». Он родился в городе Мокшаны Пензенской губернии в 1882 году и умер в местечке Сальбри, неподалеку от Руана, во Франции, 23 ноября 1924 года. Друзья поставили на его могиле простой деревянный крест с надписью: «Правда твоя — правда вовеки».

«Яков Михайлович Юровский, несомненно, человек с характером»,— признает Соколов и, дописывая страницы, посвященные Юровскому, замечает: «Его национальности я не знаю».

Что ж, это можно оценить, особенно в наши бурные дни.

Для полноты картины упомяну и об оружии Юровского, которое было у него в те «страшные, красные дни»: кольт № 71905 и маузер № 167177. Александр Яковлевич Юровский говорил мне, что револьвер его отца, из которого были убиты Николай Второй и наследник Алексей, находится в спецхране Музея Революции в Москве.

О других участниках этой истории, об их судьбах — ниже.

Картина событий должна быть объемной. Это означает, что в ней должны присутствовать даже самые страшные подробности. Нужно понять время, людей, революцию, наконец.

В 1928 году многие газеты и журналы опубликовали воспоминания участников событий, и в частности Авдеева (бывшего коменданта ДОНа). На мой взгляд, эти воспоминания представляют точку зрения начальника тюрьмы, который с некоторой долей революционной иронии относится к своим заключенным, не принимая их, впрочем, всерьез.

Его удивляет, что Романовы привыкли менять белье каждый день. Кто им будет стирать? Ничего, сами научатся — и ведь научились.

Или «кто такие большевики» — и следует вполне благостный, вполне примиренческий диспут, из которого явствует, что царь ничего не знал о расстреле рабочих на Дворцовой площади и в других местах, а Авдеев ему нисколечко не верит.

Или: «Скажите, пожалуйста, Белобородов — еврей?» «Оказывается,— замечает Авдеев,— он был убежден, что во главе советских органов стоят только большевики-евреи».

А вот и еще один комический (с точки зрения Авдеева) эпизод: царь захотел подписаться на партийную газету «Уральский рабочий», «деловито осведомился, сколько стоит на месяц... и тут же в саду вручил подписную плату».

В дневнике Николай Второй отмечает, что отношение охраны «предупредительное», подтверждая, кстати, тем самым подлинность своих писем к «офицеру».

А вот свидетельства совсем иные — показания арестованных Соколовым охранников ДОНа. Показания эти очень похожи на правду. Тем более что никто пыткам не подвергался. В отличие от многих и многих следователей Соколов искал истину «путем закона» — я упоминал об этом.

Возникает вопрос: каким образом удалось Соколову установить всех работников охраны дома Ипатьева, получить разного рода изобличающие документы? Все просто: бланки телеграмм и ленты переговоров с Москвой были обнаружены на Екатеринбургском телеграфе, их бросили за ненадобностью, ведомости на выдачу жалованья охране забыли в комендантской ДОНа. Именно по этим ведомостям и были составлены так называемые проскрипционные списки, разосланные затем по всем подведомственным Верховному правителю территориям с приказом: немедленно задерживать и доставлять в Екатеринбург следователю Соколову всех упомянутых. Показания я цитирую по книге Н. Соколова «Убийство царской семьи». Берлин. 1925 г.

Охранник Филипп Проскуряков: «**Файка Сафонов стал сильно безобразничать. Уборная в доме была одна, куда ходила вся царская семья. Вот около этой уборной Файка стал писать разные нехорошие слова... и разные другие слова, совсем неподходящие. Залез раз Файка на забор перед самыми окнами царских комнат и давай разные нехорошие песни играть. Андрей Стрекотин в нижних комнатах начал разные безобразные изображения рисовать. В этом принимал участие и Беломоин: смеялся и учил Стрекотина, как лучше надо рисовать. Это я сам видел, как Стрекотин эти вещи рисовал**».

Анатолий Якимов: «**...Авдеев, как только попал в дом Ипатьева, так начал таскать туда своих приближенных рабочих. Все эти люди бражничали в доме Ипатьева, пьянствовали и воровали царские вещи. Раз Авдеев напился до того пьяный, что свалился в одной из нижних комнат дома**».

А вот о чем пишет Пьер Жильяр (воспитатель Алексея): «**...когда княжны шли в уборную, их там встречал постовой красноармеец и заводил с ними «шутливые» разговоры, спрашивал, куда они идут, зачем... Затем, когда они проходили в уборную, часовой, оставаясь снаружи, прислонялся спиной к двери уборной и оставался так до тех пор, пока ею пользовались**».

Показаний такого рода множество. Едва ли эти поступки свидетельствуют о проявлении «классовой ненависти», все это не более чем самое заурядное хулиганство.

...Приближался «судный день». 14 июля в 10 часов утра в ДОН явились священнослужители Вознесенского собора — Сторожев и Буймиров. Юровский разрешил Романовым отстоять обедницу. По чину и последованию этой домашней службы положено читать в определенном месте «Со святыми упокой Христе душу раба твоего...», но совершенно неожиданно для священника дьякон запел этот текст, и Романовы опустились на колени. Поются эти слова только при отпевании...

За два дня до расстрела, показала уборщица Стародумова, «Юровский сидел в столовой и разговаривал с наследником, справляясь об его здоровье». Позже Юровский добьет наследника двумя выстрелами. Крепкие нервы, абсолютная убежденность в своей правоте. Я думаю, что Соколов прав, отмечая: «Яков Михайлович Юровский, несомненно, человек с характером».

25 июля Екатеринбург был взят войсками Сибирской армии и чехами «от большевиков». 2 августа в особняк Ипатьева вошел судебный следователь. Вот что он увидел в доме (в том числе): у передней внутренней стены напротив лестницы — зеркало. С правой стороны на обоях написано: «Комиссар Дома особо важного А. Авдеев». И ниже, другим почерком, химическим карандашом: «Шуры» и «Шура». Уборная. На внешней стенке уборной две карандашные надписи: «Сидоров». На печи прикреплен клочок линованной бумаги с надписью чернилами: «убедительно просят оставлят (без мягкого знака.— **Г. Р.**) стул таким чистым, каким его занимают». Под клочком процарапано: «Писал я сам не знаю, а вы незнакомые читайте».

Все эти обстоятельства в определенном смысле проясняют атмосферу Дома особого назначения. Почему не поставлен «мягкий знак»? Может быть, писавший плохо владел русским языком? Ниже это станет ясно.

Вот что обнаружил следователь в двух комнатах нижнего этажа: в дверях, которые ведут из комнаты в кладовую,— два пулевых попадания диаметром 6,8 мм. Во входной двери — одно попадание. В восточной стене 16 попаданий. Их расстояние от пола — от 31 до 168,8 см. Отчетливо видны следы замывки обоев вокруг попаданий — вплоть до разрушения рисунка обоев. В полу шесть пулевых отверстий. Две пули легли на расстоянии двух см друг от друга. В южной стене два попадания. На полу в щелях досок человеческая кровь — подтверждено экспертизой. Часть обшивки изъята, так как на обоях были рисунки порнографического характера. (Значит, правду сказали Проскуряков, Якимов и другие? — **Г. Р.**) На доске, снятой с арки, отчетливо видны четыре штыковых удара — их происхождение станет ясным несколько позже. Форма отверстий совпадает с формой штыка. Кровяные брызги на северной и южной стене. Здесь же надпись на немецком языке из стихотворения Гейне «Балтазар»: «Belsatzar ward in selbiger Nacht ven seinem Knechten umgebracht» («Был Балтазар в такую ночь своими слугами убит»). Или как у Гейне — в переводе М. Михайлова: «И в ту же ночь — не взошла заря — рабы зарезали царя». «Писавший пропустил союз aber (но), который должен следовать за словом ward, и употребил сначала слово selbigen (такими же), а потом заменил его seinem (своими), полагал, наверное, что так будет точнее» (Р. Вилтон «Последние дни Романовых». Лондон. 1920).

Рядом некое кабалистическое обозначение из четырех знаков — расшифровке не поддалось. В одной из комнат надпись на двери карандашом: «Rudolf Lacher V. T. K. Jäger». Видимо, оставлена жившим здесь человеком из числа охранников-иностранцев.

Экспертиза (ее проводили специалисты по постановлениям Соколова) утверждает, что при стрельбе в нижней комнате было использовано следующее оружие: наган, браунинг, американский автоматический трехлинейный пистолет, револьвер неизвестной системы, четырехлинейный револьвер. Одна из пуль принадлежит автоматическому пистолету кольт сорок пятого калибра. Было сделано свыше тридцати выстрелов. В одном из пулевых каналов обнаружены шерстинки кремового и красного цвета (одежда кого-то из расстрелянных).

В 1919 году следствие продолжил Н. Соколов. Он пишет: «**Я пришел сюда** (в урочище Четырех братьев — местность в 14 верстах от Екатеринбурга, белые были убеждены, что могила Романовых именно здесь.— **Г. Р.**) **пешком от дома Ипатьевых. Прошел до-**

Екатеринбург был взят белыми через неделю — 25 июля. Вскоре началось следствие. Вначале его вели Наметкин и Сергеев, затем они были отстранены по подозрению в «левизне», и следствие повел монархист Н. Соколов, назначенный лично Верховным правителем А. Колчаком [1]. Он и установил факт расстрела. При каких же обстоятельствах произошел этот страшный расстрел в Екатеринбурге, кто решил применить к Романовым эту крайнюю меру?

Существуют две версии ответа на этот, пожалуй, главный вопрос. Одну выдвинул следователь Н. Соколов, вслед за которым она повторялась и повторяется во многих зарубежных изданиях. Суть ее сводится к следующему: Романовы были расстреляны по секретной директиве Москвы. Чтобы доказать это, Соколов проделал гигантскую работу. Ее юридический, следовательский характер был, однако, пронизан политической тенденциозностью. Соколов стремился скомпрометировать революцию, большевизм. Все, кто был так или иначе причастен к Дому особого назначения, представлялись им монстрами, криминальными типами, подвергавшими узников издевательствам и оскорблениям. Но есть другие свидетельства. Павел Медведев, состоявший в охране ипатьевского особняка, а позднее попавший в плен к белым под Пермью, поплатился жизнью за попытку восстановить правду. Неопознанный, он лежал в госпитале и, слыша, как медицинская сестра рассказывала солдатам об ужасах, творившихся в доме Ипатьева, не выдержал. «Это неправда, сестра,— сказал он.— Я был там, к ним относились хорошо». В соответствии с проскрипционным списком, составленным Соколовым, П. Медведев был доставлен к нему, допрошен «с пристрастием» и позднее умер в омской тюрьме.

Дневник Николая II, а также письма Романовых, Боткина и др. отнюдь не свидетельствуют о кошмаре их екатеринбургской жизни до расстрела. Боткин, например, в начале июля 1918 г. писал родным, что обстоятельства жизни заключенных «при настоящих условиях в общем вполне благоприятны». Все это, конечно, не исключало возможных инцидентов... Однако главная, конечная цель Соколова состояла в том, чтобы доказать, что за спиной екатеринбургских убийц стояли иные, «ненациональные» силы, главным образом евреи. Антисемитизм вообще был идеологическим оружием наиболее правых кругов белого движения; с ним были связаны расчеты на раскол сил, поддерживавших большевиков и Советскую власть. Особенно на «жидомасонской» версии революции и гибели Романовых настаивал колчаковский генерал М. Дитерихс, по поручению Колчака «курировавший» следствие Соколова и поспешивший ранее его опубликовать некоторые следственные материалы, что вызвало острую неприязнь между ними. Версии Соколова и Дитерихса впоследствии охотно муссировались черносотенными и фашиствующими элементами, которых даже в эмиграции многие считали «позором русского имени».

На чем же держалась версия Соколова о «руке Москвы» в расстреле Романовых? Соколов, в частности, утверждал, что обнаружил копию шифрованной телеграммы председателя исполкома Уралоблсовета А. Белобородова в Москву, датированной 21 часом 17 июля. Расшифровать ее, правда, удалось только в сентябре 1920 года, уже в эмиграции.

В ней сообщалось о том, что семью Н. Романова постигла «та же участь, что и главу». Это, по мнению Соколова, несомненно, доказывало, что в Москве заранее знали о том, что должно было произойти в доме Ипатьева. Но если даже признать, что в руках Соколова действительно оказалась подлинная телеграмма, а не фальшивка (а такие предположения высказывались некоторыми авторами), то и в этом случае, как нам кажется, из нее следует только одно: о расстреле семьи бывшего царя в Москве стало известно позже, чем о расстреле Николая II. Это вполне подтвержда-

[1] 18 ноября 1918 года кадетско-эсеровская Директория, претендовавшая на «всероссийскую власть», была свергнута омским монархическим офицерством. «Верховным правителем» был объявлен адмирал А. Колчак

садный год. Но опыт прошлого учил меня осторожности: заминали, но, может быть, не все еще замяли».

Самым важным направлением следствия Соколов считал поиск тел. Естественно, поэтому урочище Четырех братьев, так называемая «Открытая шахта», стало объектом самого пристального его внимания. Здесь он нашел множество предметов и разного рода осколков, которые непреложно свидетельствовали: часть трагедии разыгралась именно здесь. Вот далеко не полный, только для представления, список этих предметов: разбитые эмалевые образки, воинский значок лейб-гвардии уланского полка, шефом которого была императрица, пряжка от ремня Николая Второго, пряжки от женских туфель, флаконы с солями, оправа и два стекла от пенсне Боткина, искусственная челюсть Боткина, части от шести женских корсетов, военные пуговицы, крест Гвардейского экипажа с бриллиантами, бриллиант в десять карат, серьга императрицы — жемчуг в платине, два бриллианта и другие драгоценные камни, их осколки, десять топазов от ожерелий Великих княжон, подаренных им Распутиным, 24 кусочка стекла и две пули от нагана, женский палец, отделенный по линии межфалангового сустава острым режущим орудием (я прошу запомнить пассаж о пальце, позже это понадобится.— **Г. Р.**), труп маленькой собачки, хорошо сохранившийся из-за низкой температуры в шахте (Джемми принадлежала Анастасии Николаевне) — правая лапа сломана, череп пробит; осколки костей млекопитающего, исследование которых не проведено из-за срочного (наступление красных) прекращения работ на шахте. Последнее крайне важно, так как Соколов не сделал главного: не убедился, что найденные им останки Романовым не принадлежат.

Из показаний служащих аптекарского магазина «Русское общество»:

«17 июля 1918 года явился служащий комиссариата снабжения Зимин и от имени областного комиссара Петра Лазаревича Войкова предъявил управляющему Мецнеру письменное требование: «Предлагаю немедленно без всякой задержки и отговорок выдать из Вашего склада пять пудов серной кислоты предъявителю сего. Обл. комиссар снабжения Войков».

В тот же вечер Зимин получил в этой же аптеке еще три кувшина серной кислоты. Всего было выдано этой кислоты одиннадцать пудов и четыре фунта. Деньги за нее были уплачены в сумме 196 рублей 50 копеек. Эту кислоту, по убеждению Соколова, доставили на шахту в Коптяковском лесу...

Видимо, все эти доказательства (немалые, заметим!) позволили Соколову сделать следующие основополагающие выводы:

«Рудник выдал тайну ипатьевского дома. Вечером 16 июля царская семья и живешие с ней люди были живы. Ранним утром 17 июля под покровом ночной тьмы грузовой автомобиль привез их трупы на рудник в урочище Четырех братьев. На глиняной площадке у Открытой шахты трупы обнажили. Одежду грубо снимали, срывая и разрезывая ножами. Некоторые из пуговиц при этом разрушились, крючки и петли вытягивались, скрытые драгоценности, конечно же, были обнаружены (Александра Федоровна и дочери зашили все свои драгоценности в одежду, об этом — ниже.— **Г. Р.**). **Некоторые из них, падая на площадку среди множества других, оставались незамеченными и втаптывались в верхние слои площадки. Главная цель была уничтожить трупы. Для этого прежде всего нужно было разделить на части, разрезать их. Это делалось на площадке. Удары острорежущих орудий, разрезая трупы, разрезали и некоторые из драгоценностей, втоптанные в землю. Экспертиза установила, что некоторые из драгоценностей разрушены сильными ударами каких-то твердых предметов, но не острорежущих орудий. Это те именно, которые были зашиты в лифчиках княжон и разрушены в самый момент убийства пулями на их телах. Части трупов сжигались в кострах при помощи бензина и уничтожались серной кислотой. Оставшиеся в телах пули падали в костры, свинец вытапливался, растекался по земле и, охлаждаясь затем, принимал формы остывших капель. Пустая оболочка пули оставалась. Сжигаемые на простой земле трупы выделяли сало. Стекая, оно просалило почву** (не соответствует действительности.— **Г. Р.**). **Разорванные и разрезанные куски одежды сжигались в тех же кострах. В некоторых были крючки, петли и пуговицы. Они сохранились в обожженном виде. Некоторые крючки и петли, обгорев, остались неразъединенными, нерасстегнутыми. Заметив некоторые оставшиеся предметы, преступники побросали их в шахту, пробив в ней предварительно лед, и засыпали их землей».** Эта леденящая душу картина верна только в той части, что одежда казненных действительно была сожжена и часть разного рода предметов при этом утеряна. Что касается трупов... Соколов нарушил основную заповедь профессионала: верить только фактам, отметая любые предположения, не подтвержденные доказательствами. Между тем главного, решающего доказательства у него не было: экспертизу останков провести не удалось...

...А теперь начинается наиболее страшная часть моего рассказа, миновать которую я не могу, да и права не имею: взявшись за перо, я обязан сказать все, абсолютно все.

Следственные документы этого раздела никаких сомнений не вызывают. Мне в своей жизни пришлось прочитать тысячи самых разных показаний, и я профессионально приучил себя всегда отделять истину от домыслов той или иной достоверности.

Допросы, проведенные Соколовым, безукоризненны в этом смысле. Вот показания В. Я. Буйвида, который жил в доме Попова, напротив дома Ипатьева. **«Ночь с 16 на 17 июля я хорошо восстанавливаю в своей памяти, потому что вообще в эту ночь не спал, и помню, что около 12 часов ночи я вышел во двор и подошел к навесу, меня тошнило, я там остановился. Через некоторое время я услы-**

ется подлинным сообщением исполкома Уралоблсовета, которое было отправлено в Москву в 12-м часу того же 17 июля и которое Соколов не знал.

Вот текст этого сообщения:

«Председателю Совнаркома тов. Ленину. Председателю ВЦИК тов. Свердлову. У аппарата Президиум Областного Совета рабоче-крестьянского правительства. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного Совета в ночь на 16 июля (так в тексте.— **Авт.**) *расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: «Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его, и найдены компрометирующие документы), Президиум Областного Совета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа. В ночь на 16 июля 1918 г. приговор приведен в исполнение. Семья Романовых, содержавшаяся вместе с ним под стражей, в интересах общественной безопасности эвакуирована из города Екатеринбурга. Президиум Областного Совета». Просим ваших санкций на редакцию этого документа. Документы о заговоре высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК. Просим ответ экстренно. Ждем у аппарата».*

Как уже говорилось, эту телеграмму Соколов не знал (в своей книге вышедшей в 1925 г., он о ней не упоминает), и потому, вероятно, столь сенсационной показалась ему телеграмма А. Белобородова, сообщавшая о том, что «семью постигла та же участь, что и ее главу», и (далее), что «официально она погибнет при попытке к бегству». «Соколовская» телеграмма шла (если шла) как бы вдогонку первой, сообщая со

шал глухие залпы, их было около 15, а затем отдельные выстрелы, их было три или четыре, но эти выстрелы были не из винтовок произведены. Было это после двух часов ночи (по новому времени.— **Г. Р.**); **выстрелы были от Ипатьевского дома и по звуку глухие, как бы произведенные в подвале. После этого я быстро ушел к себе в комнату, ибо боялся, чтобы меня не заметили сверху охранники дома, где был заключен бывший государь император. Войдя в комнату, мой сосед по ней спросил меня: «Слышал?» Я ответил: «Слышал выстрелы». «Понял?» «Понял»,— сказал я, и мы замолчали. Минут через двадцать я услыхал, как отворились ворота загородки Ипатьевского дома и тихо, мало шумя ушел на улицу автомобиль, свернув на Вознесенский проспект».**

Путь автомобиля лежал в урочище Четырех братьев, мы уже знаем это.

Что же произошло в доме Ипатьева? Соколову удалось восстановить картину случившегося до мельчайших подробностей. Только вчитываясь в эти подробности, будем помнить — не в оправдание, но в объяснение о том, что революций — по слову В. И. Ленина — «в чистеньком, гладеньком, безукоризненном виде не бывает».

Охранник Михаил Иванович Летемин, из Сысертского завода Екатеринбургского уезда, портной, малограмотный, в прошлом судился за покушение на растление малолетней девочки, в охрану пошел из-за жалованья, с красными не ушел, так как полагал, весьма наивно, впрочем, что «ничего плохого не сделал». Арестован был по проскрипционному списку, а также в связи с тем, что подобрал беспризорного спаниеля Джоя, принадлежавшего наследнику — цесаревичу Алексею, белые же сочли, что спаниель этот им украден. Цитирую самое главное: **«17 июля я пришел на дежурство в 8 часов утра. Предварительно я пришел в казарму и здесь увидел мальчика, состоявшего в услужении при царской семье (Леонида Седнева). Появление мальчика меня очень удивило, и я спросил: «Почто он здесь?» На это один из товарищей — Андрей Стрекотин, к которому я обратился с вопросом, только махнул рукой и, отведя меня в сторону, сообщил мне, что минувшей ночью убиты царь, царица, вся их семья, доктор, повар, лакей и состоявшая при царской семье женщина... Выслушав рассказ, я сказал: «Сколько народу перестреляли, так ведь крови на полу должно быть очень много». На это мое замечание кто-то из товарищей (кто именно, не помню) объяснил, что к ним в команду присылали за людьми и вся кровь была смыта... Находившийся в это время в казарме шофер Люханов объяснил, что всех убитых он увез на грузовом автомобиле в лес, добавив, что кое-как выбрался — темно, да пеньки по дороге. В какую сторону были увезены убитые и куда девали их трупы — ничего этого Люханов не объяснил, а я сам не спросил».**

Охранник Филипп Полиевктович Проскуряков, из Сысертского завода, в охрану пошел из-за жалованья, был в составе охраны до последнего момента, ушел вместе с другими охранниками на фронт, но сбежал оттуда и вернулся в Екатеринбург, где и был задержан. **«Кончив дежурство, мы со Столовым пошли попьянствовать. Напились мы со Столовым денатурату и под вечер пришли домой, так как нам предстояло дежурить с пяти часов. Медведев увидел, что мы пьяные, и посадил нас под арест в баню, находившуюся во дворе дома Попова. Мы там и уснули. Спали мы там до 3 часов ночи. В три часа ночи к нам пришел Медведев, разбудил нас и сказал нам: «Вставайте, пойдемте». Мы спросили его: «Куда?» Он нам ответил: «Зовут, идите!» Я потому Вам говорю, что было это в три часа, что у Столова были при себе часы, и он тогда смотрел на них. Было именно три часа, мы встали и пошли за Медведевым. Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие охранники, кроме стоявших тогда на постах. В комнатах как бы стоял туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовкой, в стенах и полу были удары пуль. Пуль особенно много было (не самих пуль, а отверстий от них) в одной стене, той самой, которая изображена на предъявленной мне фотографической карточке, но были следы пуль и в других стенах. Штыковых ударов нигде на стенах комнаты не было. Там, где в стенах и в полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь. На стенах она была брызгами и пятнами; на полу — маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева из этой комнаты, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам, на камнях. Ясное дело, в этой именно комнате с решеткой незадолго до нашего со Столовым прихода расстреляли много людей.**

По приказанию Медведева Кронидов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками. В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых. И в той именно комнате, где была побита царская семья, уборку производили многие. Помню я, что работали тут человека два латышей, сам Медведев, отец и сын Смородяковы, Столов. Убирал в этой комнате и я. Но были еще и другие, которых я забыл. Таким же образом, то есть водой, мы смыли кровь во дворе и с камней. Пуль при уборке я лично никаких не находил. Находили ли другие, не знаю.

Спрашивали я и Столов также и Медведева. Оба они со Стрекотиным говорили согласно и рассказали следующее: вечером Юровский сказал Медведеву, что царская семья ночью будет расстреляна, и приказал предупредить об этом рабочих и отобрать у постовых револьверы (Вильтон утверждает в своей книге «Последние дни Романовых», что комендант ДОНа Юровский приказал обезоружить рус-

значительным запозданием и о расстреле семьи. Таким образом, она, по нашему мнению, не может служить несомненным аргументом в пользу версии Соколова.

Но первая телеграмма (выше полностью процитированная нами) содержала в себе две неправды.

Первая неправда — утверждение, что семья Н. Романова «эвакуирована в надежное место». Вторая — утверждение, что в руках Уралоблсовета имеются документы, свидетельствующие о наличии большого белогвардейского заговора с целью похищения Романовых.

На наш взгляд, они как раз могут свидетельствовать в пользу второй распространенной версии — версии, согласно которой решение о расстреле Романовых было принято исполкомом Уралоблсовета.

Расстреляны были *все* Романовы, доктор Е. Боткин и трое слуг одновременно, но уральцы, как можно думать, только вечером 17 июля решились дополнительно сообщить в Москву о расстреле жены и детей Николая. Это, между прочим, подтверждается и фразой «соколовской» телеграммы о том, что «официально семья погибнет при попытке к бегству». Мы помним, что в утренней телеграмме Уралоблсовета В. И. Ленину и Я. М. Свердлову сообщалось, что «семья отправлена в надежное место». Теперь, говоря всю правду, уральцы вынуждены были предложить и правдоподобную версию расстрела жены Николая и его детей: при отправлении в «надежное место» они могли предпринять попытку бегства и погибли.

Поначалу, как следует из имеющихся материалов, уральцы опасались отрицательной реакции Москвы. Воспоминания лиц, так или иначе причастных к решению о расстреле и к самому расстрелу, прямо говорят об этом. Например, редактор «Уральского рабочего» В. Воробьев писал, что ему и его товарищам «было очень не по себе», когда они по аппарату сообщали в Москву о расстреле, т. к. «бывший царь был расстрелян постановлением Президиума облсовета, и было неизвестно, как на это «самоуправство» будет реаги-

ских рабочих, чтобы они не помешали убить Николая Второго. Но в контексте показаний Медведева это слово «отобрать» читается скорее квк «собрать», в этом только смысле.— Г. Р.). Пашка Медведев приказание Юровского в точности исполнил, револьверы отобрал, передал их Юровскому, а комвнду предупредил о расстреле царской семьи в 11 вечера...

Пвшка сам мне рассказывал, что он выпустил пули две-три а государя и в других лиц, кого они расстреливали. Показываю сущую правду. Ничего вовсе он мне не говорил, что будто бы сам не стрелял, а выходил слушать выстрелы наружу: это он врет!

Когда их есех расстреляли, Андрей Стрекотин, как он это мне сам говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх. После этого их всех (казненных.— Г. Р.) нввалили на грузовой автомобиль — кажется, один — и куда-то увезли. Шофером был на этом автомобиле рабочий Злоказовской фабрики Люханов. Об этом я передаю вам со слов Медведеа. По какому их направлению увезли, я не знаю. Этого тогда не знал, должно быть, и сам Медведев, потому что обставил это дело Юровский тайной (и, заметим, именно эту тайну и хотелось более всего раскрыть Н. А. Соколову. Но он не смог это сделать.— Г. Р.)».

Охранник Анатолий Александрович Якимов — из Юговского завода Пермского уезда, токарь, работал на Мотовилихинском заводе, ушел на войну добровольцем, после 25 октября 1917 года — в 494-м Верейском полку член полкового комитета. После развала фронта приехал на родину и поступил на фабрику Злоказовых в Екатеринбурге. В охрану пошел из-за легкой работы и хорошего жалованья. Мечтал о лучшей жизни и считал царя врагом народа. Осуждал большевистский террор (так у Соколова.— Г. Р.), но до конца оставался в охране и занимал пост разводящего. Ушел вместе с красными при оставлении Екатеринбурга. Но, когда они оставили и Пермь, не пошел за ними и в рядах армии адмирала (Колчака.— Г. Р.) дрался с ними. Здесь и был разыскан и задержан. На допросе объяснил:

«Когда мы собрались все, Клещев сказал: «Сегодня расстреляли царя». Все мы стали спрашивать, как же это произошло, и Клещев, Дерябин, Лесников и Брусьянин рассказали нам следующее. Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли государь, государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия,— а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харитонов. Наследника нес на руках сам государь. Сзади за ними шли Медведев и 10 человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое были с винтовками... Я это хорошо помню, что Юровский так сказал: «Николай Александрович, еаши родственники старались вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены ввс сами расстрелять». Тут же, в ту же минуту за словами Юровского раздалось несколько выстрелов. Стреляли исключительно из револьверов. Вслед за первыми же еыстрелами раздался «женский визг», крик нескольких женских голосоа. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, царь, за ним наследник. Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена или нет пулями, но только, по их слоеам, была она приколота штыками одним или даумя русскими из чрезвычайки. Но из лиц царской семьи, я помню, они называли только одну Анастасию, как приколотую штыками. Кто-то принес, нвдо думать, из верхних комнат несколько простынь. Убитых стали завертывать в эти простыни и еыносить во двор через те же комнаты, через которые вели их на казнь. Со двора их выносили в автомобиль, стоявший за воротами дома, в пространстве между фасадами дома, где парадное крыльцо в верхний этаж, и наружным забором: здесь обычно и стояли автомобили. Это уже видел Лесников с Брусьяниным. Всех их перенесли в грузовой автомобиль и сложили всех в один (ряд — надо полагать? — Г. Р.)».

...Продолжает Анвтолий Якимов: «Из кладовой было взято сукно. Его разложили в автомобиль, на него положили трупы и сверху их закрыли этим же сукном. Кто ходил за сукном в кладовую — не было разговора. Ведь не было же у нас допроса, как сейчвс. Кабы я знал раньше — мог бы спросить.

Расставив посты, я вошел в комендантскую. Там я застал Никулина и двоих нерусских. Там же был и Медведев. Были есе они невеселые, озабоченные, подавленные. Никто из них не произносил ни одного слова. На столе комендантской лежало много разных драгоценностей. Были тут и камни, и серьги, и булавки с камнями, и бусы. Много было украшений. Частью они лежали в шкатулочках. Шкатулочки были все открыты. Дверь из прихожей в комнату, где жила царсквя семья, по-прежнему была закрыта; но в комнатах никого не было. Это было ясно: оттуда не раздаеалось ни одного звука. Раньше, когда там жила царская семья, всегда слышалась в их комнатах жизнь: голоса, шаги. В это же еремя там никакой жизни не было. Стояла только в прихожей у самой двери в комнаты, где жилв царская семья, их собачка и ждала, когда ее впустят в эти комнаты. Хорошо помню, я еще подумал тогда: напрасно ты ждешь.

Куда девался мальчик (Леонид Седнев, слуга Алексея.— Г. Р.) из нашей команды — я не знаю. По этому поводу могу рвсказать следующее: я видел мальчика этого издали в один из последующих дней после убийства. Он сидел в той комнате, где обедали сысертские рабочие, и горько плакал, так, что эти его рыдания были слышны мне издали. Я сам к нему не подходил и ни о чем с ним не разговариеал. Мне, не помню, кто именно, рассказывали, что мальчик узнал про убийство царской семьи и всех других, бывших с ней, и стал плакать. Я не помню, когда именно это было. 17 же июля я, не успокоившись после такого злого дела, не утерпел и пришел к Медведеву в его комнату, это было после двух часов дня, то есть после начатия дежурства... Я его стал расспрашивать про убийство. Медведев рассказал мне, что в первом часу ночи сам Юровский разбудил царскую семью и сквзал при этом царю: «Нв дом готовится нвпадение, я вас должен перевести в нижние комнаты». Тогда они и пошли все вниз.

...Когда я его стал спрвшивать, куда же дели трупы, он мне подтвердил, что трупы на автомобиле увез Юровский с Люхановым за Верх-Исетский завод и там в лесистой местности около болота трупы были зарыты все в одну яму, как говорил, заранее приготовленную. Я помню, он говорил, что автомобиль вязнул и с трудом дошел до приготовленной могилы».

В уголовном процессе показания «со слов» — «мне говорили», «я слышал» и т. п. — имеют значение так называемых косвенных доказательств, улик и самостоятельного значения не имеют. Они должны быть подтверждены прямыми доказательствами: показаниями очевидцев, материальными предметами — пулями, оружием, трупами, наконец. У Соколова было только одно такое прямое доказательство: показание очевидца расстрела, разводящего караульного начальника Павла Спиридоновича Медведева.

Родом он из Сысертского завода, по профессии сапожник, работал и на заводе, учился в сельской школе, курса не кончил, малограмотный. В 1914 году был мобилизован, но сумел от службы освободиться, устроиться на оборонный завод. В апреле месяце 1917 года вступил в партию большевиков. После октября семнадцатого состоял е большевистском отряде и ходил против Дутова. Возвратившись с фронта в апреле 1918 года, поступил в охрану ДОНа. Занимал исключительное положение с начала и до конца, был начальником охраны. Донес Юровскому на Авдеева за послабления семье, Авдеев был уволен (я уже отмечал, что формальным поводом для замены Авдеева послужила кража золотой иконки, которая висела над кроватью Алексея и которую украл помощник Авдеева Мошкин, за что и был немедленно арестован — ненадолго.— Г. Р.). Сделался правой рукой Юровского, пользовался его исключительным доверием. Ушел из Екатеринбурга с красными. Был в Перми в момент взятия ее Сибирской армией. По поручению Голощекина должен был взорвать мост через Каму. Взрыв не состоялся по техническим причинам (сам М. объясняет иначе.— Г. Р.). Был отыскан и задержан.

Медведеа: «16 июля 1918 года, по новому стилю, под вечер, чвсов е 7 Юровский приказал ему, Медведеву, собрать (моя разрядка.— Г. Р.) у всех караульных, стоящих на постах при охране дома, револьверы (все-таки собрать, а не отобрать, что и кладет конец легенде о том, что револьверы были отобраны Юровским у русских, дабы они не смогли помешать иностранцам исполнить «решение Уралсовета» о казни.— Г. Р.). Револьверов у охраны дома было всего 12 штук, все они были системы Наган. Собрав реаольверы, он доставил их к коменданту Юровскому в канцелярию при доме и положил на стол.

Еще утром в этот день Юровский распорядился увести мальчика, племянника официанта (Седнева.— Г. Р.), из дома и поместить е караульном помещении при соседнем доме Попова.

Для чего это все делалось, Юроеский ему не гоеорил, но вскоре после того, как он доставил Юровскому реаольверы, последний ему сказал: «Сегодня, Медведев, мы будем расстреливать семейство всё»,— и велел предупредить команду караула о том, что если команда услышит выстрелы, то не тревожилась бы. Предупредить об этом команду он предложил часов в 10 вечера. В указанное аремя он, Медведев, команду предупредил об этом, а затем снова находился при доме.

Часоа а 12 ночи комендант Юровский начал будить царскую семью. Сам Николай II и все семейство его, а также доктор и прислуга встали, оделись, умылись (все это, конечно, плохо умещается в голове. Было бы понятно, если бы спящих просто перестреляли, и всё...— Г. Р.). Приблизительно через час времени все одиннадцать человек вышли из своих комнат. Все они на вид были спокойны и как будто никакой опасности не ожидали. Из верхнего этажв дома они спустились по лестнице, ведущей из дома. Сам Николай II нв руках вынес сына Алексея. Спустившись ениз, они вошли в комнату, находящуюся в конце корпуса дома. Некоторые имели с собой по подушке, а горничная несла две подушки (примечательная подробность: они думали, что их быстро перевезут на «авто» а другой дом и можно будет продолжить прерванный сон. Действительно, их ожидал сон — вечный, но они об этом не догадывались. Хитрость Юровского удалась вполне! — Г. Р.). Затем комендант Юровский приказал принести стулья. Принесли три стула (из дальнейшего станет ясно, что стулья принесли по требованию императрицы.— Г. Р.).

К этому времени в Дом особого назначения прибыли два члена чрезвычайной следственной комиссии, один из них, как он (Медведев.— Г. Р.) узнал впоследствии, был Ермаков, как звать его, не знает, родом из Верх-Исетского завода, и другой ему совсем неизвестный. Комендант Юровский, аго помощник (Никулин.— Г. Р.) и эти два лица спустились в нижний этаж, где уже находилась царская семья. Револьверы были розданы Юроеским уже по рукам и находились у семи охранников, бывших в комнате, двух членое следстаенной комиссии (ошибка: комиссия зта «по борьбе», то есть она оперативно-розыскной орган, а не следственный.— Г. Р.), самого Юровского и его помощника, всего было роздано по рукам одиннадцать револьверов, в один револьвер Юровский разрешил взять назад ему, Медведеву. Кроме того, у Юровского был при себе револьвер маузер (я уже упоминал о двух единицах огнестрельного оружия у Юровского.— Г. Р.). Таким образом, в комнате внизу собралось всего двадцать двв человека: 11 под-

ровать центральная власть, Я. М. Свердлов, сам Ильич...»

Документов о «большом белогвардейском заговоре» в руках уральцев не было, так как не было сколько-нибудь значительных монархических организаций, готовивших такой заговор.

Русские монархисты, к стыду своему, впоследствии должны были признать, что они свой долг перед монархом не выполнили. Но тогда призраки заговоров, по-видимому, терзали уральских чекистов. Как следует из имеющихся неопубликованных воспоминаний некоторых из них, они пвреправили в Дом особого назначения несколько написанных по-французски писем, оповещавших бывшего царя о готовящемся освобождении «верными друзьями», офицерами. Письма дошли до адресата, о чем, между прочим, есть запись в дневнике Николая II. Он, по всей вероятности, нашел способ ответить своим мнимым «освободителям», и его письмо с описанием дома попало в руки охраны. Для чего потребовалась такая «операция»? Только для зондажа настроений арестованных и их готовности бежать? Совершенно очевидно: и для обоснования возможных репрессивных мер против обитателей ипатьевского дома, а также последующего оправдания в случае принятия зтих мер. Цитированная нами телеграмма Президиума Уралоблсовета, как представляется, подтверждает эти предположения.

Есть еще одно свидетельство, которое, кажется, работает на версию Н. Соколова. В 1920 г. комендант Дома особого назначения и начальник команды, расстрелявшей Романовых, Я. Юровский написал довольно пространную записку о том, что произошло в доме Ипатьева в ночь на 17 июля. Она начинается фразой: «16 июля была получена телеграмма из Перми... об истреблении Романовых» [1]. Почему из Перми? Не было прямой связи с Екатеринбургом? А может быть, он чем-то руководствовался спустя четыре года после расстрела? Была уже совершенно иная обстановка, иные политические намерения. Может быть, он уже не хотел возлагать ответственность за содеянное только на уральцев, только на себя? Впоследствии, в своих неизданных воспоминаниях о расстреле Романовых Юровский никогда не упоминал «пермской телеграммы». Так или иначе, одна «записка Юровского», не подкрепленная более достоверными документами, вряд ли может рассматриваться как прямое свидетельство того, что судьба Романовых была окончательно решена не в Екатеринбурге. Между прочим, в воспоминаниях других участников расстрела, например, помощника Юровского Г. Никулина, прямо утверждается, что постановление о расстреле было принято Уралоблсоветом самостоятельно, на «свой страх и риск».

Возникает вполне законный вопрос: могли ли уральцы решить судьбу Романовых самостоятельно, взяв всю ответственность за столь важную политическую акцию на себя? Чтобы попытаться ответить на зтот трудный вопрос, надо принять во внимание ряд факторов. Прежде всего довольно сильный сепаратизм ряда местных Советов по отношению к центральной власти. Существовавший с 1918 г. Уралоблсовет занимал в этом отношении, пожалуй, одно из первых мест. В Москву не раз поступали жалобы на «сепаратистско-централистские действия» Екатеринбурга, совершенно не согласованные с Москвой (там начали было печатать даже собственные деньги). Совнаркому и ВЦИКу еще только предстояло создать единую систему Советов, подконтрольную центру. Другим обстоятельством, бесспорно способным повлиять на решение Уралоблсовета относительно судьбы Романовых, было наличие в нем сильного левоэсеровского и анархистского влияния, толкавшего и уральских большевиков на некоторые поступки левацкого характера. Член Уральского областного комитета партии И. Акулов еще зимой 1918 г. писал в Москву Е. Стасовой, что левые эсеры просто «озадачивают» большевиков «своим неожиданным радикализмом». Больше-

[1] На основании этой записки М. Н. Покровский сделал свой набросок событий в доме Ипатьева. В нем говорится не о **телеграмме**, а о **телефонограмме**, полученной из Перми.

лежащих расстрелу и 11 человек с оружием, которых он (Медведев.— **Г. Р.) всех назвал».**

...Я прерываю здесь этот бесстрастный следственный ритм для того, чтобы дать необходимые пояснения. В труде Соколова упоминается (в другой его части) размер комнаты, в которой была совершена казнь, или убийство, что, на мой взгляд, гораздо точнее: 7 аршин 6 вершков × 6 аршин 4 вершка. Один аршин равен примерно 71 сантиметру. Один вершок — 4,5 сантиметра. Перемножив эти значения, мы получим приблизительно 24 квадратных метра площади — большая комната в хорошей современной квартире.

В этой двадцатичетырехметровой комнате собралось двадцать два человека: одиннадцать против одиннадцати. Напрягитесь и представьте себе эту картину. Здесь было по одному квадратному метру на человека.

Я продолжаю: **«На стульях в комнате сели супруга Николая II, сам Николай II и сын его Алексей, остальные стояли на ногах около стенки, причем все время были спокойны.**

Юровский спустя несколько минут вышел к нему, Медведеву, в соседнюю комнату и сказал ему: «Сходи, Медведев, посмотри на улице, нет ли посторонних людей, и послушай выстрелы, слышно будет или нет» (мы помним: Проскуряков эти показания Медведева горячо опровергал! — **Г. Р.**).

Он, Медведев, вышел за ограду и тотчас по выходе услыхал выстрелы из огнестрельного оружия и пошел обратно в дом сказать Юровскому, что выстрелы слышны.

Когда вошел в комнату, где находилась царская семья, то они все уже были расстреляны и лежали на полу в разных положениях, около них была масса (слово из лексикона следователя.— **Г. Р.) крови, причем кровь была густая, «печенкеми». Все, за исключением сына царя, Алексея, были, по-видимому, уже мертвы. Алексей еще стонал. Юровский еще раза две или три при нем, Медведеве, выстрелил в Алексея из нагана, и тот стонать перестал** (мы помним о двух отверстиях в полу этой комнаты, обнаруженных следствием. Это следы пуль.— **Г. Р.**).

Вид убитых настолько повлиял на него, Медведева, что его начало тошнить и он вышел из комнаты. Затем Юровский тогда же прикезал ему бежать в команду и сказать, чтобы команда не волновалась, если слышала выстрелы. Когда он пошел в команду, то еще в доме последовало два выстрела, а навстречу ему попали бегущие из команды разводящие Иван Старкоа и Константин Добрынин. Последние, встретясь с ним еще на улице, у дома, спросили его: «Что, лично ли застрелили Николая II, вместо его чтоб другого не застрелили, то тебе отвечать придется, ты принимал его»,— на это он им ответил, что хорошо лично видел, что они застрелены, то есть Николай II и его семья, и предложил им идти в команду и успокоить, чтобы не волновалась охрана.

Видел он, Медведев, что, таким образом, расстреляны были: бывший император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери: Татьяна, Анастасия, Ольга, Ксения (ошибка: Мария, а Ксения Александровна, жена Великого князя Александра Михайловича, эмигрировалв с ним в Бразилию. Соколов сообщает в примечании, что Сергеев записывал за Медведевым, буквально ничего не меняя, поэтому и написал другое имя.— **Г. Р.),— доктор Боткин и прислуга: повар, официант, горничная. У каждого было по нескольку огнестрельных ран в разных местах тела, лица у всех были залиты кровью, одежда у всех также была в крови. Покойные, видимо, ничего до самого момента расстрела о грозящей им опасности не знали. Сам он, Медведев, участия в расстреле не принимал.**

Со всех членов царской семьи, у кого были на руках, сняли, когда они еще были в комнате, кольца, браслеты и двое золотых часов. Вещи эти тут же передали коменданту Юровскому. Сколько было снято с умерших колец и браслетов, он (Медеедев.— **Г. Р.) не знвет.**

Все 11 трупов тогда же увезли со двора на автомобиле».

Следствие продолжается. Еще не раз и не два будут допрошены все задержанные в связи с трагическими событиями в особняке Ипатьева. Их будут допрашивать и передопрашивать, и цель здесь будет преследоваться самая простая: в бесконечных повторениях и описаниях уже вроде бы известных ситуаций следователи будут выуживать новую информацию, которая позволит двинуться дальше.

Поэтому мы будем теперь интересоваться только тем, чего еще не знаем в подробностях или не знаем совсем.

Медведев показывает: **«Караулы при доме оставались на своих местах и не снимались до 20 июля, несмотря на то, что в доме уже никого не было. Это делалось для того, чтобы не вызвать волнения в народе и показать вид, что царская семья жива».** И далее: **«17 же июля... обходя по комнатвм, он, Медведев, подошел к одному столу, где лежала книжка «Закон божий», взял эту книгу в руки и увидел под ней деньги — 60 рублей десятирублевыми кредитными билетами. Деньги эти он взял себе, не объяснив никому. Тогда же он азял валявшиеся на полу три серебряных кольца, на коих написаны какие-то молитвы, несколько носовых платков, и, кроме того, ему дал бывший помощник коменданта Мошкин носки мужские, одну пару, и женскую рубашку. Больше никаких вещей он не брал** (ну, что ж... Остается только повторить: революция работает с дореволюционным человеческим материалом. И этот материал таков, каков есть... А Мошкин, арестованный за кражу, уже свободен — людей-то ведь явно не хватает...— **Г. Р.**)».

Из дальнейших показаний Медведева весьма интересны, на мой взгляд, следующие: **«Государь и наследник были одеты в гимнастерки, не головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях без верхней одежды, с непокрытыми головами... При мне никто из членов царской семьи никаких вопросов никому не предлагал; не было также ни слез, ни рыданий. Спустившись по лестнице, ведущей из второй прихожей в нижний этаж, вошли во двор, а оттуда через атору дверь (считая от ворот) во внутренние помещения первого этажа. Дорогу указывал Юровский».**

Кто и где именно находился в момент расстрела: **«Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки. За ней встали три дочери (я их всех очень хорошо знаю в лицо, так как каждый почти день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них). Наследник и государь сели рядом почти посреди комнвты. За стулом наследника встал доктор Боткин. Служанка (как ее зовут, не знвю, высокого роста женщина) встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую; с ней встала одна из царских дочерей (четвертая)».**

Вырисовывается и достаточно подробная картина гибели Анны Демидовой и Анастасии. Они были «приколоты штыками». Мы помним, что четыре штыковых удара были обнаружены а обшивке арки у левого косяке дверей, ведущих в кладоаку. Что касается того места, где стояла императрица и остальные дочери,— здесь скорее всего Медведев путает или неточно за ним записывает Сергеев.

И далее: **«Двое слуг встали в левом от входа углу у стены, смежной с кладовкой. У служанки была с собой в руках подушка, маленькие подушечки были принесены с собой и царскими дочерьми. Одну из подушечек положили на сиденье стула государыни, другую — на сиденье стулв наследника. Одновременно в ту же комнвту вошли 11 человек: Юровский, его помощник, два члена ЧК и семь человек латышей».**

Очень важное показание: «Драгоценности были уложены в два сундука, принесенных из каретника». Позже нам эти показания понадобятся.

По поводу моста через Каму Медведев показал: **«В Перми комиссар Голощекин назначил меня в охрану приспособлений для взрыва камского моста в случае появления белогвардейцев. Подорвать мост согласно полученного приказания я не успел да и не хотел, решив добровольно сдаться. Приказание о взрыве моста пришло мне тогда, когда уже Сибирские войска стали обстреливать мост и я пошел и сдался добровольно».** Эти показания важны, так как свидетельствуют о том, что Медведев многое переосмыслил...

Жена Медведева Мария на допросе подтвердила его показания и рассказала «так, как он ей рассказывал». Расхождение было только одно: жене Медведев сказал, что в Романовых и их людей стрелял (вспомним — о том же сказал и Проскурякову). Возможно, это было хвастовством? Теперь этого не узнать уже никогда. И текст «приговора», объявленного Юровским, звучит в показаниях Марии несколько иначе: «Вычитали им бумагу, в которой было сказано: «Революция погибает, должны погибнуть и вы...»

Агафонова показала: **«Помню, что он говорил (А. Якимов), что кяртину убийстеа видел он сам, своими глазами. Он рассказывал, что картина убийства их так сильно потрясла его, что он не выдержал и время от времени выходил из помещения на воздух. Он рассказывал, что его за это бранили товарищи его по охране, подозревая в нем раскаяние, или жалость, или вообще проявление сочувствия к страданиям погибших. Я его поняла тогда так, что сам он находился или в той комнате, где происходило убийство, или же вблизи ее и видел всю картину убийства своими глазами».**

По словам Г. Т. Агафонова, в шестом часу вечера приходил проститься и Анатолий Якимов. **«Вид его меня прямо поразил: лицо осунувшееся, зрачки расширены, нижняя губа во время разговоре трясется: взглянув на шурина, я без слов убедился в правдивости всего того, что мне передала с его слов жена: ясно было, что Анатолий за минувшую ночь пережил и перечувствовал что-то ужасное, потрясающее».**

Все эти подробности интересовали следствие только с одной точки зрения: получить данные, которые позволили бы обнаружить трупы Романовых и их людей.

...А меня спустя семьдесят лет интересует и многое другое: по чьей воле злоказовские рабочие оказались в страшной мясорубке истории и такой ужасающей ценой выполнили волю? Чью?

Уралсовета — утверждают историки.

А я вслед за Соколовым думаю, что это не так.

Мы приближаемся к главному. Когда-то Соколов написал в своей книге: «Все люди обывательской среды, незнакомые с техникой следственного дела, обычно рассуждают по одному шаблону: всякое, самое простое преступление им кажется чрезвычайно загадочным, пока оно не вскрыто, и каждое, самое загадочное преступление им кажется чрезвычайно простым, когда оно вскрыто». И далее: «В нашем деле нет тайн. Терпением и трудом мы подходим к раскрытию истины». Мне только остается присоединиться к этим словам.

Вот записка Юровского. Она мною получена из рук А. Я. Юровского, старшего сына коменданта Дома особого назначения,— я уже упоминал об этом человеке. Он посвятил этой истории долгие и долгие годы жизни, стремясь понять. Я стремился не только понять, но и найти доказательства. Эта записка — главный довод в пользу следственной правоты Н. А. Соколова. Каждым своим словом она подтверждает: следователь находился на пороге истины.

«Воспоминания коменданта Дома особого назначения в г. Екатеринбурге Юровского Якова Михайловича, члена партии с 1905 года, о расстреле Николая II и его семьи». Рукой Я. М. Юровского написано: **«Копия. т. Покровскому** (известный историк.— **Г. Р.) дан подлинник 20 г. 16/VII была получена телегрвмма из Перми на условном языке, содержавшая приказ об истреблении Романовых. 16-го в 6 час. вечера Филипп Голощекин предписал привести приказ в исполнение».**

Прервем это повествование главного очевидца для того, чтобы разобраться в некоторых нюансах.

вики, конечно, не могли и не хотели давать своим политическим конкурентам возможность упрекать их в «сползании вправо», в либерализме, в утрате революционности. А такого рода обвинения раздавались не раз. Особенно усердствовали лидер анархистов в Екатеринбурге — Петр Жебенев и его шумное окружение.

Впрочем (и это третий фактор, который необходимо учитывать), многие большевики — члены Уралоблсовета и сами исповедовали ультралевые взгляды (например, в вопросе о Брестском мире). Уральский чекист И. Радзинский в своих воспоминаниях писал: «Засилие в головке было левое, лево-коммунистическое... Александр Белобородов, Николай Толмачев, Евгений Преображенский — все это были леваки». Сегодня нам непросто понять психологию этих людей. В большинстве своем это были еще молодые люди, уже прошедшие через царские тюрьмы и ссылки. Всю свою жизнь они посвятили борьбе с царизмом. Николай II и все Романовы были для них «коронованными палачами», врагами трудового народа. В их казни они видели только проявление исторической справедливости. А в обстановке, когда страна все более и более погружалась в пучину гражданской войны, когда в их представлении судьба революции висела на волоске, когда, как они считали, решался вопрос, быть или не быть власти Советов, смерть бывшего царя и его детей не могла казаться им чем-то невыносимо ужасным. Пожалуй, напротив, вынося смертный приговор Романовым, они, не колеблясь, считали, что выполняют тяжелый, но высший революционный долг. Сомнений у них не было...

Председатель исполкома Уралсовета Александр Белобородов был человеком, не знавшим пощады в борьбе с тем, что он считал контрреволюцией. Позднее, весной 1919 г., находясь на Дону, где вспыхнуло тогда Вешенское восстание, он требовал: «Основное правило при расправе с контрреволюционерами: Захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу...» Немногим отличались от Белобородова С. Преображенский, Ф. Голощекин и другие. Узнав о покушении на В. И. Ленина в конце августа 1918 г., они телеграфировали в Москву: «Массовый террор против политических виновников и вдохновителей покушения в тылу, беспощадный натиск и кровавая расправа над подлыми белогвардейскими бандами на фронтах...» Таковы мысли и язык эпохи... Суровое время гражданской войны выдвигало людей с крепкими нервами, готовых на самые суровые меры в борьбе за то, что они считали правым делом.

И все-таки можно, пожалуй, считать: если не угроза Екатеринбургу со стороны подходивших к нему белочешских частей и частей армии Временного Сибирского правительства, Романовы могли бы избежать страшной участи, постигшей их в ночь с 16 на 17 июля. Главком Восточного фронта Вацетис и находившиеся на этом фронте Кобозев, Мехоношин и Данишевский в середине июля сообщали Ленину, Свердлову и Троцкому: «Реввоенсовет считает своим долгом поставить в известность, что под Симбирском и Екатеринбургом положение критическое. Наши войска бегут, не сражаясь». Тяжелая обстановка сложилась не только под Екатеринбургом и вообще на Урале. Белочехи и части «народной армии» Комуча подходили уже к Казани. Ее падение фактически открывало им путь на Москву. Ощущение возможного падения Советской власти росло. «Как раз в июле 1918 года,— говорил В. И. Ленин,— тучи, казалось бы, самые грозные, и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики». Такая обстановка могла только крайне обострить ожесточение...

Имеются свидетельства о том, что исполком Уралоблсовета и местная партийная организация ввиду сложившегося положения не раз обсуждали вопрос о Романовых с Москвой. Так, например, известно, что в конце июня — начале июля в Москве находился военный комиссар Урала Ф. Голощекин, но мы все-таки точно не знаем, какие переговоры он там вел. Есть, правда, свидетельства в воспоминаниях ураль-

Все и без всякого исключения интерпретации екатеринбургских событий у современных советских историков в этой части едины и непреложны: Романовых расстреляли по постановлению Уралсовета, которое было вынесено по известным уже читателям причинам и совершенно свмостоятельно — это главное, на это всегда очень и очень напирают историки.

Посмотрим, так ли это. Ну, во-первых, никто и никогда не видел постановления Уралсовета о расстреле Романовых. Что же, оно не сохранилось? Странно... Ведь целы все документы Дома особого назначения, даже «переписка» Николая Второго с мнимыми «заговорщиками». Даже журнал, в котором зафиксированы все события, случившиеся в ДОНе.

Широко опубликованы и разного рода воспоминания участников событий, в которых всегда и почти безвариантно присутствует один и тот же факт: Екатеринбург доложил Москве о совершившейся казни и с волнением и опасением ожидал ответа: а что скажет на это центр? Как посмотрит? (Воспоминания члена Уралсовета Воробьева цитируются во всех исторических трудах как бесспорное доказательство.) Этот факт вроде бы должен засвидетельствовать: Уралсовет действовал на свой страх и риск. Но тогда зачем было согласовывать с Москвой текст сообщения о расстреле? Рвсстреляли на свой страх и риск, а текст опубликовать самостоятельно не рискнули?

И зачем нужно шифром «объяснять» Москве, что «официально семья погибнет при звакуации»? Ведь это очень похоже на подтверждение: ваш приказ будет выполнен, не беспокойтесь!

Но самым главным доказательством, как это предствляется мне, является строчка из воспоминаний Я. М. Юровского: «...**была получена телеграмма из Перми...**» и т. д. Она совершенно недвусмысленна. Уралсовету, принявшему историческое решение, незачем было получать санкцию на исполненив своего же решения «из Перми».

Однако здесь сразу возникает довольно непростой вопрос: а почему телеграмма-распоряжение пришла именно из Перми? Что было в Перми 16 июля и кто был в ней? Или, может быть, она служила неким передаточным звеном?

Я думаю, что последнее предположение наиболее верно. В конце концов Пермь — всего лишь телеграфная станция на пути в Еквтеринбург. Связь с уездным городом идет через губернский, иначе просто не может быть! А если зто так, то и другое предположение вполне правомерно: не из Перми, а из Москвы через Пермь. Этому есть косвенное подтверждение: существует телеграмма Белобородова — он был председателем Уралсовета — с просьбой пересмотреть решение об освобождении Берзина с поста главкома Восточного фронта. Телеграмма передана в Москву 18 июля 1918 года, то есть именно тогда, когда происходили интересующие нас события. В ней строки о том, что Смилга по аппарату из Перми передал приказ о назначении Надежного... вместо Берзина и т. д. Указание Юровского на «условный язык» означает, что телеграмма была кодирована, а не зашифрована. Главное действующее лицо документально зафиксировало исторический факт: решение о казни Романовых было принято не в Екатеринбурге. Подтверждением тому служит фраза: «Голощекин предписал привести приказ в исполнение». Приказ, полученный из Перми, через Пермь — как угодно, но не приказ Уралсовета, зто обстоятельство является для нас решвющим!

Продолжим текст: «**В 12 часов ночи должна была приехать машина для отвоза трупов. В 6 часов увели мальчика Седнева (поваренка), что очень обеспокоило Романовых и их людей** (мы уже знаем, что мальчик зтот катал коляску наследника, поваренком же Юровский его назвал, видимо, потому, что в списке прислуги Седнев значился поварским учеником.— **Г. Р.**). **Приходил доктор Боткин спросить, чем это вызвано. Было объяснено, что дядя мальчика, который был арестоаан, потом бежал, теперь опять вернулся и хочет увидеть племянника. Мальчик на следующий день был отправлен на родину (кажется, в Тульскую губернию). Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в половине второго. Это отсрочило приведение приказа в исполнение. Тем временем были сделаны все приготовления: отобрано 12 человек (в том числе 7 латышей) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение, 2 отказались стрелять в девиц**».

Прервем Юровского. Это нужно для того, чтобы по возможности достоверно выяснить состав команды, стрелявшей Романовых.

По нашему мнению, это были: Я. М. Юровский, Медведев, Якимов, Ваганов, Никулин. Об остальных — ниже.

Продолжение текста Юровского: «**Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткине, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: «Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний». Одевались с 1/2 чвса. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов), из нее была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Романовы ни о чем не догадывались. Комендант отправился за ними лично, один и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Николай нес на руках Алексея, остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, А. Ф. спросила: «Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Ком. веле**л внести два стула. Ник.** (эти сокращения — в тексте.— **Г. Р.**) **посадил на один Алексея, на другой села А. Ф. Остальным ком. велел стать в ряд. Когда стали, позвали команду. Когда вошла команда, ком. сказал Романовым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом: «Что, что?» Ком. наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранве было указано, кому в кого стрелять и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, всё длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Ник. был убит самим ком-ом наповал, затем сразу же умерли А. Ф., Алексей, четыре дочери: Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, д-р Боткин, лакей Трупп, повар Тихомиров** (ошибка — такого не было.— **Г. Р.**), **еще повар Харитонов и фрейлина, фамилию которой комендант забыл** (далее в скобках написано: «Демидова»; она не фрейлина, а «сенная девушка».— **Г. Р.**). **Алексей, три из его сестер и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило ком., так как целили прямо в сердце, удивительно было и то, что пули наганов отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж. Благодаря всему этому вся процедура, считая «проаерку» (щупанье пульса и т. д.), взяла минут 20. Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, покрывая сукном, чтобы не протекала кровь. Тут начались кражи, пришлось поставить 3 надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы переносили по одному). Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.). Ком-ту было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и т. д. лежало на обязанности т. Ермакова (рабочий Верх-Исетского завода, б. каторжанин). Он должен был приехать с автомобилем и был впущен по условному паролю «Трубочист». Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнение в аккуратности Ермакова, и ком. решил проверить сам всю операцию до конца»**.

Ничего удивительного. Я отыскал характеристику Ермакова, составленную в то время, когда он служил в НКВД (1922 год). Там есть такие строчки: «Интерес к научным дисциплинам у тов. Ермакова отсутствует. В политической обстановке ориентируется с замедлением». Сам Петр Захарович записал в анкете так: «До революции был в сылке. Образование средне незакончено. В октябрьском перевороте принимал участие на судне «Аврора»». Последнее вызывает у меня большое сомнение... И еще из характеристик Ермакова: «Охватить вполне административную работу не в состоянии. Отсутствует умение применять знания на практике». Впрочем, на могиле П. З. Ермакова на Ивановском кладбище в Свердловске сказано: «Организатор Красной гвардии на ВИЗе (Верх-Исетском заводе.— **Г. Р.**).

Продолжим: **«Около трех часов утра** (17-го июля.— **Г. Р.**) **выехали на место, которое должен был приготовить Ермаков (за Верх-Исетским заводом). Сначала предполагалось веэти в автомобиле, а от известного пункта на лошадях, т. к. автомобиль дальше пройти не мог. Местом выбранным была брошенная шахта. Проехав Верх-Исетский завод, аерстах в 5, наткнулись на целый табор — человек 25 верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочие (члены Совета, Исполкома и т. д.), которых приготовил Ермаков. Первое, что они закричали: «Что же вы их нам живыми не приаезли?» Они думали, что казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролетки, тогда как нужны были телеги. Это было очень неудобно. Сейчас же начали очищать кврманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых»**.

Ну, что ж... Революция действительно работает с теми, кто достался ей в наследство от самодержавия. Очевидец революции Александр Блок безоговорочно прав: и темечко чесали, и кровушку пускали, и грабили и при этом несомненно держали «революцьонный шаг». Все дело в том, думается мне, что сразу же после 25 октября желаемое по нарастающей стало приниматься за действительное, и все участники революции и гражданской войны мгновенно превратились по воле поверхностных газетчиков и плохих писвтелей, держащих нос по ветру, в «орлов» и «героев». «Не жертвы — герои лежат под зтой могилой, не горе, а зависть рождает судьба ваша в сердцах всех благородных потомков, в красные стрвшные дни славно выжили и умирали прекрасно». Правда здесь в определении: «красные», «страшные» дни. Остальное — романтический вымысел. Сочиняя это, Анатолий Васильевич Луначарский не вспомнил, наверное, что деньги на его партийную школу «Впвред», организованную им в Болонье, добывали террористы-боевики ценой огромной и воистину страшной крови... Если бы тогда, в семнадцатом, и позже поняли, кому надлежало это понять, что нельзя вывернуть человеческую душу и выполоскать ее под революционный оркестр,— возможно, не было бы в конце двадцатого века рашидовщины, чурбановщины и прочей безымянной коррупции и разложения. И 37-го, наверное, тоже не было бы...

Двинемся дальше: **«Тут обнаружилось, что не Татьяне, Ольге и Анастасии были одеты какие-то особые корсеты. Решено было рездеть трупы догола, но не здесь, а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, гда намеченная для этого шахта. Светало. Комендант послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашел. Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было, не было лопат и т. п. Так как машина застряла между двух деревьев, то ее бросили и двинулись поездом на пролетках, закрыв трупы сукном. Отвезли от Екатеринбурга и остановились неподалеку от деревни Коптяки, это было в 6—7 часов утра. В лесу отыскали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото), глубиной ершина 3½. В шахте было на аршин воды. Ком. распорядился раздеть трупы и разложить костры, чтобы все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтобы отгонять всех проезжающих. Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями,— в отверстие видны**

ского чекиста М. Медведева (Кудрина), в соответствии с которыми Голощекин не получил в Москве официальной санкции на расстрел Романовых. Но есть и противоречивые свидетельства. Например, Л. Троцкий в упоминавшихся дневниках 1935 года записал, что, когда в августе он приехал в Москву с Восточного фронта, Свердлов сообщил ему о расстреле Романовых и на вопрос: «Кто решал?» — ответил: «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в наших трудных условиях». Конечно, зто серьезное свидетельство, однако ценность его, на наш взгляд, несколько снижается другой записью, сделанной Л. Троцким несколько позднее. В тридцатых годах в Париже вышла книга бывшего советского дипломата Беседовского (перебежавшего на Запад) «На путях термидора». Касаясь расстрела Романовых, он по вполне понятным для него причинам, утверждал, что к зтому делу были причастны Свердлов и... Сталин. О характере своих литературных трудов сам Беседовский отзывался пренебрежительно, говорил, что просто «издевается над читателем». Несмотря на легковесность «откровений» Беседовского, Троцкий обратил внимание на его версию и сделал такую запись: «По словам Беседовского, цареубийство было делом рук Сталина...» Это, конечно, может породить некоторое сомнение в точности дневниковых воспоминаний Троцкого, относящихся к казни Романовых: в них все же чувствуется некий налет политической тенденциозности.

Можно, по-видимому, считать, что вопрос о Романовых действительно обсуждался в Москве (скорее всего и в приезд Голощекина), но в таком случае наиболее вероятной позицией «центра» могло было быть предоставление всей ответственности за решение этого вопроса самим уральцам. Ведь в апреле они решительно настояли на переводе Романовых в Екатеринбург: они лучше знали обстановку, они и должны были решать. Надо, вероятно, согласиться с одним из крупнейших змигрантских историков, С. П. Мельгуновым, который в фундаментальной книге «Судьба императора Николая II после отречения» (вышла в 1951 г. в Париже) писал: «Все другие толкования пока приходится признать еще мало обоснованными с фактической стороны». С еще большей уверенностью Мельгунов относит это к убийству брата бывшего царя — Михаила, в июне 1918 г. похищенного в Перми группой анархически настроенных мотовилихинских рабочих во главе с Г. Мясниковым.

Опасаясь, что Романовы окажутся в руках антисоветских и антибольшевистских войск, подходивших к Екатеринбургу, и станут политическим фактором, консолидирующим контрреволюционный лагерь, Уралоблсовет принял самое крайнее решение. Есть свидетельства (например, И. Радзинского), что доктору Боткину и слугам предлагали уйти из дома Ипатьева, но они якобы отказались. Накануне расстрела увели лишь поваренка Седнева.

Могли ли действительно Романовы стать знаменем контрреволюционного лагеря? Трудно однозначно ответить на зтот вопрос. Белое движение исповедовало принцип «непредрешения» будущего государственного строя. Но это скорее был тактический лозунг, рассчитанный на консолидацию различных антибольшевистских сил в ходе борьбы с Советской властью. В случае же победы над ней правые, монархические злементы контрреволюции скорее всего взяли бы верх, и тогда отрекшийся царь мог сыграть определенную роль в восстановлении принципа легитимной монархии. Но это яснее сегодня, чем тогда.

Другой вопрос: могли ли Романовы быть вывезенными из Екатеринбурга (он был сдан 25 июля)? Возможно, что и могли. Имеются данные, что эвакуация Екатеринбурга в целом прошла организованно: из города в полном порядке ушло около 900 вагонов с различными грузами. Но драматизм перевозки Романовых из Тобольска в Екатеринбург (миссия Яковлева) в несравненно более спокойных условиях (апрель 1918 г.), по-видимому, был хорошо памятен. Мысль о том, что Николай может оказаться в руках противника, конечно, страшила уральцев.

были бриллианты. У публики явно разгорелись глаза. Ком. решил сейчас же распустить всю артель, оставив на охране нескольких верховых и пять человек команды. Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На А. Ф. оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно. Бриллианты тут же выпарывались. Их набралось (т. е. бриллиантовых вещей) около 1/2 пуда (восемь килограммов, восемь тысяч граммов, восемьдесят тысяч каратов! Цена этих камней несметна.— Г. Р.). Это было похоронено на Алапаевском заводе в одном из домиков в подполье, в 19-м году откопано и привезено в Москву.

Сложив все ценное в сумки, остальное, найденное на трупах, сожгли, а самые трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставная челюсть Боткина? — Г. Р.) было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части — этим комендант объясняет нахождение на этом месте белыми (которые его потом открыли) оторванного пальца и т. п. (Плохо «объясняет» комендант — не уследил за одним из своих, а тот попросту отрезал палец, чтобы снять с него золотое кольцо. Во все времена и у всех народов подобные действия именовали мародерством.— Г. Р.). Но Романовых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения. Кончив операцию и оставив охрану, ком. в 10—11 часов утра (17-го уже июля) поехал с докладом в Уралисполком, где нашел Сафарова и Белобородова. Ком. рассказал, что найдено, и высказал им сожаление, что ему не позволили в свое время произвести у Романовых обыск. От Чуцкаева (предс. горисполкома) ком. узнал, что на 9-й версте по Московскому тракту имеются очень глубокие, заброшенные шахты, подходящие для погребения Романовых. Ком. отправился туда, но до места не сразу доехал из-за поломки машины, добрался до шахт уже пешком — нашел действительно три шахты очень глубоких, заполненных водой, где и решил утопить трупы, привязав к ним камни. Так как там были сторожа, являвшиеся неудобными свидетелями, то решено было, что одновременно с грузовиком, который привезет трупы, приедет грузовик с чекистами, которые под предлогом обыска арестуют всю публику. Обратно ком. пришлось добираться на случайно захваченной по дороге паре. Задерживающие случайности продолжались и дальше — отправившись с одним из чекистов на место верхом, чтобы организовать все дело, ком. упал с лошади и сильно разшибся (а после также упал и чекист). На случай, если бы не удался план с шахтами, решено было трупы сжечь или похоронить в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой. Вернувшись, наконец, в город уже к 8 час. вечера (17-го) начали добывать все необходимое — керосин, серную кислоту. Телеги с лошадьми без кучера были взяты из тюрьмы. Рассчитывали выехать в 11 вечера, но инцидент с чекистом задержал, и к шахте с веревками, чтобы вытаскивать трупы и т. д., отправились только в 12 1/2 ч., ночью с 17 на 18-е. Чтобы изолировать шахту (первую, старательскую) на время операции, объявили в деревне Коптяки, что в лесу скрываются чехи, лес будут обыскивать, чтобы никто из деревни не выезжал ни под каким видом. Было приказано, если кто ворвется в район оцепления, расстрелять на месте. Между тем рассвело (это был уже третий день, 18-го). Возникла мысль часть трупов похоронить тут же у шахты, стали копать яму и почти выкопали. Но тут к Ермакову подъехал его знакомый крестьянин и выяснилось, что он мог видеть яму.

Пришлось бросить дело. Решено было везти трупы на глубокие шахты. Так как телеги оказались непрочными, разваливались, ком. отправился в город за машинами (грузовик и две легковые, одна для чекистов). Смогли отправиться в путь только в 9 час. вечера. Пересекли линию железной дороги, в полуверсте перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом вымащивая опасные места шпалами, и все-таки застревали несколько раз. Около 4 1/2 утра 19-го машина застряла окончательно, оставалось, не доезжая шахт, хоронить или жечь. Последнее обещал взять на себя один товарищ, фамилию ком. забыл, но он уехал, не выполнив обещания.

Хотели сжечь Алексея и А. Ф., но по ошибке вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же, под костром, останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания. Тем временем выкопали братскую могилу для остальных. Часам к 7 утра яма, аршина в 2 1/2 глубины, 3 1/2 в квадрате, была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была не глубока). Забросав землей и хворостом, несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли».

На этом заканчивается записка Юровского (Подлинник записки находится в коллекции ЦГАОР.). Я думаю, она достаточно ясно ответила на тот давний вопрос, а точнее — историческую ухмылку: Романовы трусы... Да нет же, нет, и как хорошо, что мы постепенно, но верно отходим от вульгарно-классовых, пустых, бессмысленно-злобных оценок. И еще, подумал я: могила Романовых — не миф, она существует реально...

Несколько слов о тех, кто участвовал в екатеринбургских событиях, а также о том, как сложилась судьба некоторых из них.

Юровский в 1938 году умер в Кремлевской больнице — я уже упоминал об этом, это факт известный. Но мало кто знает, что дочь Юровского Римма, участница гражданской войны и в прошлом один из секретарей ЦК комсомола, была арестована госбезопасностью. По этому поводу Юровский обратился из больницы с письмом к Сталину, и писал

До сих пор точно неизвестно, кто персонально составил команду, расстрелявшую бывшего царя и его семью. Я. Юровский, указав, что в команде было двенадцать человек, из которых двое затем «отказались», не оставил в своей записке ни одной фамилии; даже себя он именует в ней словом «комендант». В других воспоминаниях участников событий упоминается шесть-семь фамилий: кроме Юровского и Никулина,— Михаил Медведев, Павел Медведев, Петр Ермаков, Иван Кабанов и другие. Некоторые зарубежные авторы склонны подчеркивать преимущественно «нерусский элемент» в «расстрельной команде»: называются немецкие, еврейские и мадьярские фамилии. Следователь Н. Соколов ответственными («интеллектуально» и «физически») за смерть царя считал 164 человека (от председателя ВЦИКа до исполкомовских шоферов), проскрипционный список которых был передан в белые войска для сведения: задержанные по этому списку должны были быть живыми доставлены в распоряжение следователя...[1]

18 июля Президиум ВЦИК[2] на своем заседании признал постановление Уралоблсовета о расстреле Николая Романова правильным. Официального сообщения о расстреле его семьи не последовало. Позднее в печати появились сообщения о том, что жена и дети Николая были якобы убиты бандитами на станции Горноблагодатской при приближении к ней белых. Но это был чистый вымысел. Расстреляны были все, и, как писал один из современников, это было сделано

[1] Несколько слов о судьбе Н. Соколова. После разгрома колчаковщины он эмигрировал (через Харбин) на Запад, продолжал там расследование, опрашивал разных лиц. Однако черносотенный характер его работы отталкивал широкие круги эмиграции. Соколов по приглашению Г. Форда, который в начале 20-х годов вел активную антисемитскую кампанию, приехал в США, но не преуспел и там. Мало кто хотел субсидировать издание его книги. Соколов умер во Франции в бедности и одиночестве.

[2] Присутствовали: Свердлов, Аванесов, Сосновский, Теодорович, Владимирский, Максимов, Смидович, Розенгольц, Митрофанов, Розин.

он в этом письме о том, что в органы пролетарской диктатуры проникли, с его точки зрения, враги.

Наверное, это так и было и даже наверняка — сегодня широко обнародованы факты о палачах и садистах из того ведомства. Но меня все время не оставляет мысль о том, что принцип «тодо модо» — любой ценой, наказуем в нашем призрачном мире. Все равно наказуем!

Вспомним инспирированную Уралсоветом переписку Романовых в связи с предполагаемым их побегом. Председатель Уралсовета Белобородов в 1920 году выступил в качестве прокурора по сфабрикованному делу комкора Думенко — первой сабли революции, как называли этого человека,— и потребовал для него смертной казни. Думенко был расстрелян. Сам Белобородов последовал за Думенко в 1938 году.

Член Уралисполкома Дидковский, как и Белобородов, участвовал в «романовских» событиях и в 1936 году был расстрелян как «враг народа».

Еще один член Уралсовета, военный комиссар Голощекин, дожил до октября 1941 года, работал Главным арбитром при СНК СССР и был арестован госбезопасностью и тогда же расстрелян в городе Куйбышеве.

Комиссар продовольствия Уралсовета Войков в 1927 году был полпредом СССР в Варшаве, и там, на перроне вокзала, его настигла пуля белогвардейца Коверды. Касвинов утверждал, что Войков не был причастен к екатеринбургским событиям ни с какой, что называется, стороны. Но это не так: именно Войков подписал требование на выдачу серной кислоты, с помощью которой Юровский уничтожал трупы казненных.

Мне говорили, что Никулин служил в милиции, умер в почете и похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Так ли это на самом деле — не знаю.

Медведев и Якимов расстреляны белыми. Ваганов убит на ВИЗе.

Е. Е. Алферьев приводит список участников расстрела. Список этот нашими историками не признается достоверным. И тем не менее я рискну его огласить: кроме названных выше Юровского, Никулина, Медведева, Ваганова, в нем фигурируют — Лайош Хорват, Ансельм Фишер, Эмиль Фекете, Имре Надь, Андраш Вергази (Верга́ш) и другие; судьбы их мне неизвестны, но если Председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики Имре Надь на самом деле участвовал в расстреле Романовых и их людей, то его постигла страшная судьба: он был повешен во дворе Будапештской тюрьмы сразу же после подавления венгерского мятежа 1956 года.

Должен сказать, что на первом этапе своего «частного» расследования я совершенно не представлял себе, каким образом следует двигаться в направлении истины. Все описания местности казались туманными — в этих описаниях не было никаких особых примет, я впадал в отчаяние, уныние, безнадежность овладевала мной.

Но вот фотографии... Ими переполнен труд Соколова, и они, казалось мне, и есть тот путеводный маяк, который рано или поздно выведет к искомой точке или местности, во всяком случае.

Я забыл только, что с июля 1916 года прошло шестьдесят лет.

Но я понял это, когда встретился со своим свердловским знакомым, и мы отправились туда, где некогда работал Соколов.

У Маяковского есть такие строчки: «За Исетью, где шахты и кручи, за Исетью, где ветер свистел...» — так оно все и оказалось: шахты, канавы, холмики.

Мы переглянулись. «Я тебе говорил... — он отрицательно покачал головой.— Здесь с налета не взять. Здесь трудиться надобно...»

Несколько часов бродили мы по этим местам. Набрели на пересохший прудик, скорее большую яму. На береговом откосе виднелось сквозь заросли кустарника и крапивы огромное, выдолбленное из бревна старательское корыто. По дну шла длинная двойная ограда, полусгнивший частокол. На другом откосе мы нашли истлевшие пожарные шланги и части механической помпы.

Мы вышли на дорогу, которая как бы ответвлялась от той, по которой двигались здесь трелевочные трактора, вывозя мусор после санитарных порубок или еще каких-то лесных мероприятий. Дорога как дорога — глубокие колеи, почему-то подзаросшие невысокой травой и мохом, между колеями попадаются несъедобные грибы. «Давненько по ней не ездили...» — «Да. Слишком давно». Он повел головой вперед и чуть в сторону, и... мне показалось, что я сплю: прямо посередине дороги стояла могучая ель. Метрах в тридцати от нее — вторая. «Это дорога Соколова,— сказал он тихо.— Здесь некогда двигались белогвардейские грузовики. А когда все кончилось...» — Он махнул рукой, не договорив. Да, на этой дороге все кончилось шестьдесят лет назад. С тех пор по ней никто не ездил. Мы нашли и остатки «старой березы» — огромный, сгнивший пень. Под ним, на глубине примерно двадцати сантиметров мы обнаружили угли, перегоревшую землю — следы давнего большого костра.

Сама шахта, а вернее, пространство вокруг нее на совсем небольшой глубине было заполнено ржавой проволокой, истлевшими гвоздями, битыми фотопластинками, сгнившими досками от ящиков, костями животного происхождения.

Все это было не главным. Существует ли могила? И где именно находится?

Существует, мы не сомневались — зачем Юровскому лгать? Его записка не предназначалась для всеобщего сведения.

Место нам помог обнаружить анализ текстов, который позволяет прийти к выводу: выехав из леса, грузовик с телами некоторое еще время двигался по проселочной дороге, а потом застрял. Вырыли могилу, похоронили, набросали хвороста и поехали дальше.

У Соколова и Дитерихса есть показания железнодорожного рабочего, к которому приходили люди Юровского и просили помочь вытащить грузовик.

Итак, показания вполне очевидно пересеклись и обнаружили истину.

...Мы вышли из леса, здесь начинались пуга, человек десять рабочих мостили старый проселок, самосвалы подвозили щебень и асфальт. Оставалось еще около шестисот метров.

— Сегодня пятница.— Мой помощник весьма значительно посмотрел на меня.— С понедельника они продолжат, и если это та самая дорога — все...

Если та самая... Как это проверить?

«с чисто пролетарской решительностью. Ответственность за этот акт революционной целесообразности несет революционный русский пролетариат и крестьянство в лице Президиума ВЦИК, признавшего на заседании 18 июля 1918 г. постановление Уралоблсовета правильным».

Некоторые антибольшевистские газеты высказывали надежду, что расстрел царя «всколыхнет народную совесть, пробудит ее от оцепенения, от гипноза». Но ничего подобного не произошло. Известие о расстреле бывшего царя, по свидетельствам многих современников (иностранных и русских), прошло почти незамеченным. Россия все глубже погружалась в кромешную пучину гражданской войны, человеческие жертвы становились привычными...

Существует поговорка: судьба никогда не дает мат королю, не сказавши ему прежде шах. Судьба не раз объявляла Николаю II шах, предупреждая о грозе народной революции.

Тринадцатилетним мальчиком стоял он возле умирающего деда — императора Александра II, которому бомба народовольца Гриневецкого раздробила ноги. Не с этого ли времени в душе его одновременно поселился ужас, страх перед революцией и ненависть к ней? У него недоставало силы характера отца — Александра III,— чтобы бесповоротно встать на путь жестокой реакции. Да и разгромить «Народную волю» было несравненно проще, чем сокрушить массовое революционное движение. Но у него не хватало решимости и желания пойти по пути реформ, по пути перемен. Пытаясь отстоять «самодержавный принцип», он маневрировал: то шел на небольшие уступки, то отказывался от них. Удивительным образом натура последнего царя соответствовала сущности режима, все более становившегося анахронизмом: избегать изменений, сохранять статус-кво. В результате режим загнивал, отравляя миазмами гниения страну. В марте 1920 г. В. И. Ленин, вспоминая политику меньшевиков

— Возьмем примитивный щуп — из водопроводной трубы. Заточим край. И будем вбивать в земляной остаток дороги через каждые пять метров. Грунт покажет.

...В субботу сделали около сорока микрошурфов. Земля была однородной, в основном песок и глина, ее никто не трогал столетиями, а может быть, и тысячелетиями...

В воскресенье мы приехали с первым поездом и сразу же взялись за работу. Оставалось пробить десять — двенадцать шурфов и успокоиться.

Первый — ничего.

Второй — то же самое.

Третий. Я постучал по трубе молотком и... глазам не поверил: на клеенке лежала спрессованная, черная, как уголь, земля. Мы переглянулись. Кажется, здесь.

Утро было раннее, тихо, высоко в небе звенел жаворонок, тучами вились комары. Приготовили лопаты, вот и первый удар вглубь.

Вскрыть решили квадрат полтора на полтора — на большее все равно не хватило бы сил. Сняли слой земли, в которой лопата уперлась во что-то жесткое, пружинящее. Хворост, ветки, хорошо сохранившиеся.

Под ними снова земля — перемешенная, перекопанная, это отмечает мой напарник, профессионально перетирая ее между пальцев. На мгновение я остановился, чтобы перевести дыхание, и вдруг он крикнул сдавленно: «Железяка какая-то!».

Это была тазовая кость черно-зеленого цвета. И сразу же пошли кости, кости, целые скелеты, черепа... Мы достали три — обгоревшие от кислоты, с пулевыми ударами, у кого в виске, у кого на темени.

Еще через минуту мы нашли несколько осколков от керамической банки — вероятно, той самой, с серной кислотой. Скорее всего эти банки бросали прямо на трупы и разбивали выстрелами.

Земля в этой могиле была черного цвета. Пальцы там, в глубине, нащупывали все новые и новые скелеты.

Странно. Я долго вглядывался в один из трех черепов, и чем больше вглядывался, тем больше мне казалось, что передо мною голова последнего русского императора Николая Второго. Все черепа были изуродованы: лицевая их часть разбита тяжелыми и сильными ударами. Вероятно, это сделали для того, чтобы затруднить белым опознание. У того, кого представил я себе бывшим российским императором, зубы на нижней челюсти слева были сильно разрушены.

Записи в дневнике Николая Второго в один из месяцев тобольского сидения непреложно свидетельствуют о том, что в этот месяц бывший царь почти ежедневно посещал дантиста. На зубах было множество пломб...

Мы закрыли могилу, заровняли, набросали мелкой гальки и замели следы вениками из прутьев.

Все три дня, которые оставались мне до отъезда в Москву, бродил я вокруг руин особняка Ипатьева. Непонятные мысли мучали меня, и я чувствовал, как все больше и больше овладевает мною чувство протеста.

Зачем? Зачем это сделали? Ну, пусть даже как Маяковский: «Живые — так можно в зверинец их...». А здесь. Какая страшная и непоправимая безнадежность...

Ночью перед отъездом мы приехали к страшному месту.

Местность стала неузнаваемой. Через могилу Романовых прошла широкая асфальтированная дорога, скрыв ее теперь уже навсегда. Долго стоим и молчим (о чем говорить?)».

...Через сутки, 18.07.18 г., в Алапаевске группа местных работников Советской власти под предводительством М. Я. Старцева увезла из здания Напольной школы содержавшихся здесь под арестом Елизавету Федоровну Романову, Сергея Михайловича Романова, Константина Константиновича Романова (младшего), Игоря Константиновича Романова, Иоанна Константиновича Романова, князя Владимира Палей (сын княгини Ольги Палей и Великого князя Павла Александровича), крестовую сестру Е. Ф. — Варвару Яковлеву и управляющего делами В. кн. С. М.— Ф. С. Ремеза. Все были вывезены по Синячихинской дороге в район глубоких шахт и перебиты прикладами. Застрелен был только Сергей Михайлович. Окрестные крестьяне долго еще слышали из-под земли религиозные песнопения. Когда белые заняли Алапаевск и достали трупы из глубины шахт — обнаружилось, что многие из Романовых были живы под землей еще двое-трое суток, и Елизавета Федоровна там, «в мрачных пропастях земли», оказывала им всем посильную помощь...

При отступлении все восемь гробов белые увезли с собой. В дальнейшем шесть из них были похоронены в склепе церкви Русской православной миссии в Пекине, а тела Елизаветы Федоровны и Варвары Яковлевой переправлены в Иерусалим, в церковь Марии Магдалины, где и обрели свой вечный покой.

Несколько ранее, в ночь на 13 июня 1916 года, группа пермских рабочих во главе с Мясниковым арестовала в гостинице Великого князя Михаила Александровича, его секретаря Джонсона и шофера Борунова. Все трое были перевезены в Мотовилиху и, по одной версии, расстреляны и сожжены, а по другой — живыми брошены в печь Мотовилихинского завода...

В январе 1919 года в Петрограде были расстреляны «в порядке красного террора» и в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта» Николай Михайлович Романов, Георгий Михайлович Романов, Дмитрий Константинович Романов, Павел Александрович Романов. Они содержались в Трубецком бастионе и закончили свои дни у стен «баньки», в центре тюремного двора...

В январе же 1919 года в Ташкенте рвсстрелян Великий князь Николай Константинович.

Всего на протяжении 1918—1919 годов было уничтожено 18 Романовых. 19-м был имеющий к ним не прямое отношение князь Палей.

...И вот теперь, пожалуй, главный вопрос: зачем я все это написал? Может быть, правы те, кто предрек революционный ужас, объяснил и оправдал его? И нет поэтому предмета для разговора? Или, наконец, Александр Николаевич Вертинский, сформулировавший некогда онтологическую сущность русской эмиграции: «Надо жить, не надо вспоминать!»

Что ж... Заканчивается 20-й век, самый кровавый век человечества. И, омытые кровью, мы стали другими, хочется в это верить. Древние говорили, что в этом мире прощается все, кроме невинно пролитой крови. Об этом следует помнить, потому что память и честность есть несомненные составляющие того, что, бог даст, и придет к нам когда-нибудь: «ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».

Прошло, чтобы никогда не вернуться.

и эсеров в 1917 г. и обращаясь к ним, говорил: «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?» (Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 179). Это же в полной мере можно отнести и к правительству, к политике Николая II. Отвергая и тормозя социальные реформы, он вызвал социальную революцию, которая не могла не нести в себе всего того, что накопилось в российской жизни за многие десятилетия ее попрания и унижения. Прислушаемся еще раз к Н. Бердяеву. «Эта революция,— писал он,— произошла со мной, хотя я относился к ней очень критически и негодовал против ее злых проявлений. Мне глубоко антипатична точка зрения многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников...»

Народ, сделавший революцию, не был святым. Как писал Н. Заболоцкий,

«Но перед сомкнутым народом
Иная движется река:
Один сапог несет на блюде,
Другой поет хвалу Иуде,
А третий, грозен и румян,
В кастрюлю бьет, как в барабан...»

В критическую минуту февральского переворота генералы изменили присяге и принудили царя к отречению. Потом Временное правительство по расчетам «реальной политики» попрало «принципы гуманизма», оставив отрекшегося царя в революционной России, свергнувшей царизм. И, наконец, классовые интересы, как они понимались в разгоравшейся гражданской войне, взяли верх над нравственными соображениями. Итогом всего этого и стал кошмар в ипатьевском особняке жаркой июльской ночью 1918 года.

СОЛО ДЛЯ БОЯ БЕЗ ЧАСОВ

Наш театральный обозреватель Светлана Овчинникова — профессиональный критик. член Союза театральных деятелеи. автор многочисленных публикации. статеи и книг. посвященных творчеству молодежи. лауреат премии Ленинского комсомола.

Светлана ОВЧИННИКОВА

Кризис театра, этого вдруг испуганно затихшего, чего-то выжидающего искусства, констатирован, пожалуй, уже всюду и всеми: специальными журналами и журналами литературными, газетами всех рангов и уровней, критиками и зрителями, талантами и поклонниками. И все же рискну утверждать: хороших — нет, прекрасных! — спектаклей много. Плохих, правда, больше... Ну, а книг? Фильмов? Телепередач?

Не только время будущее, но и день сегодняшний проводит отбор. Всегда художнику должно быть даровано право на творческую неудачу. И во все века — «золотые» ли, «серебряные» ли — плохих произведений было больше, чем хороших.

Как и плохих исполнителей. В нашем случае — режиссеров, актеров... Слишком много случайностей должно столкнуться, соединиться в одной творческой судьбе, чтобы состоялся художник. Талант, школа, театр, пьеса, здоровье, снова пьеса. И еще — время данной пьесе и данному таланту.

Как же катастрофически невнимательны мы к судьбам талантливых людей. Даже к состоявшимся судьбам. И все, что происходит сегодня с театром и вокруг него — междоусобицы, о которых информирует печать, выбирая и себе сторону «баррикады», расколы, разделы, низвержения и воцарения,— результат девальвации судеб.

Что стало и что будет с судьбой Олега Николаевича Ефремова? Артиста Ефремова, режиссера Ефремова. Он взял МХАТ в тяжелейшее время. Уже не МХАТ даже — его руины. Он вернул ему славу, вернул зрителя. Но почти каждая премьера дааалась с боем. И, радуясь победам, мы не замечали, что, к примеру, «Обратная связь» А. Гельмана была поставлена пышно до громоздкости и «проигрывала» скромному, но горько правдивому спектаклю «Современника». Что массовка спектакля «Так победим!» смотрелась ученически банально,— с этих «студенческих» массовок во многих театрах и началось падение сценической культуры. Что в «Серебряной свадьбе» под завыванье вьюги в монологах-проповедях вдруг «садился» ритм спектакля. Очень сильного спектакля с редким ансамблем редких артистов...

Не замечали. Потому что понимали: удачи принципиальнее просчетов, а названный промах может стать поводом к битью художника. А художников так мало. А жаждущих геростратовой славы так много.

Затем к боям внешним прибавились и бои «внутреннего значения». И тоже забирали силы. Те силы, что отпущены художнику для сотворения искусства — и ничего другого.

Законы физики беспощадны. И если прибавляется энергия борьбе, то, значит, отнимается она от творчества.

На пик этой борьбы пришлись откровенные, на мой взгляд, неудачи: «Зинуля», «Перламутровая Зинаида».

Последняя премьера — «Москов-

ский хор» Людмилы Петрушевской. Прекрасная пьеса. Увы, убого поставленная. Третья неудача.

Господи! Помоги Ефремову сыграть Мольера! Когда выйдет эта статья, спектакль уже будет... Помоги! Иначе может рухнуть судьба. Из-за нетворческих боев за творчество.

Вы помните, чем начинался ефремовский МХАТ?

Этот спектакль недавно снова повторили — к счастью, его успели записать на телевидении, пока еще были живы удивительные мхатовские «старики»: Грибов, Яншин, Андровская, Станицын.

Когда в начале этих заметок я писала о том, что есть прекрасные спектакли, то прежде всего думала об этом — «Соло для часов с боем». Соло для блистательных артистов.

Что на время может стать предметом диалога театра со зрителем? Что угодно: производственные неурядицы, хозяйственная разруха, проблемы законодательства, борьба с наркоманией. И он, театр, попытается со всей страстью и яростью полемиста если не ответить, то хотя бы поставить вопрос: что стало с нашей экономикой? С нашим строем? С нашим правом? Но вопрос театрального искусства на все времена: что стало с нашей душой?

Материя, конечно, первична, а сознание вторично. Но не для театра.

«Соло для часов с боем» — спектакль по вполне непритязательной пьесе Заградника — о стариках, играющих в жизнь, чтобы эту жизнь продлить. Жизнь, а не существование. И экс-полицейский из приюта для престарелых ведет допросы, экс-посыльный благодарно принимает на чай, экс-часовщик с риском для жизни пытается забраться на башню, чтобы починить часы, переставшие отбивать время... И все они с чуткой и нежной любовью подыгрывают в разговорах о сыне единственной женщине в своей компании, так никогда и не имевшей семьи. А молодости надо много усилий, чтобы понять высокую цену, а точнее, бесценность этой игры. И надо обрести душу, чтобы понять великую духовность старости.

«Над вымыслом слезами обольюсь...» Это про «Соло для часов с боем». Про спектакль, который стал театральной легендой и одновременно — вот ведь судьба! — театральной мечтой. Легендой и мечтой об уникальном актерском ансамбле, о «жизни человеческого духа» и о лицедействе, которые не противоречат друг другу, а составляют «чудесный сплав» подлинного искусства. О режиссуре, не «умирающей», а «живущей» в актерах. И об актерах и по сей день ни с кем не сравниваемых, потому как — несравненных.

Но — снова судьбы.

Михаила Михайловича Яншина, с горькой иронией спросившего: «А вы знаете, почему Грибов получил орден Ленина и Звезду, а я только орден? Потому что он верит только в Советскую власть, а я и в Советскую власть, и в Господа Бога...»

Виктора Яковлевича Станицына, преданного учениками...

Ольги Николаевны Андровской, игравшей так мало. Как Мария Ивановна Бабанова, как Фаина Георгиевна Раневская...

Чудовищное преступление невостребованности таланта — наша государственная беда. Она начинается с усредненного адресата школьных программ и чиновничьего требования скрупулезно этим программам следовать. Она вопиет призывом в армию даже тех, кто прошел конкурс в сто и более человек на место и учится в редком творческом вузе... Ну, какая еще страна в мире позволит себе роскошь потратить кусок жизни индивидуальности для того, чтобы эту индивидуальность снивелировать? И меня, да и не только меня, мучает вопрос: случайность это или закономерность? Если случайность, кто и когда ее исправит? Или дождемся творческого Чернобыля? А если закономерность? Страшно подумать, в какие годы она уходит корнями...

Театрам дали творческую самостоятельность. Театрам дали возможность финансового маневра. Им позволили рождаться. И есть даже надежда, что позволят умирать. Короче, театр имеет уже все шансы стать человеком. Осталось совсем немного — понять, в чем ценность его судьбы. Для судьбы государства. Для государственного престижа. В чем ценность каждого мгновения его существования. А значит, каждого мгновения жизни его творцов.

Лозунг «хлеба и зрелищ» с повестки дня не снимается.

«Соло для часов с боем». С него начинался ефремовский МХАТ. А потом чем громче становился бой — вплоть до скандала раздела, выигрыша от которого не видно и по сей день ни в одном из МХАТов,— тем менее точным становился ход часов. Ход театрального времени, отмеряемого спектаклями. И все чаще на газетных страницах, на экране, а порой и в зале слышались да и слышатся звуки боя. Или отзвуки.

Соло для боя. Без часов. И не только во МХАТе.

Что-то с творческими «часами» Малого театра.

Но тут первенствуют другие причины. Иные проблемы. Неосознанной свободы. Желание уже в репертуаре на все «откликнуться», иметь в афише весь «джентльменский набор».

Не столь давно мне пришлось готовить статью, где я подсчитывала, сколько произведений советских драматургов в репертуаре Театра имени Ленинского комсомола и как полно охвачены спектаклями разные стороны советской жизни. Методом арифметического анализа творчества театра доказывалась его «неантисоветскость». Как рассказывал парторг Ленкома Борис Никифоров, «мы к Гришину на ковер шли с твоей статьей в зубах».

Не столь давно...

Малый театр и сегодня, когда «печати о благонадежности», роль которой исполняли имена некоторых современников в афише, больше не требуется, по инерции — или по каким-то иным, мне неведомым причинам — продолжает линию «Берега» — «Выбора» — «Игры».

Правда, в традициях этого театра верность своему драматургу, ведь еще в прошлом веке Малый называли «домом Островского». И, безусловно, дело самого коллектива, кого считать Островским XX века.

Но я не понимаю, почему не разнообразить театры. Почему не иметь в Москве театр, играющий только классику,— вот такой «императорский» Малый, лучшими спектаклями которого последние десятилетия были «Власть тьмы» Л. Толстого, «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого в постановке Бориса Ивановича Ровенских, «Дачники», «Достигаев и другие» Горького, поставленные Борисом Андреевичем Бабочкиным, «Перед заходом солнца» Гауптмана, «Заговор Фиеско в Генуе» Шиллера режиссера Леонида Хейфеца, «Фома Гордеев» Горького, «Холопы» Гнедича — Бориса Львова-Анохина... Сама судьба Малого, его корни напоминают о предназначении театра. Априори скажу: были удачи и в воплощении современной драматургии. Но много реже.

Критики часто повторяют сегодня вопрос: почему «Холопы» стали «гвоздем» сезона? А ответ, по-моему, прост: этот спектакль для Малого театра эталонный. Актерская и режиссерская культура, красота декораций, бенефисная роль выдающейся актрисы Елены Николаевны Гоголевой создали событие.

А Малый театр, как мне кажется, должен быть не только театром драматургической классики, но и актерских бенефисов. Не надо бояться откровенных афиш: «Елена Николаевна Гоголева в спектакле...», «Элина Быстрицкая в спектакле...», «Руфина Нифонтова в спектакле...». И так далее.

Спектакль, конечно, произведение коллективное, но искусство театра, как всякое искусство, индивидуально. Может быть, здесь причина того, что Мастера-режиссеры не готовят себе преемников. Потому что при другом режиссере будет уже другой театр. Был замечательный Ленком при Эфросе. Есть замечательный Ленком при Захарове. Но другой. Театр живет 10—15 лет? А может быть, эта известная формула неверна? Долгота творческой жизни театра равна долготе творческой жизни его создателя. Большой художник, приходя в театр, не «принимает» его, а «создает». А маленьких художников не бывает. Бывают маляры.

В старину наследство принимали с обязательством по долгам. Театр принимают с труппой. Это очень болезненный момент. Но не класть же актеров, как утварь, в саркофаг к ушедшему фараону. Пытаться «взять с долгами»? Но пример Ефремова, принявшего МХАТ со всей огромной труппой, часть которой тут же начала митинговать, перед глазами. Проявлять твердость Товстоногова, уволившего по приходе едва ли не половину актеров? Союз театральных деятелей озабочен этой проблемой, ищет варианты решений.

А пока средство Макропулоса не найдено, хотелось бы, чтоб режиссеры, берущие театры и, конечно же, имеющие право создавать труппы из любимых ими артистов, прежде чем сказать сакраментальное «Не вижу!», дали себе труд присмотреться...

Театр по структуре своей жесток. Тем милосерднее должны быть работающие в нем люди.

Это тоже к вопросу о судьбах. Очень хрупких актерских судьбах. На одном из вечеров в Центральном Доме работников искусств благополучнейший Олег Янковский признался: меня снимают, пока находят какую-то там загадочность во взгляде. Но в любой момент эта «загадочность» может надоесть режиссерам.

Перечислить оборванные судьбы? Пожалуй, не надо. Да и места не хватит.

Но когда в очередной раз слышу набившую оскомину шутку: «Назовите пять фильмов, в которых не снимался артист Д.»,— думаю: очень жаль, если в целых пяти фильмах не снимался этот замечательный артист.

В нас вообще сидят этакие строгие гувернеры, в воспитательных целях, что ли, боящиеся похвалить. Я, например, никогда не слышала: великий артист Смоктуновский. А ведь великий! Не «выдающийся» — это слово мы любим,— а великий. В чем разница? Первое — констатация «де-юре», второе — «де-факто». Первое — бриллиант в короне, второе — и без короны бриллиант.

В стране ходят — а чаще лежат — деньги, не обеспеченные товаром. Мне это трудно представить, воображения не хватает. А талант не товар? Почему за возможность посмотреть спектакль студии «Сфера» и за возможность увидеть на сцене Смоктуновского, Борисова, Леонова я должна платить одинаково? Это перед искусством все равны, а в самом искусстве равенства быть не может. Тем не менее мы позволяем кордебалету вершить судьбы солистов голосованием. А кордебалет, как и хор, как и миманс, всегда в большинстве. Но не может быть в искусстве приоритета большинства! Это элементарно. Но то, что поняли, к примеру, в легкой промышленности (что платье из большой серии дешевле платья из маленькой), никак не поймут в театрах.

Психологически это понятно. Огромный конкурс в театральные вузы, дипломы, где написано: «артист театра и кино», но не написано: «на выхода», «на эпизодические роли». А есть и такие артисты, и их большинство, и они нужны, если мы хотим вернуть театру искусство ансамбля: точного, чистого и вдохновенного исполнения любой ноты на любой, самой дальней периферии спектакля, умения не дожидаться своей реплики, а слышать партнера. Мы его потеряли, это умение. Театр Питера Штайна из Западного Берлина привез спектакль «Три сестры» Чехова и напомнил нам об этом.

Почему же они сохранили то, чего не сохранили мы? Может быть, потому, что «там» — и западнее, и восточнее — работа не делится на «престижную» и «непрестижную». А мы? Как мы объясним артисту, что надо не полуспиной к залу стыдливо пробурчать «кушать подано» (и умчаться в мечтании, порой пожизненном, о возможности неторопливо приблизиться к рампе и произнести: «Быть или не быть...»), а с достоинством за дело свое, с радостью за свой спектакль, свой театр играть это самое «кушать подано». «Трепетно-с», как говорится в одной хорошей пьесе... Как? Еще раз напомнить Станиславского: «Умейте любить искусство в себе, а не себя в искусстве»? И надо, чтобы критики замечали и отмечали не только исполнителей главных ролей. И еще надо, чтобы на получаемое за «кушать подано» можно было кушать...

Хочу подчеркнуть: в лучших наших театрах, в лучших спектаклях лучшие режиссеры сохраняют ансамбль.

Ленинградский Малый драматический театр. Любая пекашинская баба в знаменитой трилогии Льва Додина по произведениям Федора Абрамова — живой и чудный тип.

Государственный театр молодежи Литовской ССР. Любой из трио молчаливых слуг в спектакле Эймунтаса Някрошюса «Дядя Ваня» захватывающе неожидан и интересен.

Наконец, массовка в спектаклях Любимова времен Любимова. Это же не фон, а одно из главных действующих лиц. И каких лиц! И как действующих!

Массовка не единственное и не обязательное слагаемое ансамбля. Но она непременное слагаемое его разрушения. Потому именно о ней и говорю.

Только, пожалуйста, не судите о спектакле Додина «Дом» по телепоказу. Театр живет, если слышно дыхание по обе стороны рампы. А здесь актеры и зрители разделены холодным прямоугольником экрана. Редкие спектакли обретают на телевидении новую жизнь. К «Соло для часов с боем» могу добавить «Мещан» Г. Товстоногова, «Статью» Ю. Еремина, «Дальше — тишина» А. Эфроса, «Женитьба Фигаро» В. Плучека. Но это особый разговор — театр и телевидение.

Вот мне казалось, что навсегда потеряно «Доходное место» Островского, весьма недолго шедшее в театре Сатиры и снятое чиновниками от искусства. Лучший спектакль Марка Захарова.

(Во времена «застоя» снимали классические спектакли из-за жгучей насущности наотмашь бьющих проблем, ситуаций, реплик... Сегодня бы побольше классики. Этой лакмусовой бумажки в растворе жизни. Чтобы не упустить момент, когда изменится цвет. Когда нам станет неуютно под пронзительным взглядом и пронзительным словом вечных пьес.)

Так вот, «Доходное место» сняли. Сняли зеркало, чтобы не видеть, что «рожа крива». Сняли произведение искусства уникальное, чью не только публицистическую — художественную значимость трудно переоценить. Подобных работ я не видела ни у Папанова, ни у Пельтцер, ни у Миронова, ни у Пороховщикова... Этот спектакль являлся народным достоянием. И был у народа украден. Прилюдно. И никто не кричал: держи вора! И никого не судили «за головотяпство со взломом». Казалось, все.

Но вот появилась книга Марка Захарова «Контакты на разных уровнях», в ней так рассказан спектакль «Доходное место», что ощущение от чтения почти совпадает со зрительским.

Хорошие, даже прекрасные спектакли — есть. У Някрошюса и Додина, Туманишвили и Стуруа, Васильева и Захарова, у студии «Человек» и студии...

Их много, этих студий, в одной Москве около двухсот. Им щедро раздали статус профессиональных. И тут произошла интересная метаморфоза: восторг от того, как замечательно работают непрофессионалы, сменился недоумением из-за дилетантской работы профессионалов. Изменился статус — изменились критерии оценок.

Это тоже разговор о судьбах. Тех сотен людей, посланцы которых ежевечерне хватают вас в переходах возле станций метро, заманивая к себе на спектакли. И тех немногих, к кому и сами бы пришли, да не попасть. Отчего такая разность судеб?

Судьба театра как искусства складывается из мозаики судеб людей, это искусство творящих. И потому абстрактные споры о том, почему в 1985—1986 годах театр был в авангарде, а сегодня вроде бы в арьергарде, бесплодны. Дискуссий нет, есть констатация факта. Но недостает констатаций более частных фактов: отдельных удач или неудач. А замалчивая частное, не скажешь правды об общем.

У нас у всех есть творческие привязанности. Симпатии и антипатии. И есть жестокая профессия, обязывающая говорить правду, ничего, кроме правды. И есть особая ранимость художников.

Короче, «ум с сердцем не в ладу». А ложь во спасение так сладка, что уже не замечаешь, как ложь становится в гибель. Из самых благих побуждений мы внушаем художнику: серое — это белое, полуудача — победа. А завтра он оказывается еще более «удачлив». А виноваты мы, критики. Потому что в лучшем случае держим тревогу при себе. Тревогу за МХАТ. Или за МХАТы? По скольку уже премьер состоялось в обоих, а разговора нет.

Как нет разговора о премьерах Малого, вахтанговцев, «Современника» — и 1-го, и 2-го. Говорят, еще рано писать. Но если уже ходит зритель, значит, настала пора разговора. И судьбы уже выстраиваются, и из актерского века уже вычитаются годы. И тревожит бессобытийность судеб Театра имени Моссовета, Театра имени Станиславского, Театра на Малой Бронной... И это только в Москве.

Мы живем недомолвками. Причина понятна: театр разбит на группировки. Не столь ожесточенные, как в литературе. Но все же... Поэтому каждая похвала, каждое критическое замечание означают сегодня для критика вступление в бой на той или иной стороне. А мы имеем право биться лишь за искусство. За возрождение ансамбля, за возвращение сценической культуры, за исполнение хотя бы самого элементарного закона сцены: должно быть видно, слышно и понятно. Как часто даже и этот закон нарушается.

Мы молчим из уважения к заслугам. Молчим во избежание неприятностей разного рода. Молчим, чтобы не ввязываться и не связываться. Молчим даже тогда, когда дело касается самых юных зрителей, наших детей, которым давно показывают лишь чучело некогда живой и прекрасной синей птицы и годящийся в гербарий аленький цветочек.

Но хуже, чем молчание, выборочная правдивость. Упрекаем «Новый мир» за публикацию брежневской трилогии. Понимая, что не журнал выбирал автора, а наоборот. Но молчим о постановке дружно и победно отрецензированной «Целины» в Малом. У театра тоже не было альтернативы. Правда, у Бориса Ивановича Ровенских накануне первой репетиции разорвалось сердце... Борис Александрович Львов-Анохин не подал в отставку. Поставил спектакль с присущим ему мастерством.

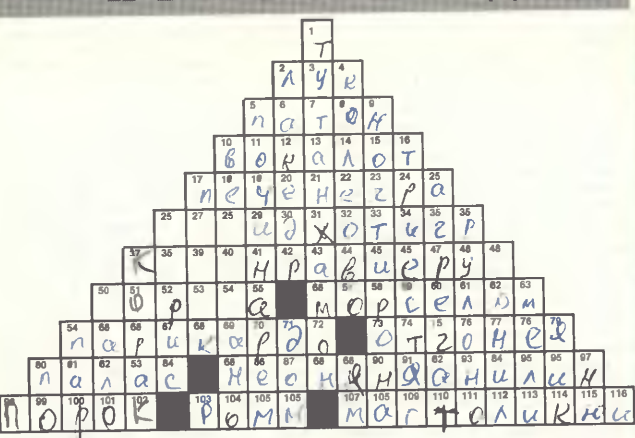
Так будем упрекать всех? Или кого-то — да, кого-то — нет?

Или займемся делом, творчеством? Например, поговорим о прекрасных спектаклях.

Вы видели «Наш городок» у Туманишвили? «Квадрат» у Някрошюса? «Звезды на утреннем небе» у Додина? «Шесть персонажей в поисках автора» у Васильева? «Холопы» у Львова-Анохина? «Чайку» у Погребничко? «Эмигрантов» у Мокеева?

Недолог список. Да и премьеры не сегодняшние, даже не «вчерашние». Результат все перешумевшего соло для боя без часов? Или почти потерянной культуры «Соло для часов с боем»?

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
2—4. Ручное оружие для метания стрел. 5—9. Выдающийся советский ученый в области металлургии и сварки, академик. 10—14. Певческое искусство. 14—16. Прибор для измерения глубины воды с судна. 17—23. Представитель древнего народа тюркского происхождения, кочевавшего в IX—XI веках на юго-востоке Европы. 21—24. Представитель коренного населения тропической Африки. 24—25. Название реки Волги у античных авторов. 26—30. Римская, позже византийская золотая монета. 30—34. Мужская одежда в Индии. 33—36. Река в Турции и Ираке. 37—41. Народный художник СССР, автор триптиха «Александр Невский». 41—44. Характер, совокупность душевных свойств. 44—48. Молдавский советский поэт. 47—49. Легендарный брат Леха и Чеха, прародитель восточных славян. 50—55. Птица семейства вороновых. 56—59. Прохладительный напиток. 59—62. Одно из древнейших названий поселений у славян. 61—63. Город и порт в Болгарии на Дунае. 64—66. Накладные волосы. 66—72. Английский экономист конца XVIII — начала XIX века, один из крупнейших представителей буржуазной политэкономии. 73—77. Пребывание скота на пастбищах. 77—79. Город Костромской области. 80—84. Безворсовый ковер. 85—88. Химический элемент, инертный газ. 86—91. Стихотворение А. Пушкина. 92—97. Органическая маслянистая жидкость, употребляемая главным образом для изготовления красителей. 98—102. Позорящее свойство. 103—106. Советский кинорежиссер, автор фильма «Ленин в Октябре». 107—109. Волшебник. 108—114. Карстовая пещера в Словацком Красе, на границе ЧССР и ВНР. 114—116. Русский композитор, член «Могучей кучки».

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1—88. Египетский фараон из XVIII династии, гробница которого раскопана Х. Картером в 1922 году. 2—12. Крупнейшее газовое месторождение во Франции. 12—42. Род хвойных вечнозеленых деревьев. 71—106. Жилища. 4—14. Заостренная толстая палка. 14—57. Город в Молдавии. 89—107. В старину почтовая станция. 5—41. Начинание, инициатива. 10—70. Дерево из рода платанов. 70—105. По преданию, один из создателей Рима. 9—45. Роговые покровы на концах пальцев. 33—58. Город-государство в Финикии, основанный в IV тысячелетии до н. э. 58—106. Река во Франции. 17—68. Старинное стенобитное орудие. 16—74. Город и порт в Северной Италии. 59—100. Флаг. 26—52. Название мелководных соленых озер с топким дном в Казахстане. 92—84. Злак. 25—110. Унифицированный узел машины. 36—93. Материал, свернутый в трубку. 37—63. Твердый, отвердевший верхний слой чего-либо. 66—102. Зодиакальное созвездие. 49—77. Река в Индии, правый приток Ганга. 77—112. Самая длинная река в мире. 63—95. Мягкий белый известняк. 64—100. Сильно нагретый влажный воздух. 79—114. Старое название реки Урал. 80—99. Река в Северной Италии. 97—115. Жанр изобразительного искусства.

Ответы на кроссворд, помещенный в номере 4-м.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
2—4. Мак. 5—8. Сало. 7—9. Лоб. 10—13. Сари. 12—14. Риф. 14—16. Фал. 17—21. Калка. 20—23. Кара. 22—25. Раут. 26—30. Карта. 30—33. Арал. 32—36. Алкей. 37—41. Книга. 42—44. Дно. 44—48. Орлов. 49—52. Шнур. 51—54. Урон. 54—56. Нил. 57—60. Трал. 59—63. Алдан. 64—67. Сват. 66—69. Атон. 69—72. Нота. 70—74. Отара. 71—76. Тарань. 77—79. Хор. 80—83. Ипат. 82—87. Атаман. 86—91. Ананке. 90—93. Кета. 93—94. Ас. 95—98. Пиаф. 98—102. Фальк. 103—104. Еж. 104—106. Жан. 107—111. Злаки. 112—116. Титан. 117—119. Ару. 119—121. Уяр. 122—124. Кар. 125—130. Илиада. 130—131. Аз. 132—136. Акбар. 137—139. Сан.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1—13. Мали. 2—30. Марка. 4—22. Кофр. 5—54. Салтан. 7—42. Лиард. 9—33. Баал. 10—69. Саргон. 14—57. Франт. 16—34. Лук. 17—52. Каир. 25—76. Телль. 26—67. Кнут. 32—112. Антракт. 33—89. Лоран. 34—75. Кран. 36—61. Иод. 37—95. Кнапп. 42—101. Длань. 48—77. Вах. 49—80. Шви. 52—97. Рота. 54—85. Ном. 55—120. Италия. 59—123. Анкета. 60—104. Льеж. 63—94. Нос. 67—107. Таиз. 77—106. Хан. 83—117. Тала. 84—118. Афар. 92—116. Тан. 99—132. Акула. 104—124. Жар. 113—136. Икар. 114—131. Таз. 120—133. Яик. 121—134. Раб. 122—136. Кар. 127—137. Икс. 129—139. Дан. 134—140. Бак.

Сдано в набор 14.04.89. Подписано к печати 17.05.89. А 08855. Формат 84×60 ⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 483. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

"Мисс СССР-89" москвичка Юлия Суханова

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО